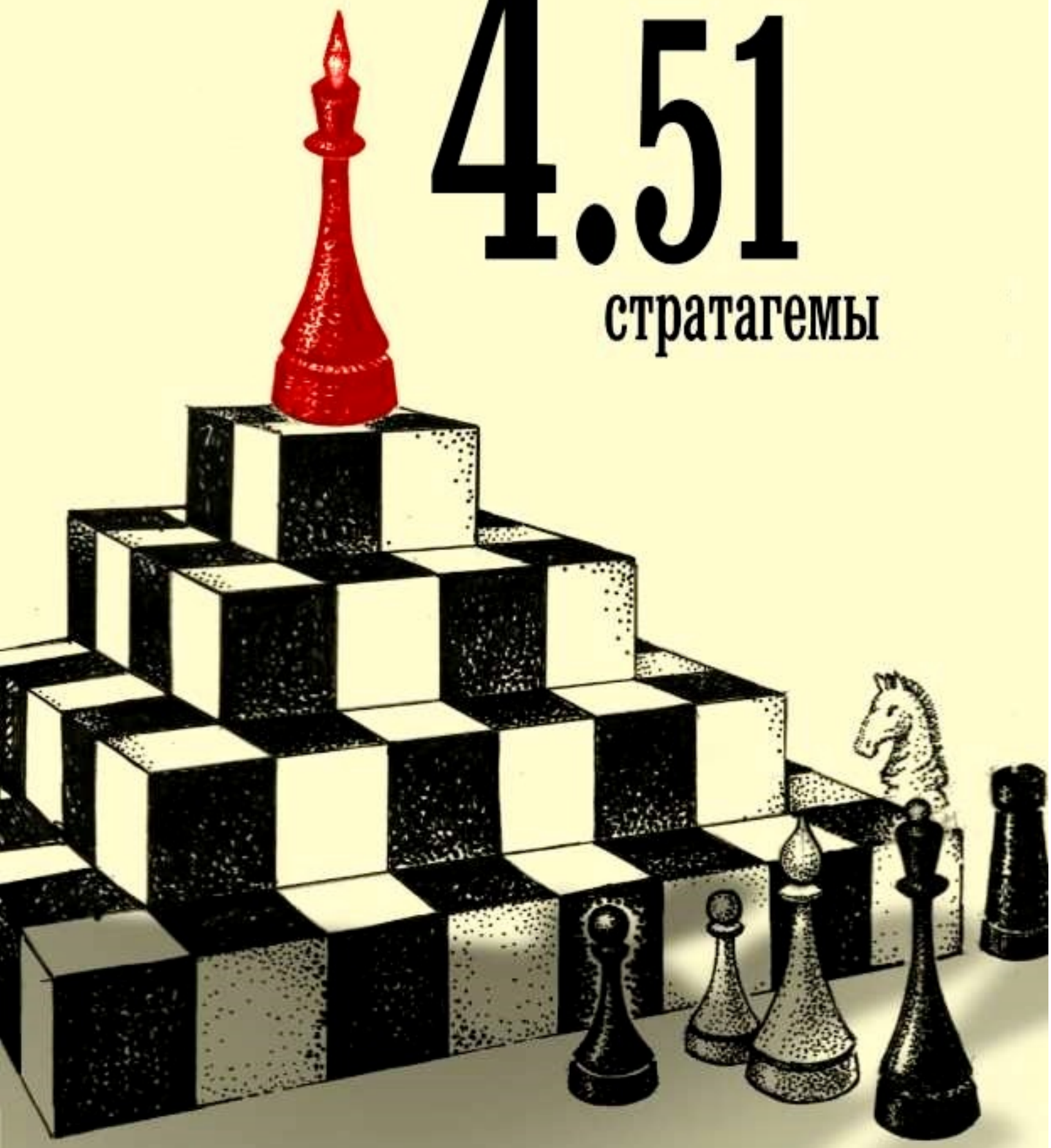

Нурали Латыпов Анатолий Вассерман

4.51

стратегемы

Почему мы написали эту книгу? Как ни парадоксально, её породила смесь надежды и отчаяния. Поэтому мы обращаемся к каждому открывшему её читателю: «Прочитай и передай дальше — если посчитал, что наши аргументы весомы, и разделяешь нашу точку зрения».

Дробный номер вызван тем, что идея создания пояса нейтральных государств, территориально отделяющих нашу страну от стратегических конкурентов, так и не осуществлена — и более того, благоприятные для неё условия уже почти исчерпаны. Сейчас она выглядит всего лишь примером неостребованной дальновидности. Но политические расклады меняются постоянно. Дорога истории вымощена, помимо прочего, надгробными плитами вечных договоров и несокрушимых держав. Поэтому не исключено, что на будущих поворотах этой дороги пояс политического целомудрия опять придётся кому-то впору.

Нурали Латыпов, Анатолий Вассерман

Благодарность

Резюме А. С. Мишарина

Предисловие Н. Н. Латыпова

Предисловие обоих авторов

Самостоятельное дитя Европы

Не для внутреннего пользования

По обе стороны Атлантики

Обход через энергетику

Научное и техническое единство

Не западом единым

Наши личные цели

Технические замечания

Стратегема 0.51

Активная безопасность[26]

Не разбиться в аварии

Чем стреляем

Кто стреляет

Что должно стрелять

Кто должен стрелять

Если завтра война

Кто будет командовать
Активно о пассиве
Не попасть в аварию
Защита договором
Защита дружбой
Защита испугом
Почему Гитлер напал не на всех
Кому мы нужны
Как приспособиться другим
Что ищет он в стране далёкой?
О слонах и кроликах
Карты-картишки брошены веером...
Тезисы по НАТО

1. Расширение НАТО на восток будет неприятно не только России, но и НАТО

2. Реакция России на расширение НАТО будет неприятна не только НАТО, но и самой России

3. Позиция НАТО в период холодной войны была симпатичнее, нежели сейчас

4. Страны Восточной Европы отнюдь не однозначно намерены вступить в НАТО

5. Внешняя политика России до сих пор излишне альтруистична и недостаточно театральна

6. ВПК — залог уважения России в мире

7. Агрессивность России — злонамеренный миф

Россия и НАТО: вопросы и ответы[57]

Пояс политического целомудрия[60]

Конспект концепции

Потсдамская Россия

Как Германию делали безопасной

Уж Герман близится...

Встреча ближе Эльбы[64]

Россия и НАТО — варианты взаимодействия

Стратегема 1. Энергогидроединство

Технополитическая стратегия

Ядерная энергоизбыточность

Нам нужна энергия

Все страхи мира
Смотреть шире
Пустынные просторы
Условия местности
Старый полигон
За морем телушка — полушка
Экибастуз
Евроденьги для энергозоны
Отечественный потребитель
Не Европой единой
Китайские воды
Эколожь и экоправда
Прогресс неотвратим
Крепёж для единства
Синергетика взаимодействия
Ступени развития
Стратегема 2. Подводные ванты
За морем телушка — полушка, да рубль перевоз
Хочешь сделать — ищешь способ; не хочешь — причину
В толще воды
На сети растяжек
Опыт минного дела
Устойчивая конструкция
Расширение решения
Стратегема 3. Спорные острова
Краткая предыстория
Курильский тупик
Краткий историко-политический очерк
История с географией
Промежуточное положение
Первоначальное освоение
Войны советской эпохи
Дипломатия уступок
Нестыковка позиций
Цена и ценность
Обстоятельства реальные
Обстоятельства предполагаемые

Совладения
Некоторые примеры решения споров
Аландские острова
Демилитаризованная зона
Аландское самоуправление
Аландское гражданство
Шпицберген
Ограниченный суверенитет
Политическая экономика
Наступательная экозащита
Рыба в мутной воде
Наука двойного назначения
Андорра
Гонконг
Аляска
Возможны варианты
Пути согласования интересов на Курилах
Аландские острова
Шпицберген
Андорра
Гонконг
Аляска
Шпицберген — Курилы
Современное применение исторического прецедента
Спорные острова
Прецеденты
Щедрая земля
Совместное хозяйство
Суверенная экология
Всемирная репутация
Международный контекст
Многоходовая комбинация
Стратегема 4. Редкие земли
Металл для двигателей и топлива
Приправы для хайтеха
Грязная работа
Изюм продаём только в булках

От Курил до Якутии
Послесловие авторов
Приложения
Приложение 1
Государство — неотъемлемый участник хозяйства
Приложение 2
Как не вернуться к Марксу
Приложение 3
Когда периметр спорит с площадью
Война эпох
Единый порыв
Бог дал — бог взял
Единая культура — единая судьба
Русские становятся евреями
Периметр
Союз против унификации
Разлад вплоть до раскола
Федерация — двигатель прогресса
Варшава и Стокгольм
Свой путь

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Благодарность

Выражаю особую благодарность за интеллектуальную и организационную поддержку Шаймухаметову Руслану Рустемовичу, руководителю Фонда поддержки и развития науки Республики Башкортостан.

Выражаю искреннюю признательность моим коллегам: кандидату физико-математических наук Сергею Владимировичу Ёлкину, Дмитрию Анатольевичу Гаврилову и Сергею Сергеевичу Тушеву — за помощь в создании этой книги.

Резюме А. С. Мишарина

Что можно сказать об авторах и книге? Много. Но я сознательно ограничиваю объём текста. И не потому, что резюме должно быть коротким. Дело в другом, и Вы поймёте это по ходу изложения мысли.

Нурали Латыпова и Анатолия Вассермана я знаю приличное количество лет. Ещё будучи губернатором Свердловской области, я с благодарностью принял их проект повышения интеллектуального уровня средней школы под названием «Школа нобелевского резерва». Общались мы также по многим другим проблемам и проектам. В частности, обсуждали технические детали тогда ещё только предлагаемой мной высокоскоростной магистрали между Уралом и Центром. Авторы данной книги независимо пришли к тем же выводам, что и я: о необходимости скорейшего развития высокоскоростного транспорта в России. У них даже в своё время вышла замечательная статья со знаковым заголовком «Инфраструктура или революция».

А ведь с революциями всё достаточно просто: чем больше революций научно-технических, тем меньше революций политических. И потому я поддерживаю стремление авторов проводить радикальные научно-технические реформы широким фронтом. Авторы изложили их в виде ряда стратегий. Не буду вдаваться в политические детали — я не самый большой специалист в этой области. Но как инженер скажу: очень хорошо проработаны программы использования российских месторождений редкоземельных элементов и развития технологий их переработки, высказаны прорывные идеи по поводу вантового подводного газопровода, описан ряд других, с моей точки зрения, многообещающих технологий и научно-технических прорывов.

Обращать или не обращать внимание власти на эти проекты — для меня этого вопроса не существует. Ведь если вспомнить и давнюю, и недавнюю историю, можно обнаружить, например, как неочевидно было пришествие железных дорог в Англию XIX века, когда и так отлично работала канальная система с баржевыми перевозками, а пропускная способность существовавших на тот момент каналов формально соответствовала объёмам производства. Но железные дороги резко ускорили перевозки. В 1850-х скорость обычных поездов уже превышала 30 км/ч, курьерских — 60 км/ч. Для сравнения: скорость почтовых карет достигала летом 11–13 км/ч и зимой — 8 км/ч. А о скорости барж мы можем судить по запоминающемуся описанию шотландского писателя Роберта Льюиса Стивенсона: «В караване, неторопливо плывущем по каналу, лишь рябь у бортов и позади последней баржи показывала, что он продвигается вперёд». Этот фрагмент взят из книги очерков «Путешествие внутрь страны» и датируется 1878-м годом. На открытых деревянных судах — барках — перевозили уголь, известь, железную руду. Эти барки тянули лошади, идя по бечевникам — специальным дорогам вдоль каналов. Для скоропортящихся товаров использовались так называемые «летучие лодки», передвигавшиеся без остановок. Но даже при постоянной смене лошадей максимальная скорость, развиваемая на таком виде транспорта, не превышала в первой четверти XIX века 15 км/ч.

Громадные средства, дотеле замороженные в перевозимых грузах, направились на реорганизацию предприятий. И очередные кризисы, хотя и нараставшие по абсолютной величине, оказались существенно

скромнее по отношению к общему размаху экономики. Теперь мало кто помнит, как влиятельный в то время журнал «Куортерли Ревью», в общем-то, не занимавший резко враждебную к Стефенсону («отцу» английских железных дорог) позицию, писал: «Нет ничего более смешного и глупого, чем обещание построить паровоз, который двигался бы в два раза быстрее почтовой кареты. Так же маловероятно, впрочем, что англичане доверят свою жизнь такой машине, как и то, что они дадут себя добровольно взорвать на ракете». Стефенсон ответил журналу тем, что назвал паровоз мощностью 12 лошадиных сил, развивающий скорость до 22 км/час, «Ракетой». Именно это новое средство не только вывело крупнейшую на тот момент капиталистическую страну из череды кризисов, начавшихся в первой трети девятнадцатого века, но и обеспечило мощный экономический подъем Британии. К примеру, только добыча угля возросла с 10 млн тонн в 1800-м году до 100 млн тонн в 1865-м году. А протяжённость железных дорог в Великобритании к 1840-му году составила 2390 км.

В XX веке же в преддверии открытия XVIII летней Олимпиады в Токио состоялась прокладка первого участка высокоскоростной железнодорожной магистрали «Синкансэн» Токио — Осака. Эта дорога не только окупилась уже через 7 лет с момента открытия, но и пробила брешь в стене, отделявшей Японию от высокотехнологичного мира. В эту брешь хлынули и другие подросшие японские разработки и множество ныне всемирно известных брендов вроде Sony и Toyota. Дело в том, что ВСМ и морально, и технологически обладают удивительным мультипликативным эффектом. Не случайно китайцы тоже делают высокоскоростные магистрали локомотивом всей экономики страны. Кстати говоря, «заодно» эти дороги «сшивают» страну.

Если скоростные магистрали дают очевидный эффект в Китае, меньшем по пространству и гораздо большем по населению в сравнении с Россией, то нам с нашими просторами и малонаселённостью гигантской страны сам Бог велел быть пронизанными высокоскоростными магистралями. Дам физиологическое сравнение: чем больше организм, тем больше ему нужно крови для функционирования в рабочем режиме. У нас организм (страна) большой, а крови (населения) недостаточно. Что можно сделать в этой ситуации? Заставить кровь быстрее

циркулировать по организму. Кто это может сделать? В нашей стране магистральные кровеносные сосуды — в первую очередь железные дороги, хотя авиация и автомобильный транспорт также вносят свою лепту. Поэтому строительство высокоскоростных магистралей — буквально вопрос жизни или смерти.

Поэтому возьму на себя смелость присоединить к 4.51 стратагемам ещё одну — а может быть, даже две. Это стратагемы скоростного железнодорожного сообщения для России, которые могут не только обеспечить опережающий (проблемы) рост экономической и военно-политической мощи страны, но и сделать её реальным центром притяжения евразийского пространства.

Предисловие Н. Н. Латыпова

Мы заканчиваем нашу книгу в те дни, когда ракетой неизвестного происхождения в небе над Донецкой областью сбит малазийский лайнер Боинг-777. Конечно, мы знаем, чья это была ракета, но, в отличие от Порошенко, не спешим обнародовать свои догадки до официального вердикта специалистов.

Сбитый гражданский самолет с многочисленными жертвами — ещё одна ступенька сползания мира к Третьей Мировой войне. Она идёт уже и в наши дни, только пока это холодная война. Третья Мировая Холодная война. Первая Холодная война прошла в преддверии Первой мировой войны. Во Второй Холодной войне, к сожалению, победу над СССР и союзниками одержал Запад. И вот сегодня идёт третья по счёту мировая холодная война в истории человечества — и получает всё более и более опасный разогрев.

Соединённые Штаты Америки — безусловно, модератор этих процессов. Им нужно защищать свою национальную безопасность, свои национальные интересы. И эта защита, к сожалению, во многом замешана на нечестной конкуренции и нечестных приёмах, используемых в политической, идеологической, технической борьбе. Прежде всего это создание хаоса на территории потенциальных геополитических соперников. Мы утверждаем: вся линия нагнетания ситуации на Украине направлена в первую очередь не против России, а против Евросоюза. Да, страдает и Россия, но главная задача — подрыв экономического потенциала Евросоюза. То же самое происходило и с другими геополитическими соперниками США. Вспомним подрыв

Ирака в тот момент, когда он стал одним из важнейших поставщиков углеводородных ресурсов для Китая. То же самое происходило и с Ираном.

Очень показательна история с Ливией. На самом деле Муаммар Каддафи практически склонил голову перед США, отдался мирному сосуществованию с Америкой. Но Соединённые Штаты лучше, чем кто-либо, умеют высосать и выбросить таких соглашателей. Так было и с Милошевичем после подписания им Дейтонских соглашений. Так было и с Каддафи: за него взялись тогда, когда он перешёл красную черту, пытаясь подорвать позиции доллара, раскручивая общеафриканскую валюту.

Соответственно, опасное противостояние ждёт нас после бразильского саммита БРИКС, где участники чётко поставили вопрос о замене доллара другими резервными валютами, уходе от долларовой оборота. А для Вашингтона именно это смерти подобно.

Кстати, мы считаем, что сам президент США Барак Обама вряд ли сам является ястребом: видно, как натужно ему даются радикальные выпады. Но политическая система в США устроена не так, как в России и Китае. Многое из того, что происходит, можно понять, читая, например, мемуары Рузвельта: он сетовал на то, что «дядюшка Джо» (Сталин) не понимает, как сложно принимать решения в Соединённых Штатах. Да, наверное, Сталину трудно было это понять, потому что система принятия решений сверху вниз — традиционная для российских правителей. В США очень тяжело выстраивается консенсус, и соответственно, возможности для консолидации тех или иных бывших антисоветчиков (ныне — антироссийщиков) имеют большой маневровый люфт.

Не вдаваясь в глубокие политологические подробности, скажем так: мы со своей стороны крайне негативно оцениваем подрывную работу США во внешнеполитических играх, но одновременно с огромным уважением относимся к внутренней, в первую очередь, научно-технической и образовательной политике Соединённых Штатов. Не можем не привести одну недавнюю и очень интересную цитату американского президента. В феврале 2013-го года Барак Обама в обращении к согражданам заявил: «Настало время выйти на новый уровень исследований и разработок, невиданный с момента космической гонки... Сейчас не время потрошить инвестиции в науку

и инновации... Каждый доллар, который мы вложили в создание карты человеческого генома, вернул 140 долларов в нашу экономику — каждый доллар!»

Во время Лондонской Олимпиады американцы заняли первое по количеству медалей место в неофициальном общекомандном зачёте. И это очень встревожило наш политический истеблишмент. Между тем он не заметил другого — более достойного тревоги — события этих дней. Летом 2012-го года блестяще осуществилась миссия американского исследовательского марсианского зонда: он доставил на поверхность Красной планеты уникальный самоходный аппарат «Curiosity». Да, мы помним: на нём стоял и российский прибор, способный искать на Марсе признаки воды. Но почему бы не задаться вопросом: отчего не американцы ставят свой прибор на наш аппарат, летящий к дальним мирам? Не будем забывать и то, что американские аппараты Вояджер достигли пределов солнечной системы. У американцев масса и других достижений. А мы — страна, которая первой запустила искусственный спутник Земли, первой запустила в космос человека — вынуждены просто смотреть и утирать сопли.

Чем заняты в это время мы? Например, дербаним Российскую академию наук. Пусть она нынче хилая, немощная, погрязла во внутренних проблемах. Однако полезно вспомнить в этой связи некоторые народные технологии. Когда, например, на Кубани приходит время обновить хату, старая хата не сносится, сразу вместо этого над ней начинают возводить новую. И только когда новая хата будет достроена, старую разбирают изнутри. Так вот: создайте для начала что-то работающее, нечто, что можно было бы назвать новым механизмом достижения научно-технических результатов. И только потом, если хотите, ломайте старое даже через колено. Хотя в этом нет никакой необходимости: РАН — не Карфаген. Нужно использовать даже немногие ресурсы, ещё остающиеся в Академии наук. Сегодня там остались почти одни «старрики», но и на них сейчас можно и нужно опираться. Поскольку большая часть молодых и перспективных, возвращённых советской наукой, увы, дёрнула в те же Соединённые Штаты.

Ещё про то, как стремительно деградирует наше инженерное образование. Об этом несколько лет назад мы писали в нашей книге «Острая стратегическая недостаточность» — в главе «Острая

инженерная недостаточность». Мы рады тому, что президент Путин месяц назад поднял этот вопрос, но не рады тому, что сделано это так поздно. Деграция инженерного корпуса началась ещё во второй половине правления Брежнева. Великая инженерная страна, к сожалению, теперь побирается чужими технологическими разработками. Дело дошло до того, что мы покупаем машины и механизмы у Китая, поставляя ему сырьё. Китай строит автомобильный завод на нашей территории. А ведь относительно недавно советское правительство подарило Китаю целиком, «под ключ», Горьковский автозавод (к тому времени радикально модернизированный по сравнению с купленным в начале Первой Великой депрессии у Форда также «под ключ» первоначальным производством), выпускавший не только грузовые автомобили, но и легендарную легковую «Победу» — первый в мире автомобиль без выступающих из кузова крыльев передних колёс и со многими внутренними новшествами, ставший предметом всеобщего подражания. Теперь между нами и Китаем произошла экономическая и технологическая инверсия. И эта инверсия может иметь очень печальные последствия.

Пока не поздно, призываем лиц, принимающих решения, рассмотреть как наши стратегические разработки по выравниванию и корректировке российской научно-технической политики, так и разработки наших талантливых коллег (о них много пишет, например, известный публицист Максим Калашников).

Предисловие обоих авторов

В нашей действительности, к сожалению, давно выстроилась чиновничья система, не позволяющая работать не только социальным лифтам. В первую очередь, не работают лифты интеллектуальные. Развитие цивилизации сформировало своеобразный — в сущности, антицивилизационный — отбор идей и людей. С одной стороны, всплывают сливки — интеллектуальные, менеджерские. С другой — как и положено, всплывает то, чему положено всплывать. И наверху скапливается дермово-сливочный коктейль.

Сходные процессы происходят в большей части развитых (или хотя бы считающих себя развитыми) стран. Но страны, исходящие из задач самосохранения, научились нивелировать влияние

дурнопахнущей составляющей этого причудливого коктейля. А вот сливки отечественной политики, к сожалению, закрыты дерьмом от той же самой политики почти по полной программе. Возможно, как раз потому, что слишком многие у нас уверены в неизбежности сохранения нашей страны при любых обстоятельствах — и посему даже не пытаются совершенствовать обстоятельства, другие же, напротив, в той же степени уверены в неизбежности её краха независимо от чьих бы то ни было усилий — и посему не только заранее ищут себе убежища, но и целенаправленно высасывают ресурсы своей страны для построения личного и семейного благополучия на территории «вероятного противника».

В этой книге мы не погнушаемся хотя бы частично разгрести всё находящееся в ведении ассенизаторов, дабы попытаться довести до сливок по меньшей мере некоторые наши собственные идеи.

Сразу оговоримся: мы и раньше пытались достучаться до верха. Например, разработка «пояс политического целомудрия» появилась ещё до того, как Ельцин принял роковое решение: «Бог с ним, пусть НАТО делает, что хочет в Восточной Европе». Теперь уже известно, сколь далеко пошли последствия этого решения. Особенно в Польше: она стала модератором антироссийского вектора в Европе. Как раз в процессе обсуждения этого — тогда ещё будущего — решения мы предлагали альтернативу — «пояс политического целомудрия». Из рассуждений на эту тему, приведенных в книге, читатель увидит: ещё можно тем или иным способом спасти хотя бы часть нейтрального оплота. Кстати, недавно сходное решение предложил не кто иной как знаменитый политический «ястреб» Бжезинский. Поневоле вспомнилась популярная в советское время фраза «верной дорогой идёте, товарищи!» Беда только в том, что по разработанным нами политическим дорогам пока идут лишь немногие политики. Однако незнание дорог не освобождает от ответственности за блуждание.

Но и это — далеко не начало нашей истории. Один из авторов этой книги в наивной надежде писал Горбачеву перед XIX партийной конференцией письмо, где дал обоснование и теоретический анализ необходимых изменений состава правившей в ту пору партии. Марксизм абсолютно не предполагал, что партия, осуществляющая его программу, даже через век с лишним после трудов основоположников должна состоять из голого пролетариата. Более того, к концу XX века

стало вполне очевидно: интеллектуальный труд столь же производителен, что и пролетарский (хотя задача сопоставления производительности разных видов труда сейчас так же далека от точного решения, как и в марксовы времена). Поэтому надлежало снять ранее поставленные барьеры на принятие людей умственного труда в партию трудящихся. Кстати, тогда уже возникло немало приёмов обхода этих барьеров. Но интеллектуальные сливки — представители научно-технической элиты — брезгливо относились к обходным путям в элиту управленческую. Зато вышеупомянутый противовес сливок умело пользовался ограничениями, чтобы убрать конкурентов со своего пути в верхи партии. Таким образом, партия обеднилась, и мы имеем, что имеем. К сожалению, это письмо не достучалось на самый верх. Возможно, как раз потому, что процесс накопления там легковсплывающей субстанции зашёл слишком далеко.

Исходя из накопленного с тех пор обширного опыта, мы теперь пытаемся продвигать спасительные, с нашей точки зрения, разработки не по привычным бюрократическим каналам, а обходным путём — через всех наших читателей. В этой книге собрано несколько разработок, способных, на наш взгляд, помочь стране выбраться из геостратегической ямы.

В своё время на нас произвела большое впечатление книга Вальтера Дзенги «36 китайских стратагем». Впрочем, сам термин «стратагема» греческий. А предложения, представленные в нашей книге — наши, отечественные. Полагаем, по своему возможному значению для всего дальнейшего развития страны и мира они вполне заслуживают названия стратагем.

Теперь кратко рассмотрим стратегическую обстановку, куда они вписаны.

Самостоятельное дитя Европы

Начнём, как говорили в Риме, ab ovo — с яйца^[1], то есть с Америки. Поскольку именно её часть — США — сейчас влияет на весь мир.

Соединённые Штаты Америки — модифицированная (в том числе и генно-модифицированная множеством случайно и целенаправленно заимствованных элементов со всего мира) европейская цивилизация.

Большинство земель Нового Света колонизировали романцы: прежде всего Испания, в меньшей мере Португалия и Франция. Север материка достался Британии. Она даже почти потеснила французов из Канады. Затем часть британцев, провозгласившая 1776–07–04^[2] независимость от метрополии, назвала себя американцами, тем самым заявив свои претензии на единоличное представительство всего Нового Света. Они вытеснили тех же французов с побережья Мексиканского залива, купив Луизиану, и постепенно выдавили испанцев (и мексиканцев — один из множества вариантов слияния испанской и местной индейской культуры) со всех земель к северу от Рио-Гранде (по сей день в приграничных регионах США добрую половину населения составляют мексиканцы с небольшой добавкой других латиноамериканцев). Затем те же американцы прибрали к рукам земли, освоенные русскими (в тогдашней геополитической обстановке сугубо континентальная Россия, ставшая объектом разностороннего давления сугубо морской Британии, вряд ли могла удержать свои заморские владения, так что их продажа представлялась разумным шагом). Одновременно шла зачистка территории США от коренного населения. Понятно, в ходе всех этих географических перемен граждане США впитывали и элементы культур, бывших ранее на занимаемых ими территориях, и опыт военной и экономической борьбы с носителями этих культур.

Одновременно в население США интегрировались иммигранты из всей Европы (а с начала XX века — и Азии). Когда в новосозданных США возник вопрос об установлении государственного языка, довольно долго шёл спор между английским и немецким: концентрация переселенцев из многочисленных тогда германских государств обеспечила им серьёзное — в том числе и культурное — влияние на всю страну. После отмены рабства в американскую культуру постепенно влились африканские элементы, большей частью уже претерпевшие немалые изменения ввиду длительного отрыва рабов от своих народов.

Сейчас основной — и по численности, и по влиятельности — группой населения США всё ещё остаются белые англосаксонские протестанты (white anglo-saxon protestant — WASP^[3]). Но американская культура в целом — сплав множества разнородных элементов со всего света. Даже оптимальная по мнению самих

американцев модель межнационального взаимодействия названа плавильным котлом — смешением и полной интеграцией всех культур^[4].

Но по меньшей мере в одном отношении — во взгляде на окружающий мир и выборе способов взаимодействия с ним — США практически полностью унаследовали британскую стратегию и по сей день не стремятся её менять.

Стратегия же эта совершенно естественна для маленького островка, лишь узким (и судоходным почти в любую погоду) проливом отделённого от большого материка, населённого множеством воинственных народов. Британию завоёвывали неоднократно (в последний раз — в 1066-м году). Понятно, для неё единственное спасение — когда на материке несколько почти равных сил враждуют между собой: только тогда они не обращают внимания на остров. За много веков англичане отточили до совершенства искусство стравливать другие народы между собою, поддерживать слабейшего и бить его в спину, как только он станет сильнейшим. Министр иностранных дел (и один из главных организаторов антироссийской коалиции в 1853-м году) лорд Палмерстон совершенно искренне сказал в палате общин 1848–03–01: «У нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг — следовать им^[5]» (и коллеги его одобрили: в 1855–65-м он возглавлял правительство). Для сильных стран и народов такое поведение — предательское, для слабых — зачастую жизненно необходимое. Беда только в том, что Британия продолжала так себя вести, даже став сильной. Более того, даже в XIX веке, когда промышленная революция сделала Британию сильнейшей страной мира, она продолжила ту же политику. И тем самым восстановила против себя едва ли не весь остальной мир.

США сохранили ту же традицию стравливания других между собою. Британия в 1920–30-е годы усиленно вскармливала побеждённую при её участии в Первой Мировой войне Германию как противовес победившей совместно с Британией Франции — а США в то же время финансировали и Германию, и выбывшую из Мировой войны Россию (в те годы — Советский Союз) как противовес Британии^[6]. Сенатор Трумэн в 1941-м, узнав о германском нападении на нашу страну, сказал: «Если мы увидим, что войну выигрывает

Германия, нам следует помогать России, если будет выигрывать Россия, нам следует помогать Германии, и пусть они как можно больше убивают друг друга, хотя мне не хочется ни при каких условиях видеть Гитлера в победителях». И это вполне соответствовало массовой англосаксонской идеологии: в 1944-м Трумэн избран вице-президентом при бессменном Рузвелте, после его смерти стал президентом, а в 1948-м переизбран.

Заметим кстати: Россия отродясь не позволяла себе ничего подобного. Мы строжайше соблюдали — причём не только по букве, но и по духу — свои соглашения, обещания и даже неявные посулы, зачастую даже в ущерб себе (так, хотя у нас — как и у прочих великих держав — были веские причины для вступления в Первую Мировую войну, но поводом стала поддержка Сербии: формальных обязательств перед нею не было, но весь мир считал Россию единственной надеждой Сербии, у нас самих было то же мнение — и этого хватило, хотя тот момент был очень невыгоден с точки зрения боеготовности самой России — другие державы уже завершили первоочередные программы перевооружения, а наша программа рассчитывалась до 1917-го года). Другое дело, что и от своих партнёров мы ждали такого же поведения. Бисмарк сказал: «Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут — не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть».

Рыцарство нынче выведено из моды. Но исторический опыт доказал: русская верность слову при всех очевидных тактических проигрышах полезна стратегически. Нам всегда было куда легче находить союзников, чем британцам, и сами союзники реже отказывались исполнять свой долг^[7].

США тоже куда легче находили надёжных партнёров, пока сами соблюдали свои обязательства. Увы, сейчас они почти забыли времена своего бывшего духовного величия, что приносит немало бедствий не только остальному миру, но и им самим: даже те, кого они принудили шагать в заданном ими направлении, с трудом скрывают желание

бежать куда глаза глядят — так что надёжной внешней опоры у США уже довольно давно нет.

Но недооценка соперника — шаг к поражению. Как ни противна русскому взгляду англосаксонская стратегия выживания за чужой счёт, необходимо признать: Британия и США дали миру очень многое — и достижений, вызывающих восхищение, у них куда больше, чем вызывающих отвращение.

В числе интересных особенностей американской цивилизации — воспитание детей. Их стараются как можно раньше выпустить в свет, как можно раньше привить им независимость. Задержка детей около родителей считается ненормальной. Возможно, это связано с тем, что американский народ сформировали переселенцы со всего света, воспринимавшие самих себя как детей, оторвавшихся от родительских народов. Но в этом отношении сложилась парадоксальная обстановка: родитель — Старый Свет — попал в зависимость от ребёнка, будучи ещё вполне дееспособным. Правда, для этого понадобились немалые усилия самого родителя: ни план Маршалла (кредиты на послевоенное восстановление, сопровождаемые множеством политических требований), ни Организация Северо-атлантического Договора не были бы возможны без разрушения значительной части Европы во Второй Мировой войне. Но теперь, когда зависимость уже сложилась (и американцы научились злоупотреблять ею), США обрели возможность не только действовать по всему миру, но и усиливать зависимость мира от себя. Поэтому в публикуемых материалах американская позиция упоминается очень часто — хотя речь идёт в основном о Старом Свете.

Не для внутреннего пользования

Один из авторов этой книги, когда ещё курил, обратил внимание: на пачках американских сигарет, завозимых в Одессу моряками дальнего плавания, указывалось, что они не облагаются налогом, поскольку предназначены только для использования за пределами США. Такой способ поощрения экспорта в советское время был малопонятен, зато теперь выглядит вполне естественно: экспортёры-то в любом случае тратят в своей стране изрядную часть доходов, и казна получает своё от налогов, связанных с этими затратами.

США развили систему разделения внутренней и экспортной продукции. Много, что они поставляют за рубеж, внутри страны вообще практически не потребляется. Например, свой главный после Второй Мировой войны экспортный товар — доллар — они охотно вывозят в наличном виде, а внутренний деньгооборот с незапамятных времён проходит большей частью в безналичных формах (от почти повсеместного приёма чеков на любые суммы ещё в XIX веке до современных платежей через Интернет). Уже около полувека в США не выпускаются банкноты номиналом более \$100 (хотя ранее бывали в свободном обращении даже банкноты в \$10 000, а для межбанковских взаиморасчётов — и \$100 000). Более того, такие банкноты не подлежат вывозу из страны (а значит, и ввозу: ведь если её пытаются ввезти — то когда-то вывезли) — не ради борьбы с мошенничеством, а для поощрения активного наличного обращения долларов за рубежом (мелкие купюры чаще попадают к частным лицам). В самих же США давно самая ходовая купюра — \$20: уже много лет примерно столько стоит доза самых тяжёлых наркотиков, и этой купюрой откупаются от наркомана, попавшегося на пути в тёмном переулке.

Но американский экспорт по принципу «на тебе, небоже^[8], что мне негоже» не ограничивается товарами. Не помним, кто из американских экономистов и/или политиков сказал примерно следующее: «Есть два вида экономики — один вы стараетесь построить у себя, другой рекомендуете своим конкурентам». Эти экспортные советы о построении чужих экономик — один из сильнейших американских инструментов борьбы.

Внутри США немало внимания — и властей, и рядовых граждан — уделяется поддержанию порядка и равновесия. На экспорт же направляются хаос и перекосы (вплоть до превращения целых стран в монокультурные сырьевые придатки США и поощрения разных видов монополизации, включая диктатуры). Откуда такая инверсия внешнего и внутреннего? Прежде всего от вышеупомянутой англосаксонской традиции стравливания потенциальных противников между собою, вынуждающей то и дело повторять «это наш сукин сын^[9]». Вдобавок порою приходится разжигать пожары, чтобы отвлечь потенциальных защитников местных интересов от обороны того, что заинтересовало США.

Стратегия «разделяй и властвуй» известна ещё с римских времён. Но США пользуются ею несравненно активнее всех предшествующих империй (а главный признак империи — многонациональность и многокультурность — у них существует с момента возникновения и по сей день).

Рассмотрим довольно свежий пример — американское вторжение в Ирак. Там с тех самых пор, как Британия с Францией разделили владения Османской империи, разваленной Первой Мировой войной, сосуществовали три основных этнических общины — арабы суннитской и шиитской ветвей ислама^[10] и курды^[11]. Взаимные противоречия этих групп не переходили в открытые столкновения только под давлением жёсткой диктатуры (её в разное время возглавляли многие правители, но в целом вся история Ирака — диктаторская). Старший из президентов Бушей в 1991-м не стал добивать Ирак именно для того, чтобы не расколоть власть в нём и не пробудить открытую борьбу. Но младший, невзирая на опыт отца, в 2003-м вторгся в Ирак. Результат получился именно тот, что предсказали знатоки обычаев этого региона: межобщинная война, где ежегодно погибает куда больше народу, чем за все годы всех диктатур. Даже самих американцев (и военнослужащих других государств, желающих выслужиться перед США) за годы оккупации погибло несколько тысяч — куда больше, чем может выдержать общественное мнение. Зато США через курдов контролируют значительную часть нефтеносных районов сразу четырёх государств, а через арабские общины влияют на позиции заметной части арабского мира. Всё в рамках обычной американской стратегии.

Мы пишем это предисловие в те дни, когда в Ираке развивается наступление арабских боевиков (в основном — крайне консервативного вероисповедания в рамках суннизма), именующих себя исламским государством Ирака и Леванта (то есть Средиземноморья). Они накопили немалый боевой опыт, пытаясь при поддержке американцев и самых реакционных арабских государств свергнуть законную власть в Сирии (или хотя бы уничтожить побольше тех, кто эту власть поддерживает — а таких по меньшей мере 3/4 населения). Значительную часть этих бойцов составляют те, кто связан с легендарной организацией Аль-Каида, не раз объявлявшей

США своим главным врагом (а те платят ей взаимностью). Выходит, США утрачивают контроль над Ираком?

Никоим образом. Само название организации — арабское слово «основа», «база» — возникло потому, что её костяк составили люди, учтённые в базе данных об американских и саудовских платежах наёмникам, воевавшим против СССР в Афганистане. Координировал эти выплаты выходец из почтенной саудовской семьи Бен Ладен, чью безупречную честность гарантировал крупнейший в королевстве строительный бизнес, существующий уже несколько поколений. Взаимоотношения Усамы Бен Ладена с его нанимателями обострились по причинам, никак не связанным с семейными делами. Даже если кто-то из его наёмников действительно участвовал в террористических актах против США (ведь допросить боевиков, погибших при взрывах, невозможно, так что приходится полагаться только на саморекламу оставшихся в живых), это не отменило старые деловые связи США с остальной организацией. Так что даже если сторонники возврата в эпоху раннего ислама^[12] действительно захватят власть в какой-то части Ирака, США всё равно сохранят контроль над нефтеносными провинциями, а заодно обретут противовес Саудовской Аравии, где именно эта версия вероучения официальна с момента создания государства в 1932-м. А уж возможность давить руками фанатиков на государства, сопредельные с Ираком, и вовсе трудно переоценить. Террористы — шомпол, воткнутый в зад всех этих государств сразу. Манипулировать же фанатиками — дело нехитрое: США смогут буквально мизинцем сдвигать в нужную им сторону равновесие во всём регионе, гася любое нежелательное им движение. А сколько крови при этом гашении прольётся — так это же не американская кровь!

По обе стороны Атлантики

Любая валюта обеспечена в конечном счёте всей массой товаров и услуг, доступных к приобретению за эту валюту без особых усилий по её обмену. Значительная часть мировой торговли происходит на основе долларовых взаиморасчётов. Именно поэтому основная статья экспорта США — бумага с водяными знаками и красивыми рисунками зелёного (сейчас голубоватого) цвета и её безналичные эквиваленты: за доллары США покупают в остальном мире примерно столько же,

сколько производят сами, но эти доллары не возвращаются в США, а обращаются на мировом рынке.

Понятно, этот сверхвыгодный бизнес попал под угрозу с появлением евро: тот мог взять на себя обслуживание значительной части всемирного товарооборота, вытеснив из этой роли доллар. Поэтому, чтобы сохранить высокий экспортный потенциал своего главного продукта, американцы не имели иного выхода, кроме как оттащить евро вниз за трусы (как тормозят соперников недобросовестные спортсмены).

Первой точкой опоры для переворачивания Европы стала Югославия. Дело даже не только в том, что в цельном виде она играла самостоятельную сильную роль. Куда важнее, что солидарность в рамках НАТО вынудила большинство стран ЕС соучаствовать в цепочке международных преступлений на земле уничтожаемой страны — и тем самым оказалась подорвана репутация евро: сильную экономику может обеспечить только самостоятельная позиция. Вдобавок осколки Югославии стали опасны не только друг для друга, но и для окружающих: достаточно вспомнить, что крупнейшая в Европе авиабаза Бонд Стил стала по совместительству крупнейшим центром перевалки афганского героина из транспортных самолётов американских вооружённых сил в руки косовских албанцев, благодаря чему они довольно быстро отвоевали себе заметное место в европейской организованной преступности (не только в наркоторговле: боевики, набившие руку на уничтожении соседей, легко отстреливают всех, кто попытается препятствовать любой их деятельности). Ещё до разрушения Сербии специалисты предупреждали, что отторгнутое от неё Косово станет очагом бандитизма и наркоторговли. Но это же не для внутреннего потребления! Это будет — опять же — шомпол в прямой кишке растущей Европы.

Запас прочности Европы оказался достаточно велик. Она в конце концов переварила распад Югославии, нашла способы контроля её осколков — и начала выбираться из провала, начавшегося как раз при демонтаже Сербии. Но американцы заблаговременно подготовили новую мину. Ещё в 1993-м на соседнем с новым главой Национального банка Украины Виктором Андреевичем Ющенко кресле в трансатлантическом самолёте неожиданно оказалась Екатерина-Клавдия^[13] Михайловна Чумаченко — сотрудница отдела разведки^[14]

министерства иностранных дел^[15] США. Причём там она много лет отвечала за финансирование зарубежных некоммерческих организаций. Не удивительно, что в 2004-м, когда её муж (с 1998-го года) проиграл президентские выборы Виктору Фёдоровичу Януковичу^[16], выкормленные из её рук активисты самого разного толка стали костяком митинга на киевской площади Независимости, послужившего опорой для государственного переворота, передающего эту самую независимость в полное распоряжение США.

Понятно, в период правления Ющенко США контролировали Украину едва ли не полностью. Достаточно сказать, что дипломы выпускникам главной разведшколы Службы безопасности Украины вручал посол США. Естественно, в 2010-м Януковичу позволили победить на выборах только в обмен на обещание сохранить подчинённость Украины зарубежью. И когда он отказался отдавать всё украинское производство на разрушение (а результат соглашения об ассоциации Украины с Европейским Союзом очевиден из самого текста этого соглашения), второй государственный переворот организовали уже с существенно меньшей оглядкой на общественное мнение и большей агрессивностью.

Один из авторов — гражданин Украины, проживший 43 года в Одессе. Поэтому совершенно уверен: украинцы — такая же неотъемлемая часть русского народа, как архангелогородцы, белорусы, новосибирцы или уралыцы. Но даже если бы Украина действительно была отдельной страной с отдельным народом, её благополучие было бы нам жизненно необходимо: слишком большая доля транзита между ЕС и РФ проходит через эту республику, слишком многие граждане РФ имеют там родню с незапамятных времён^[17], слишком велик риск переброски на территорию РФ любого пожара с Украины.

В то же время любую попытку РФ повлиять на жизнь другой страны неизменно провозглашают проявлением агрессивной имперской сущности. На наш взгляд, многонациональная империя прогрессивнее мононационального королевства хотя бы потому, что большее разнообразие углубляет разделение труда и тем самым повышает его производительность. Но навязчивая антиимперская реклама, исходящая от крупнейшей современной империи (США не только многонациональны, но ещё и контролируют разными способами едва ли не половину остального мира), превратила само

понятие «империя» в «страшное слово^[18]». Таким образом, РФ поставлена, говоря шахматным языком, в цугцванг: любой ход ухудшает положение.

Обход через энергетику

Наш главный стратегический принцип: если на всей плоскости решений нет приемлемого направления — надо из этой плоскости выйти.

В рамках нынешнего формата взаимодействия США и ЕС нет возможности улучшить положение РФ. Перпендикулярный ход — оторвать Старый Свет от Нового. Прежде всего — экономически.

Давайте зреть в корень глубже. Кто в Европе заказывает музыку? Где внутриевропейский хвост, крутящий всей европейской собакой? Несомненно, Германия. Конечно, былой печальный исторический опыт попыток открыто взять всю Европу под свой контроль заставляет Германию теперь не показывать мускулы, а действовать тихо, подковёрно. Но её влияние от этого только растёт.

Главная же проблема самой Германии — энергетическая. Её промышленность — крупнейшая в ЕС — требует соответственно крупнейшего в ЕС энергопотребления. Но сейчас общественное мнение страны помешано на экологии. В 2022-м году все атомные электростанции будут остановлены^[19]. Альтернативные источники, сколь ни старайся, не смогут полноценно заменить АЭС.

Более того, по мере внедрения в германскую экономику всевозможных альтернативных источников приходится в той же мере наращивать не просто классическую энергетику, а конкретно газотурбинные электростанции. Ведь это — единственный вид генерации, способный достаточно быстро реагировать на колебание силы ветра или на облака, перекрывающие солнце. Поэтому, как ни странно, по мере немецкого увлечения альтернативной энергетикой соответственно растёт потребление российского природного газа. И это для нас выгодно, ибо привязывает Германию к РФ всё теснее.

США стараются взять энергорынок ЕС под свой контроль. По ходу работы над этой книгой мы узнали новость: американская General Electric потратила целых 17 миллиардов долларов (много даже для столь крупной фирмы) на приобретение энергетических активов французской Alstom. По номиналу — без учёта девальвации доллара

за послевоенную эпоху в сотни раз — это едва ли не крупнейшее американское приобретение со времён плана Маршалла.

Кстати, сам этот план рекламировали как чистую благотворительность. На самом деле кредиты на послевоенное восстановление, предоставленные европейским странам по этому плану, не только позволили подчинить всю их политику американским интересам (так, Италия и Франция получили кредиты только в обмен на изгнание из правительств представителей крупнейшей тогда фракции в их парламентах — коммунистической). Они ещё и были связанными: по ним можно было покупать только товары и услуги американских фирм^[20], что обеспечило не только сохранение производительности, уже достигнутой в ходе Второй Мировой войны, но и дальнейшее развитие американской экономики. Вдобавок в качестве залога по кредитам или в их погашение США получили контроль над многими существенными ресурсами Старого Света.

Сейчас США делают новый очень правильный ход — и в коммерческом, и в политическом смысле. Энергетика — самый чувствительный магистральный нерв. Через него можно контролировать весь европейский организм.

Кстати, для той же самой цели американцы сейчас добиваются контроля над украинской газотранспортной системой. Причём они не собираются её покупать: в этом случае им бы пришлось вкладываться в ремонт — а он после двух с лишним безремонтных десятилетий ненамного дешевле строительства новой такой системы. Они добиваются всего лишь статуса оператора. То есть ремонтировать её по-прежнему никто не будет, но до её полного развала США будут очень плотно держать руку на европейском горле.

Но всё же при всей экологической чистоте природного газа самая рафинированная энергия — электрическая.

Кстати, на втором месте по экологичности — как ни парадоксально — атомные станции: за всю историю ядерной энергетики со всеми её катастрофами в окружающую среду попало меньше радиоактивности, чем угольные электростанции выбрасывают за год (к углю всегда примешаны горные породы, а в них неизбежно есть радиоактивные элементы, и сколь ни мала их концентрация, громадная масса сжигаемого угля оборачивается значительными вредными выбросами). Правда, японская Фукусима ещё раз напомнила

то, что четвертью века ранее показал советский Чернобыль, а ещё за семь лет до него американский Трёхмильный остров (Three Mile Island): нельзя размещать потенциально опасные объекты в густонаселённых районах. В частности, Франция в погоне за энергетической независимостью добилась покрытия генерацией на АЭС 4/5 своей потребности в электроэнергии — но та же Германия теперь смотрит на неё как на громадную мину замедленного действия. Так что лучше вынести АЭС в малолюдные места и уже оттуда передавать чистое электричество, не приносящее с собою никакие загрязнения.

АЭС очень инерционны: остановка агрегата занимает более суток, а его повторный пуск — до 3–4 суток^[21]. Как уже отмечено выше, самые динамичные тепловые энергоагрегаты — на газовых турбинах. Поэтому наряду с АЭС нужно строить газотурбинные станции. Немалую их часть нужно размещать поблизости от крупных потребителей. Значит, наряду с развитием линий электропередачи (ЛЭП) нужно совершенствовать газотранспортные системы.

Всеми этими соображениями порождены включённые в этот сборник стратагемы, касающиеся ядерной энергетики, ЛЭП и конструкций газопроводов.

Научное и техническое единство

К сожалению, РФ в данный момент располагает не всеми ресурсами (и прежде всего — не всеми технологиями), необходимыми для построения описанных систем. С другой стороны, Германия — не только потребитель нашего энергосырья. Она ещё и в числе крупнейших технических и научных центров. Более того, Россия и Германия, как показывает многовековой опыт, синергетически дополняют друг друга: возможности каждой из стран дополняют другую так, что при совместной деятельности они многократно эффективнее суммы своих же усилий по отдельности. Не зря Британия и США уже второй век подряд стараются противопоставить наши страны^[22].

В данном случае российские разработки в области энергетики — от реакторов на быстрых нейтронах до сверхвысоковольтных ЛЭП — гармонично сочетаются с немецкими — от первоклассных турбин до исследований сверхпроводимости. Вдобавок в ходе обсуждения и

согласования технических вопросов можно заодно и негласно решить многие политические проблемы.

Важность самого развития техники тоже трудно переоценить. Вспомним хотя бы, как изменил всю мировую экономику и политику первый трансатлантический телеграфный кабель: нам, избалованным повсеместной доступностью Интернета, трудно даже представить, как велись дела в эпоху, когда сообщение с берега на берег Атлантики шло пару недель. Между тем этот кабель стал средоточием многих достижений тогдашней науки и техники. Сама прокладка проводов под водой стала возможна, только когда Вернер фон Сименс изобрёл технологичный способ обёртывания их изоляцией на основе гуттаперчи — клейкой родственницы каучука (с этого же начался и сам концерн, по сей день занимающий ведущие позиции на многих направлениях электротехники и энергетики). Но телеграфные импульсы в сверхдлинном кабеле размывались: для передачи каждой точки и тире приходилось по несколько секунд ждать затухания предыдущего импульса. Великий физик Уильям Томсон (за свои разнообразные заслуги удостоенный титула лорда Келвина) выяснил причину этого размывания и предложил в дополнение к индуктивности кабеля и ёмкости кабельной изоляции ввести балансирующие элементы, обеспечивающие оптимальное соотношение этих характеристик. К сожалению, несколько десятилетий американской бурной рекламы всепобеждающей практичности затушевывали мировой опыт, доказывающий: нет ничего практичнее хорошей теории.

Конечно, от крупных теоретических достижений (вроде недавнего громадного цивилизационного прорыва — открытия бозона Хиггса на Большом адронном коллайдере) до практического применения порою проходят десятилетия. Но в данном случае применение теории вполне очевидно. Программа-минимум — высоковольтная ЛЭП постоянного тока — и тем более программа-максимум — сверхпроводящий кабель большой мощности — позволит очень серьёзно скрепить всю Евразию. А необходимые для этого способы международной организации научных исследований и технических разработок положительно скажутся на развитии европейской цивилизации в целом.

Заодно можно решить и украинский вопрос, и избежать многих подобных иезуитских ходов заокеанской политики, обеспечивая Евразии в целом и Европе в частности подлинную независимость. Дело не только в научном потенциале Украины, хотя он ещё далеко не утерян в постсоветское время и будет востребован в ходе предстоящих исследований. Куда важнее, что проект международного значения — и сам энергоцентр, и ЛЭП — можно и нужно сделать экстерриториальным, закрепив этот статус международными соглашениями. Тогда никакие потрясения в отдельно взятой стране вряд ли смогут помешать работе системы в целом — значит, меньше будет и желания потрясать страну.

Как видим, технические решения могут повлечь значимые политические последствия. К сожалению, среди наших нынешних политиков мало представителей точных наук и инженерного дела. А жаль: насколько можно судить по обширному опыту, человеку с такими навыками куда легче освоить гуманитарные занятия и общественные науки, чем чистому гуманитарии.

Кстати, Сталин, имевший гуманитарное образование (из духовной семинарии он ушёл на последнем курсе по политическим причинам, а до того занимался в ней вполне успешно), впоследствии глубоко погрузился в научные и инженерные разработки того времени. Многие специалисты признали: он ориентируется в их деятельности достаточно профессионально. Для этого он не только читал множество трудов по актуальным проблемам науки и техники, но и часто неформально общался со специалистами самого разного профиля. Например, авиаконструктор Ильюшин прожил на его даче неделю, и еженощно примерно с часу (когда Сталин возвращался из Кремля) до четырёх утра они обсуждали вопросы организации авиастроения.

Не западом единым

Евразия не кончается на Урале, Каспии, даже Арале. В сущности, вся Европа — всего лишь полуостров азиатского материка. Восточное направление контактов для нас не менее — а в перспективе даже более — важно, чем западное.

В своей предыдущей работе «Острая стратегическая недостаточность» мы подчёркивали, что не должны становиться зависимыми от Китая. В результате шарахания, направленного на то,

чтобы избежать зависимости от Европы и США, мы рискуем впасть в другую крайность: из огня да в полымя. А китайских лоббистов скопилось предостаточно на всех этажах российского общества.

Мы относимся к Китаю с большим уважением. Это действительно хороший партнёр. Но есть грань между партнёрством и вассалитетом. Поэтому, как говорится, «не кладите все яйца в одну мошонку».

Эти предостережения не новы и принадлежат не только нам. В российской власти многие относятся к ним всерьёз. В частности, как только в мае 2014-го был подписан контракт на поставку газа в Китай, немедленно начались переговоры с Индией о том, что продукция планируемых сейчас северных заводов по сжижению природного газа будет поставляться морем именно в Индию.

Правда, транспортировка сжиженного газа требует постоянных энергозатрат на его охлаждение, так что в целом он всегда будет дороже газа, поставленного по трубам (что указывает: обещания США снабдить Старый Свет своим сланцевым газом — всего лишь самореклама). Но сухой путь из РФ в Индию пролегает не только через горы и пустыни, но ещё и через взрывоопасный Афганистан. Впрочем, там даже самые бешеные фанатики на своей шкуре поняли, чем американцы отличаются от русских, так что в принципе не исключено, что после вывода оттуда американских войск РФ сможет договориться о прокладке газопровода — пусть и по землям, контролируемым талибами. Но пока на это можно лишь надеяться, но не рассчитывать.

Китай нынче — ещё и мастерская мира: там готовы дёшево и быстро воплотить в металле и кристалле чуть ли не любую сколь угодно сложную разработку. Это уже привело к серьёзным осложнениям, например, в США: изрядная доля американского производства переведена в Китай, и бывшие работники сейчас сидят на пособиях, в лучшем случае замаскированных под оплату заведомо не востребованной деятельности. У нас тоже есть сходные проблемы. Многие передовые образцы нашего вооружения Китай купил в единичных экземплярах — и наладил производство, хотя и ухудшенных, зато довольно дешёвых копий. Более того, в лихие 90-е мы за бесценок сдали Китаю почти всю советскую космическую программу, продали наши авианосцы, где некоторые технические решения были эффективнее американских...

Нельзя полностью залезть в пасть дракона и надеяться просто переночевать там: скорее всего съест. Надо найти на востоке нескольких партнёров.

Мы в первую очередь предлагаем использовать встречное движение — японское. Недавно один из влиятельнейших японских психологов предложил посредничество своей страны в объяснении западной цивилизации — ни больше ни меньше — естественности принадлежности Крыма России. Есть там трезвые голоса и в отношении проблемы, в значительной мере порождённой всё теми же США — курильской^[23]. Конечно, сами южные Курилы очень привлекательны — но не могут перевесить складывающегося под давлением Китая неблагоприятного для Японии расклада сил в Юго-Восточной Азии. Вспомним хотя бы односторонние — без оглядки на сопредельные страны — китайские нефтяные разработки на шельфе Вьетнама.

Кстати, односторонняя ориентация на Китай сильно роняет имидж РФ в глазах азиатских стран. Они и так Китая опасаются, а мы становимся с их точки зрения элементом китайской игры.

Чтобы выправить все намечающиеся перекосы, нужно играть вместе с Японией в стратегическую игру высокого класса. Нашу разработку по южнокурильскому спору мы предлагали Ю. М. Лужкову, когда он возглавлял с российской стороны Совет мудрецов, созданный для решения этого спора. К сожалению, последующая изоляция Юрия Михайловича от российской политической элиты не позволила проекту дойти до лиц, принимающих решение.

На юге Курил расположено и одно из крупнейших месторождений редкоземельных элементов (РЗЭ). Ещё три года назад мы предложили комплексную программу освоения российских ресурсов этого рода. Существенный её компонент — экспорт РЗЭ только в виде высокотехнологичной продукции. Теперь именно такое решение официально принял всё тот же Китай. Теперь промышленность всего мира сидит на голодном пайке. Япония, давно занимающаяся высокими технологиями, несомненно будет рада поучаствовать в предлагаемой программе — и это опять же привяжет её к нам.

Кстати, и в сельском хозяйстве ориентироваться лучше не на Китай, а на Японию. Китайцы испоганили значительную часть своих сельскохозяйственных земель чудовищным варварским применением

химии — и сейчас поступают так же с землями, арендуемыми в других странах. Японцы же давно пресытились интенсивным земледелием и переориентировались на экологическую чистоту. Мы можем предоставить им для этого множество земель, безупречных экологически, но неудобных для нашего собственного освоения — например, в Еврейской автономной области, Приморском крае. Условия японской работы на всех этих землях (и на юге Курил) можно сформулировать по прецеденту Шпицбергена, где российская угледобыча не ставит под угрозу ни суверенитет Норвегии, ни чистоту природы.

Таким образом мы, не ущемляя собственные интересы и не вызывая раздражения у Китая, сформируем равновесное состояние, благоприятное для развития нашего Дальнего Востока и Сибири, и ликвидируем опасность демографического коллапса со всеми вытекающими из неё угрозами.

Нуждается Япония и в нашем газе — для замены своей ядерной энергетики, закрытой после фукусимской аварии. Как уже отмечалось, перевозка природного газа в сжиженном виде куда дороже перекачки по трубам. Поэтому Япония предлагает рассмотреть газопровод от сахалинских месторождений до Хоккайдо. Наши эксперты оценивают его скептически: слишком сложен подводный рельеф на пути следования. Но горные рельефы легко преодолеваются вантовыми конструкциями. Мы предлагаем создать вантовый подводный газопровод. Это тем легче, что в нём — в отличие от вантовых конструкций в воздухе — может вовсе не быть элементов, работающих на сжатие и поэтому неустойчивых: труба может быть плавучей и натягивать как сами ванты, так и их опоры. Впрочем, изобилие мелких островов поблизости позволяет сделать значительную часть газопровода надводной: пусть длиннее, зато проще. Но и опыта чисто вантовых конструкций хватает и у нас, и у японцев.

Президент РФ намерен в первой декаде сентября 2014-го года посетить Японию. Надеемся, он успеет познакомиться с предлагаемыми решениями, так что сможет использовать их в ходе переговоров. И тогда Япония будет куда больше, чем сейчас, зависеть от нашего благополучия. Значит, станет заботиться о себе в формах, полезных и для нас.

Вообще стратегическая цель любого государства — увеличить степень зависимости других от него и уменьшить степень его зависимости от других. Когда к этой цели стремятся все — возможно достичь взаимовыгодного равновесия.

Наши личные цели

Полагаем, всего изложенного достаточно, чтобы показать: мы руководствуемся не мотивами личного роста — нам необходимо благополучие всей страны как жизненно важное условие благополучия каждого её гражданина.

Мы не вправе оставаться в стороне от решения общегосударственных задач. Каждый из нас известен как интеллектуал — но, к сожалению, только по телевизионным интеллектуальным играм. Но наряду с этим бросающимся в глаза развлечением мы десятки лет разрабатываем продуктивные решения политических проблем. В частности, мы сотрудничали с секретариатом вице-преьера по региональной и национальной политике Сергея Михайловича Шахрая, когда под его руководством разрабатывалась технология договоров о разграничении полномочий между центром и регионами. А ведь она тогда позволила предотвратить уже предвкушаемую многими большую войну между государствообразующими нациями — татарами и русскими...

Полагаем, накопленный нами опыт позволяет утверждать: если наши идеи соединить с возможностями властных структур — это будет полезно и для самих структур, и для всей страны. Надеемся, изложенные далее предложения — стратагемы — помогут стране выбраться из глубокой геополитической ямы.

Технические замечания

Многие ранее разработанные материалы приводятся здесь без изменения. Для правильного их восприятия даты написания (в формате год. месяц. день) приведены перед заголовками.

Комментарии, добавленные при подготовке данного издания, помечены годом издания — 2014.

Стратагема 0.51

Дробный номер вызван тем, что идея создания пояса нейтральных государств, территориально отделяющих нашу страну от стратегических конкурентов, так и не осуществлена — и более того, благоприятные для неё условия уже почти исчерпаны. Сейчас она выглядит всего лишь примером неостребованной дальновидности. Но политические расклады меняются постоянно. Дорога истории вымощена, помимо прочего, надгробными плитами вечных договоров и несокрушимых держав. Поэтому не исключено, что на будущих поворотах этой дороги пояс политического целомудрия опять придётся кому-то впору. А пока самое интересное в нижеприведенных документах — даты написания.

Прежде чем приводить наши тогдашние разработки, скажем немного и о нынешнем положении дел на Украине.

Прежде всего отметим: виднейший противник России — что в советское время, что сейчас — Збигнев Бжезинский в последнее время отказался от бывшего стремления противопоставлять Украину остальной России. Наоборот, он то и дело выступает с предложениями распространить на Украину опыт принудительной нейтрализации, отработанный после Второй Мировой войны на Австрии и Финляндии. Правда, делает он это не ради российского блага, а ради привлечения нашей страны на американскую сторону в качестве противовеса Китаю, чьё растущее могущество считает опасным. Но мы и сами полагаем нежелательной одностороннюю ориентацию на Китай, так что склонны подыграть Бжезинскому в этом отношении. Саму же идею официального нейтралитета Украины мы также предлагаем уже не первый год. Причины этого станут очевидны после прочтения нижеприведенных наших документов, относящихся к другим странам. А для самой Украины этот статус несомненно полезнее того, что творится в этой республике сейчас.

Драка, происходящая на Украине в момент написания этого текста, связана помимо прочего ещё и с тем, что там обнаружены довольно большие месторождения сланцевого газа не только на Олесской нефтегазовой площади Галичины в Львовской и Ивано-Франковской областях (она по запасам сопоставима с классическими газовыми месторождениями в Одесской области и морском шельфе около неё), но и на Юзовской^[24] площади в Донбассе. Утверждают

даже, что перед киевскими соучастниками государственного переворота поставлена задача просто выбить оттуда всех людей, чтобы месторождения можно было разрабатывать без помех. Таким образом можно значительно быстрее, чем другими способами поставок, перевести Европейский Союз на энергоносители из источников, подконтрольных США.

При этом у многих добросовестных специалистов срabатывает линейное мышление, выражающееся в экстраполяции на Европу американского опыта по добыче сланцевого газа. А недобросовестные занимаются биржевой игрой в напёрстки. Ведь основные американские месторождения разрабатываются пока в пустынных областях, коих у США пока много. Скважину рентабельно эксплуатировать, пока поток из неё не упадёт до 1/50 исходного. В классических пористых месторождениях такой спад происходит лет за десять (ибо поры между зёрнами песка или гранита сохраняются, даже когда содержимое из них истекает, в сланцевых нефтяных — за 3–5 лет (слои породы постепенно смыкаются по мере ухода жидкости, и проходное сечение между ними падает), в сланцевых газовых — не более чем за год (газ легко сжимается, и как только его давление немного упадёт, межслойные зазоры схлопываются почти до нуля; поэтому для поддержания добычи хотя бы на таком уровне приходится закачивать в скважину громадный объём воды со множеством агрессивных добавок). Поэтому американцы снимают сливки, а затем переходят в новое место. Такая практика абсолютно неприемлема в густонаселённой Европе.

Вдобавок даже в США разработка сланцевых месторождений уже породила множество проблем, связанных с водоснабжением. Агрессивные растворы, расклинивающие слои породы и частично растворяющие их для увеличения проходного сечения для газа, приходится закачивать в месторождение в объёме, сопоставимом с объёмом извлекаемого газа. Причём на месте они не остаются, а постепенно пробиваются к поверхности. Запасы воды, доступной для хозяйственных и питьевых нужд, резко сокращаются — и значительная часть этих запасов оказывается отравлена. Расширение сланцевой газодобычи уже затрагивает Золотой треугольник — лучшие сельхозугодья, откуда идёт основная часть экспорта американской пшеницы. Сейчас эта статья экспорта уже оказалась под

угрозой вследствие сланцевых манипуляций — и, возможно, сознательно принесена в жертву биржевым и политическим спекулянтам.

Последствия же для Европы абсолютно точно будут катастрофическими. Хотя бы потому, что операторами возможной украинской сланцевой газодобычи уже стали американские компании, все технологии, всё оборудование — в руках американцев. И об интересах Европы они будут заботиться не больше, чем рачительный фермер об интересах откармливаемой на убой живности.

В сущности, проталкивание перевода ЕС на сланцевый газ — приблизительно та же британская стратегия, которую критиковал ещё Адам Смит: нация лавочников искусственно держит других покупателями, чтобы поддерживать собственную прибыльность как экспортёра.

Кстати, сами США выросли из 13 британских колоний в Новом Свете, долгое время также удерживаемых в положении потребителей продукции метрополии без права на конкуренцию с нею. В конце концов они взбунтовались и даже выдержали (с активной поддержкой Франции) войну за независимость. Теперь они сами стали нацией лавочников в смысле Смита.

Интересно, что в ЕС первыми — и небезосновательно — забеспокоились по поводу предстоящего навязывания сланцевой газодобычи (кто бы, вы думали?) немецкие пивовары. Важнейший компонент хорошего пива — хорошая вода. И сколько ты её не чисти и не фильтруй — если вода потеряет свой вкус и свою природную структуру, то и пива тоже не получится. А лишить немцев пива похуже, чем русского — водки. Хотя бы потому, что в пересчёте на чистый спирт немцы потребляют на душу населения куда больше, чем русские (даже если не брать в расчёт традиционно малопьющую мусульманскую часть населения)^[25]. Украинские реки текут в сторону, противоположную Германии. Но если на европейском континенте освоят добычу газа из сланцев, сопутствующих нефтяным (как в Галичине) и угольным (как в Донбассе) месторождениям, то германские каменные и бурые угли тоже окажутся полем деятельности газовиков.

Теперь, с учётом этой нынешней волны противоречий, посмотрим, что мы писали в те времена, когда конфликты, связанные с

продвижением западных моделей поведения на восток, только зарождались. И обратите внимание на даты написания, указанные перед заголовками давних документов.

1996.06.07

Активная безопасность^[26]

Умный человек выберется из положения столь трудного, что мудрый в него никогда не попадёт.

Современный автомобиль защищает пассажиров всеми силами своих конструкторов. Мягкие капот и багажник легко сминаются, не допуская разрушения жёсткой кабины. Специальные рычаги при столкновении заталкивают двигатель под кузов, чтобы не ударить водителя по ногам. Рулевая колонка ломается раньше, чем его рёбра. Ремни безопасности и надувные подушки не дают пробить лобовое стекло лбом. Стёкла многослойные (слой клея удержит осколки) и закалённые (скруглённые внутренними напряжениями края осколков никого не порежут).

Всё это — пассивная безопасность: защита от уже случившейся аварии. Куда важнее безопасность активная. Легче всего защититься от аварии, которая не состоится.

С мощным мотором проскочишь на зелёный, с надёжными тормозами встанешь перед красным. В большие окна увидишь других, по ярким сигналам увидят тебя. Дальнобойные фары позволят заметить препятствие, и расположить их надо правильно (ослепишь встречного, а он в тебя же и врежется)...

Безопасность России всегда числилась высшей заботой властей и народа. Мы готовы победить в любой войне. Но это безопасность пассивная. А вот о безопасности активной — предотвращении возможных конфликтов — думали далеко не всегда.

Не разбиться в аварии

Хотя и обеспечение пассивной далеко от идеала.

Главной российской надеждой и опорой считает себя бесчисленная армия. Её и впрямь хватает на мелкие пограничные стычки (вроде озера Хасан или Таджикистана) и бои с соседями послабее (100 лет войн с Турцией).

Но долгий печальный опыт показал: первые же стычки серьёзной войны нашу армию чаще всего истребляют. Лишь в 1812-м заметную часть кадровых войск удалось отвести от Дриссы до Тарутина. А в 1914-м и 1941-м регулярная армия рассыпалась в приграничных сражениях. Воевали в основном мобилизованные.

Причём эти мобилизованные погибали тысячами и чаще всего без толку. Ибо обучены были, мягко говоря, отвратно. Ведь обязанные их обучать — кадровые сержанты — гибли ещё у границы. Вместе с опытными офицерами, которые должны были тех и других направлять в бою. Впрочем, этих в конце 30-х истребляли ещё до войны^[27].

Чем стреляем

Зато вооружение армии всегда поражало. Изобилием. Но не всегда качеством.

Крымскую войну Россия проиграла прежде всего из-за гладкоствольных ружей. Англия и Франция уже давно применяли нарезные, куда более точные и дальнобойные. Так что даже артиллерия наша оказалась беззащитна перед пехотой противника.

Среди талантливейших организаторов российской армии — один из главных в эпоху Александров II и III реформаторов, генерал Драгомиров. Но памятен он, увы, не военными реформами. А непреклонной борьбой против вооружения армии пулемётами. «Пулемёт был бы необычайно полезен, если бы человека нельзя было убить одной пулей, а требовалось бы ещё и расстреливать вдогонку» — говорил он. Хотя назначение пулемёта иное — восполнять неизбежные неточности стрелка множеством попыток^[28]. Стараниями Драгомирова (и его не столь талантливых, но столь же упорных соратников) Россия встретила русско-японскую войну почти без пулемётов. Чем война кончилась, мы помним.

Армейская винтовка 1891-го года дожила до 1945-го с чисто косметическими переделками, хотя принципиальные её дефекты были очевидны даже в прошлом веке. Гильзы с выступающей закраиной, разработанные ещё в 1887-м для однозарядных винтовок^[29], легко цепляются друг за друга — пришлось сделать однорядный магазин, торчащий из корпуса и потому, несмотря на толщину и тяжесть металла, легко уязвимый. Рукоять на переднем конце затвора можно достать, только перехватив винтовку после выстрела. Игольчатый

штык нигде, кроме боя, неприменим. В 1898-м появилась новая винтовка Маузера — патроны с углублённой проточкой, магазин двухрядный и упрятан в ложе; рукоять сзади затвора и доступна без перемещения приклада; штык ножевой универсальный. И трёхлинейка Мосина устарела явно и очевидно. Но армия не потребовала изменений. Солдаты рихтовали магазины после падений, нагружались (в дополнение к штыку) ножами и пилами, теряли драгоценные в бою секунды, дотягиваясь до рукояти затвора. Но кого волнуют солдаты?

Уникальный штурмовик Ил-2 по требованию армии лишён бортстрелка и оказался беззащитен перед любой атакой сзади. Официальная цель — нарастить скорость на десяток километров в час, ровно ничем не помогающих боевому применению против наземных целей. Только катастрофические потери во время войны вынудили армию смириться с восстановлением хвостовой стрелковой точки.

T-34 признан лучшим танком второй мировой. Но против его разработки армия возражала с упорством, достойным лучшего применения. Только прямой приказ вполне ещё штатского в ту пору Сталина преодолел прямой запрет генерала Кулика.

Кулик — случай вообще удивительный. За 4 года деятельности на посту заместителя по вооружениям наркома обороны он практически разоружил Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Чудесная автоматическая винтовка Симонова АВС-36 заменена худшей по всем показателям^[30] самозарядной винтовкой Токарева СВТ-38 — её всего через два года пришлось модернизировать (впрочем, доброго слова от фронтовиков и СВТ-40 не дождалась). Сняты с производства противотанковые ружья, уничтожены технологическая оснастка и чертежи — пришлось всё это создавать заново уже в ходе войны. Пулемёт-пистолеты, лучшее в ту пору оружие пехоты, снять с производства не удалось (их заказывали ещё и погранвойска), но армию с ними разлучили. Прекращены разработка и выпуск артиллерии калибром менее 100 мм — самой распространённой и эффективной во второй мировой. Безоткатная артиллерия (больше нигде в мире такой не было) ликвидирована вместе с её творцом Курчевским^[31]. Убит и создатель воздушнодесантных войск Гроховский, а заодно истреблена почти вся придуманная им специальная техника для десантирования... Деяния Кулика можно перечислять ещё долго — их поминает в мемуарах любой, кто в

Отечественную был хоть как-то связан с оружием. Конечно, понять замнаркома можно. Он сел в кресло, ещё не остывшее от свежерасстрелянного Тухачевского. И держался в этом кресле, пока и поскольку уничтожал всё Тухачевским созданное^[32]. Но как понять присвоение Кулику за все эти подвиги звания маршала?

Есть примеры и посовременнее. Но их во избежание позора объявляют военной тайной. Как тайной остаются наши потери в новогоднем штурме Грозного.

Ясно лишь: в глазах армейского руководства по-прежнему пуля — дура. Деньги, выделяемые армии, тратятся на совершенное оружие лишь в последнюю очередь.

Мотивируют это экономией. И впрямь, по соотношению эффективность/стоимость лучшим оружием по сей день остаётся каменный топор. Конечно, если человека, это оружие держащего, считать бесплатным приложением.

Кто стреляет

Большую часть нашей истории так оно и было. Кто считал колхозных или крепостных рабов? Мостить горами тел Мазурские болота, промывать потоками крови бреши в линии Маннергейма, гнать танкистов и водителей КамАЗов в ущелья под афганские гранатомёты — всё можно было себе позволить. Слова о высшей ценности человеческой жизни прикрывали анекдотически ничтожную её цену^[33].

В рыночную эпоху цену обретает всё, включая и нас самих. Американцы считают: человек стоит не меньше, чем мог бы заработать до конца дней своих. Конечно, наши зарплаты всё ещё баснословно малы. Но даже судя по ним, сколько причитается с тех, кто морил голодом моряков на острове Русском?

Экономия на оружии отнюдь не гарантирует сытую жизнь тем, кто этого оружия лишён. Раньше, конечно, на армию выделяли столько, что даже при легендарном российском казнокрадстве кое-что перепадало и солдатам. Хотя и немногое — в Крыму, на Шипке, на сопках Манчжурии бойцы носили гнильё и питались сухарями. Трогательна всё-таки незыблемость армейских традиций!

Впрочем, иной раз и эти традиции совершенствуются. Например, дедовщина — порождение недавней эпохи процветающего застоя.

Сколько её жертв следует занести на счёт любителей мариновать людей в казарме по два года^[34]?

Срок обоснован очень убедительно: солдат надо обучить обращению со сложной техникой. Извините, не верю. Водить автомобиль по запруженным улицам куда сложнее, чем танк в чистом поле. Автолюбителей обучают за месяц-два...

В 20-е годы по условиям Версальского мирного договора армия Германии не могла превышать 100 тысяч. Немцы разработали новые методы подготовки бойцов — и сократили срок службы^[35] до нескольких месяцев. На экспериментальных курсах артиллеристов обучали за 14 дней!

Что должно стрелять

Говорят: с тех пор боевая техника усложнилась. Тем более должно упроститься обращение с нею. Чтобы стронуть с места автомобиль начала века, требовалось два десятка операций; нынешний — от двух до пяти (в зависимости от модели).

Если же новая пушка или танк действительно сложнее в обращении, чем старые — виноваты ВЫ, господа генералы! ВЫ не включили в тактико-технические требования (ТТТ) к этому оружию простоту пользования. Всё, что в ТТТ включено, ВТП — высокотехнологическая промышленность (та самая, которую раньше звали ВПК — военно-промышленный комплекс) выполняет. На то она и высокотехнологическая. Но составлять требования — задача ВАША.

Один наш боевой самолёт (если скажу, какой — обвинят в разглашении военной тайны) знаменит непригодностью к ремонту. Для смены почти любого агрегата приходится разбирать чуть ли не полсамолёта. Казалось бы, дикая безграмотность конструкторов! Нет. Просто в ТТТ на него о возможности и сроках ремонта не сказано вообще.

Любой инженер знает: вкладывать деньги в удобство использования и ремонта техники куда выгоднее, чем в её количество — один танк на ходу сильнее десятка в ремонте. Но заказывают оружие не инженеры...

Кто должен стрелять

Если техника действительно легка в использовании и обслуживании, если обучиться владеть ею можно в считанные месяцы — задерживать солдат незачем. А полгода-год в армии переживёт практически любой. Россия получит больше подготовленных бойцов при гораздо меньших затратах.

Правда, по мере совершенствования техники нужна переподготовка. Но при грамотной постановке дела она отнимет неделю-две в год. Именно так организованы армии Швейцарии и Израиля, где невоеннообязанных почти нет. В Израиле воюют даже женщины — при наших казарменных порядках дело невообразимое.

Конечно, не всякой техникой овладеешь за месяц. В воздухе слишком разнообразны ситуации, слишком многим должен пилот управлять одновременно. Подводнику и минёру редко удаётся ошибиться вторично.

Есть и специальности, в которых всё решают пистолет, нож и голые руки: десант, спецназ, погранвойска... Тут чем дольше учишься, тем лучше воюешь.

Быстро подготовить солдат могут лишь квалифицированные учителя. Гордость армий США и Германии — сержанты. Но чтобы они справлялись с любым солдатом в считанные недели, их самих готовят годами. А наших сержантов — шесть месяцев.

Ну, никто не требует, чтобы армия состояла из одних краткосрочников. По вольному найму, на подходящих условиях, нужные специалисты прослужат сколько потребуется. Ведь и сейчас у нас офицеры вольнонаёмные. А с 2000-го года, по указу Президента, вся наша армия должна стать профессиональной. Призывников не будет вообще^[36].

Конечно, это не значит, что методы быстрого обучения и простое в обращении оружие будут никому не нужны. Чем быстрее учишься, тем большему можешь научиться. Чем удобнее оружие, тем лучше оно воюет.

Да и нельзя на веки веков зарекаться от призыва. Даже классические страны наёмной армии — Великобритания и США — в годы мировых войн формировали армию по призыву. И есть там резервисты, проходящие военное обучение на дому. Так что и нам надо будет обучать всех желающих.

Правда, в нынешней армии, под нынешним чутким и мудрым руководством, мало кто согласен оставаться. Даже кадровые офицеры уходят. Кто сам, кто по собственному желанию начальника. Что же, напомним: не генералы нанимают армию, а армия — генералов. И с нерадивым наёмником расстанутся, в каком бы высоком звании он ни пребывал. Десяток судебных разборок с ворседесами^[37] не заменит одного боеспособного взвода. Их у нас скоро будет меньше, чем генералов...

Если завтра война

Конечно, от внезапного нападения не защитит даже десяток миллионов запасников. Его отбивают силы быстрого реагирования. В США, свободных от угроз на суше, это прежде всего морская пехота; у нас — в основном воздушные десантники. Но всюду — профессионалы высшей квалификации. То есть опять же вольнонаёмные. Ну, если не выбрасывать деньги на толпу в казармах, то на специалистов хватит.

Армии запаса горы оружия не нужны. Если от внезапного удара прикроет корпус быстрого реагирования, то вооружить основные силы успеют военные заводы. Производственных мощностей у нас хватит. А пока войны не ожидается, заводы могут и что-нибудь на продажу делать. Так что госдотации будут поскромнее. Хотя вообще без них пока не обойтись: товары на продажу ещё разработать и освоить надо — столько лет заводам ничего, кроме оружия, не заказывали.

Кстати, наши заводы с незапамятных времён держат «мобилизационные резервы». Целые цеха стоят запечатанными. В них — станки и конвейеры специально для производства чего-нибудь боевого. И склады с сырьём для этих конвейеров на любом заводе найдутся.

Дело немислимо разорительное. Тысячи станков стареют и списываются, не сделав ни одной детали. Целые конвейеры идут в переплавку, когда снимается с вооружения техника, которую они должны были выпускать. А главное — непрерывные расходы: на поддержание всего этого хозяйства в полной готовности; на амортизационные отчисления — технику заменять рано или поздно приходится; на налоги — мобилизационные резервы, хотя и не используются, числятся частью заводского капитала...

Давно пора об этих резервах забыть. 90 % оборудования в них вполне пригодны для производства обычной гражданской продукции. Вот пусть и выпускают. Хорошие технологи обеспечат перевод на военные изделия за считанные дни — если, конечно, иметь эту возможность в виду заранее. А за то, чтобы не висел на заводе мёртвый груз, не жаль и лучших технологов отдать на отработку таких мгновенных перестроек.

А сэкономленное на серийном производстве боевой техники, на мобилизационном резерве передадим исследователям и конструкторам. Чтобы к услугам армии всегда наготове были новейшие образцы вооружения. Усовершенствованные. Проверенные. Готовые к массовому производству. И, конечно, соответствующие тем ТТТ, которые выработают действительно знающие воины. Прежде всего те, кто это оружие обязан в случае чего применять.

Кто будет командовать

В запасе можно быть долго — рядовым. Офицер в запасе теряет квалификацию куда скорее. Так что сделаем армию кадрированной. То есть командиров (прежде всего старших) в ней должно быть достаточно для полного, после мобилизации, состава. Вот и найдётся тысячам наших генералов дело. Даже с привычной обслугой можно не расставаться. Надо лишь отказаться от привычки под каждого генерала класть полк.

Конечно, недостатков у такой армии много. Но вряд ли она заметно хуже нынешней.

Собственно, ничего нового я не предлагаю. Именно так реорганизовал РККА Фрунзе после гражданской войны. За что, по слухам, и был уморен в Кремлёвской больнице^[38].

Активно о пассиве

Я собирался говорить об активной безопасности. А до сих пор всё о пассивной. Хотя по уважительным причинам.

Во-первых, обеспечивают её, как видим, из рук вон плохо. Воюем не умением, а числом. Как будто никто после Суворова «Науку побеждать» не учил. Генералы обещают защитить родину любой ценой. Ибо ЛЮБУЮ цену всегда платят из чужого кармана^[39]. Цена эта — вверенные командирам тысячи мальчишек. Они тоже часть

родины. Их тоже нужно защищать, а не перемалывать в пушечное мясо. Не зря лучший американский генерал второй мировой Джордж Паттон говорил своим солдатам: «Я не прошу вас погибать за свою родину — прошу сделать так, чтобы мерзавцы на той стороне фронта погибали за СВОЮ родину».

Во-вторых, пассивная безопасность — тоже часть активной. Танк на шоссе в аварию вряд ли попадёт. Кому охота разбивать о его броню жестяные бока «Жигулей»?

Но, конечно, одними пассивными методами активную безопасность не обеспечишь.

Не попасть в аварию

Активные методы, казалось бы, просты. Со всеми дружи — и на тебя не набросятся. Со всеми договаривайся — и тебя защитят.

Защита договором

Увы, договора должны соблюдаться. А с этим во всей писаной истории человечества было плохо. Пути войн устланы клочками договоров о вечном мире. Мы и сами в 1941-м надеялись на договор о ненападении с Германией^[40]. А в 1945-м расторгли договор о ненападении с Японией. Да и Варшавский договор 1955-го уже не греет.

Даже многосторонние договора о союзе и нейтралитете, подкреплённые гарантиями всех заинтересованных, спасают не всех и не всегда. Англия вступила в первую мировую войну из-за нападения Германии на нейтральную Бельгию, во вторую — из-за нападения той же Германии на союзную Польшу. Германия оба раза была достойно наказана. Но стало ли от этого сожжённым Бельгии и Польше легче?

Кстати, во второй мировой Германия растоптала нейтралитет Бельгии, Дании, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии. Вот и верь после этого в нерушимость международных соглашений!

Защита дружбой

Дружба выглядит привлекательнее. Но и тут проблем немало.

Дружба — дело недешёвое. Даже между частными лицами (примеры каждый подберёт из собственного опыта). А уж почём

обходится дружба между государствами — мы помним по временам соцлагеря и братской помощи освободившимся колониям. США и по сей день немало подкармливают друзей. Так что даже в конгрессе спорят: стоят ли ТАКИЕ друзья ТАКИХ денег.

Дружба — дело негарантированное. Слово за слово — готов скандал. А державы ссорятся куда легче людей. В скольких войнах солдаты повторяют: «Я лично против них ничего не имею — это дело государственное».

Дружба — дело нетранзитивное. В переводе с научного — друг моего друга далеко не всегда мой друг. Когда на Фолклендах воевали Великобритания и Аргентина — как чувствовали себя США, находящиеся в военных союзах с обоими?

Дружба — дело необязательное. «У Англии нет вечных друзей и вечных врагов, у неё есть вечные интересы». Политики всего мира охотно цитируют эту фразу, ибо вечные интересы есть у любой страны. И горе друзьям, эти интересы ущемляющим!

Это — причины общие. Но у нас хватает и собственных оснований не полагаться только на дружбу. Больно уж богат наш исторический опыт. Навязывались в друзья и России, и Россия — каждый раз бескорыстно. Предавали и Россию, и Россия — каждый раз из самых высших соображений.

Защита испугом

Так что Россия давно решила рассчитывать только на себя. А потому нам не важно, чтобы нас любили. Важно, чтобы боялись.

По этой части мы достигли многого. Тем более что никогда не стеснялись рецепта «Бей свой своего, чтоб чужие боялись». Тому в истории мы тьму примеров слышим. И не только тех, которые я уже поминал.

Но у страха глаза велики. Кого слишком боятся — от того защитятся всерьёз. Организацию Северо-атлантического Договора создал в 1949-м страх перед нашей военной машиной и мудрым сталинским руководством^[41]. Теперь наступил наш черёд бояться НАТО. И кому от всего этого лучше?

Почему Гитлер напал не на всех

Договора зыбки. Дружба ненадёжна. Вражда обоюдоостра. Неужели безопасность гарантировать нечем?

Германия в войну заняла всю Скандинавию — кроме Швеции. «Мир вертится на шарикоподшипниках SKF» — неизбежные в случае оккупации разрушения заводов знаменитой Svenska Kullager Fabrik остановили бы всю немецкую военную технику. А высоколегированную шведскую сталь весь мир покупал как парфюмерию — считанными килограммами. Но и этими крохами рисковать было невозможно: некоторые инструменты без шведской стали делать не умел никто.

Швейцария по военной части отнюдь не гигант. Гитлер планировал захватить её силами двух дивизий. И в худшем случае потратил бы три — Германия могла себе это позволить. Но захвату Швейцарии воспротивились ближайшие соратники Гитлера. Больно уж много они в этом случае теряли. Канал переброски разведчиков. Поле размещения резидентур спецслужб. Источник приборов, слишком сложных даже для немецкой промышленности. Путь прорыва экономической блокады: прицелы немецких бомбардировщиков имели узлы, сделанные в США, а прицелы американских — узлы, сделанные в Германии. А главное, место хранения награбленного: Гитлер мог не думать о возможном поражении, но люди поумнее заботились о запасном выходе.

Страны Европы воевали между собой веками. Сейчас сама мысль о конфликте внутри Европейского Союза абсурдна — не может сердце воевать с лёгкими. А если попытается... Разрыв нашего Союза уже развалил всю экономику — и бог весть когда мы вновь склеим страну и её хозяйство.

Есть, оказывается, страх, не создающий угрозы. Это страх потерять.

Кому мы нужны

А вот Россию как раз потерять никому не страшно.

Экспортируем мы в основном сырьё, которого в мире всегда хватает. Если что-то кончается, тут же находят замену или способ обойтись вообще без дефицитного товара. Не зря цены на любое сырьё почти всегда падают. Даже нефть после скачка в 1973-м непрерывно дешевеет^[42].

Импортируем третьесортное или устаревшее. Если даже производители товаров для российского рынка вообще разорятся, это мало кто в мире заметит.

В мировом разделении труда Россия практически не участвует. Технологические цепочки и внутри СНГ разорваны. А с настоящей границей их отродясь не бывало.

Как пригодиться другим

Так что мы можем спастись от угроз всего мира (реальных и воображаемых) единственным способом — стать всем нужными.

А это — труд. Тяжкий. Непрерывный. Всеобщий.

Военно-промышленный комплекс накопил уникальные технологии. Пора на их основе создать товары, достойные таланта своих создателей. Причём принципиально новые, неожиданные: рынок известных изделий поделён давно, на него пробиться труднее.

Но тоже необходимо. Это работа прежде всего не инженеров, а дипломатов. Во времена СССР наши торговые представительства творили чудеса, продавая советскую технику в самых неожиданных местах. Иногда для этого отказывались от всякой прибыли. Наверное, и сейчас придётся. Это — плата за безопасность.

Если завод продают продукцию за бесценок (лишь бы граница к ней привыкла) — значит, он ещё сколько-то посидит на дотациях. Из нашего, между прочим, кармана. Говорят: кто не кормит свою армию, будет кормить чужую. Торговцы воюют тише солдат, но чаще. Правда, их не обязательно кормить постоянно. Научатся делать и товары, в уценке не нуждающиеся. Набравший силу промышленник сам прокормит целую армию. Так что будем считать дотации на реконструкцию высокотехнологической промышленности вложениями и в безопасность, и в будущее процветание. Ведь доживём же мы до него!

Американские борцы за мир подняли лозунг «Лучше быть активным, чем радиоактивным». Безопасность всегда стоит дорого. Но раз платим мы — мы и выберем, что покупать. Активная безопасность требует активности от нас всех. Зато она действительно безопасна.

1996.09.05

Что ищет он в стране далёкой?

Несмотря на гордое самоназвание *homo sapiens*, человек далеко не всегда разумен. Поведение его чаще всего выходит далеко за рамки той самой логики, которой он так гордится.

В причинах этого, впрочем, психологи разобрались уже давно. Оказывается, наш разум, как правило, не хозяин, а слуга. Он обычно всего лишь управляет достижением тех целей, которые ставит ему подсознание. А оно, в свою очередь, опирается не на полный логический анализ всей доступной информации, а на обрывки сведений, смутные ощущения. Хотя иногда в ощущениях этих скрыта как раз та истина, которую разум не хочет признавать как слишком для себя оскорбительную.

Ханжество старых дев — лишь свидетельство неудовлетворённых желаний, которые в нашем обществе стыдно выразить и осознать. Дружные крики национально озабоченных украинских политиков о российских имперских амбициях — лишь признание грустного для них факта: на десять граждан Украины, которых предстоящая интеграция^[43] спасёт от голода и холода, приходится никак не больше одного россиянина, готового их спасение уже сейчас (из своего кармана!) оплачивать; и воссоединение в интересах в первую очередь самой Украины — то есть против интересов её властителей.

Первый же беглый взгляд на нынешние взаимоотношения восточноевропейских государств с НАТО порождает серьёзные сомнения в целесообразности столь разорительного поведения обеих сторон.

Хотя уже при втором взгляде ясно: НАТО взваливает восточный груз на свои могучие плечи не зря. Новые земли при умелом обращении могут дать немало пушечного мяса на случай не предвидимых пока новых планов. А главное — обоснуют дальнейшую бесперебойную работу старой кормушки для генералов, потрясённых коварством грозного советского противника: он вдруг исчез и оставил их без работы!

Но вот чем самих восточных кроликов приманивает западный удав — понять куда сложнее.

Новыми рывками?

Но доступ в Западную Европу открывается товарам любых стран, независимо от того, связаны ли они чем-нибудь с НАТО. Было бы качество соответствующее. А с этим как раз проблемы.

Восточноевропейская промышленность многие годы работала исключительно на восточноевропейский же — включая советский — рынок. К его скромным требованиям адаптирована вполне. И на большее доселе не претендовала. А западным клиентам нужно куда лучшее. Так что новых рынков вступление в НАТО не даст. Зато старый российский можно из-за ухудшения политического климата и потерять.

Огневой мощью?

Нет сейчас боевого вертолётa лучше российского Ка-50 «Чёрная акула». И по общей ударной силе, и по соотношению эффективность/стоимость. Так что деньги, вложенные Румынией в лицензию на производство 96 «Кобр» американского образца, можно считать выброшенными прямо на ветер. Польша покупает в США 100 истребителей F-16, безнадежно слабых рядом с нашими МиГами. Наш автоматный патрон 5.45*39 куда эффективнее НАТОвского 5.56*45, да и высокоимпульсный pistolетный 9.2*18 ничуть не хуже люгеровского (стандарт НАТО) 9*19 1902-го года (хотя втиснут в старую гильзу Сёмина, так что им можно даже из «Макарова» стрелять).^[44]

Надёжной безопасностью?

Насколько эта безопасность будет надёжна, видно уже хотя бы по планам довооружения — выше упомянута лишь малая их часть. Если бы новые члены НАТО действительно рассчитывали на его защиту, стоило бы затраты на оборону сократить. Тем более что единственная официально поминаемая угроза — российская — вряд ли серьёзна. Чечня, увы, показала мощь наших войск^[45]. Так что в любом обозримом будущем ходу на Запад им не будет. Даже если к власти в России придёт какой-нибудь политический безумец, готовый счесть весь мир своим врагом^[46].

Кстати, вероятность такого возврата к временам холодной войны тем выше, чем ближе к нашим границам окажутся те, кого народ России вряд ли скоро привыкнет считать своими доброжелателями. Ведь даже Украина — официально единственным опасным соседом считающая северного — появления НАТО у своих границ ожидает без малейших признаков восторга. И вступление восточноевропейских стран в НАТО может лишь создать для них ту самую российскую угрозу, под предлогом которой они в НАТО рвутся.

Тем более что лучшая защита для малых стран — не военные союзы. А нейтралитет.

Военные расходы нейтральных стран анекдотически малы даже по скромным западноевропейским меркам. Обязательная служба — в тех немногих странах, где она ещё сохранена — более напоминает спортивные сборы, нежели суровый ратный труд. А спокойствия куда больше, чем у членов любого военного союза: самое чувствительное к безопасности — деньги — прячется прежде всего в нейтральной Швейцарии. Не удивительно, что нейтральные страны Европы процветают. В Финляндии и Австрии последние полвека — эпоха нейтралитета — были самыми благополучными за всю их историю. А Швеция, нейтральная с 1815-го, сумела даже построить социализм^[47].

Почему же нейтралитет нынче столь малопривлекателен? Почему наши бывшие союзники по Варшавскому договору не рвутся приобретать столь выгодный и спокойный статус? Почему даже уютная Австрия оживлённо обсуждает перспективы отказа от политики, столько лет обеспечивавшей всеобщее благосостояние?

Лишние деньги из бюджета некуда девать, кроме военных приготовлений? Вряд ли. Деньги лишними не бывают даже в сытой Швеции. А уж Восточная Европа, переходя на рыночные рельсы, нуждается в каждом гроше.

Российская угроза так велика, что от неё нейтралитетом не спасёшься? Но даже в советские времена наши войска выходили за границу только по следам врагов или по призывам друзей. Единственное печальное исключение — зимняя война — кончилось не захватом лежавшей за прорванными укреплениями Финляндии. Мы лишь обменяли полосу у Питера на северокарельские земли. Обмен этот предлагался ещё до войны, и причины, по которым Финляндия такой обмен отвергла, даже её политики считали несерьёзными. А в Венгрию в 1956-м, в Чехословакию в 1968-м, даже в Афганистан в 1980-м мы попадали только по призывам местных политиков — хотя, конечно, далеко не всех. У США в Гренаде и Панаме даже такого оправдания не было. А вот в Польшу в 1981-м мы не пошли. Хотя тогдашние наши вожди и не скрывали, что хотят утихомирить бурного соседа. Но оттуда нас никто не пригласил...

Военная машина России неудержима? Конечно, Чечня — не показатель. В гражданской войне стороны одинаково вооружены и

снабжены, сходно подготовлены и обучены. А потому и одолеть друг друга могут лишь безудержным кровопролитием. Но по любым объективным показателям армия наша слабее, чем в любую предыдущую эпоху. И сильнее не станет: новой политике старая армия не нужна — если только извне нас не принудят вернуться к политике прежней^[48]. Так что ныне России прежде всего нужен пояс из нейтральных стран, который отодвинет от наших границ ничуть не ослабевшую военную машину НАТО.

Нейтральный статус ненадёжен? Нет, уважение к нему обеспечено во всём мире. Если потребуется, и силой. Достаточно вспомнить: Великобритания вступила в первую мировую войну из-за нарушения Германией нейтралитета Бельгии^[49]. Так что официально признанный нейтралитет — ничуть не худшая защита, чем членство в военном союзе.

Если силы гарантов нейтралитета соизмеримы.

Пока в центре Европы два блока годами держали друг друга за горло — альпийской республике бояться было нечего. Любого из возможных нападающих остановил бы другой. Зная это, ни один из них не решался ни на какое угрожающее движение.

Вдруг опасность с Востока исчезла. Нейтралитет, опирающийся на равновесие двух противостоящих угроз, зашатался.

Россия ныне, как в былые времена, по боеспособности сопоставима с Германией. Если бы мы по-прежнему противостояли друг другу, безопасность Восточной Европы была бы гарантирована. Но Россия более никому противостоять не желает. Зато Германия не одинока, как в былые времена, а опирается на военную машину НАТО, объединяющую самые развитые экономики и потому мощнейшую в мире.

От былого европейского равновесия не осталось и следа. И нейтралитет равновесия оказался невозможен. Восточноевропейцы могут этого вслух не говорить. И даже не осознавать. Но в подсознании каждого из них отложился опыт поколений. По которым при каждом нарушении баланса сил прокатывались войны.

Ныне опыт предков подсказывает: в ближайшее время Восточную Европу будут есть. И Россия этому пиру победителей ничем не помешает.

С каждым миролюбивым шагом России тяга в НАТО растёт. Былые друзья не опасаются нашей угрозы. Они потеряли надежду на нашу помощь.

Схватить удава за хвост некому. Бежать кроликам некуда. Стало быть, не стоит и сопротивляться. Чтобы не было мучительно больно. А легче всего самим нырнуть в гостеприимно распахнутую пасть.

«Если насилие неизбежно, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие».

1996.12.24

О слонах и кроликах

(к дискуссии о распространении НАТО на страны Восточной Европы)

Не сдохнет слон, не сдохнет! Точнее, сдохнет не от этого. Ещё раз повторю — думать надо не только о себе. Заботиться, может, только о себе, а вот думать — нет. От нас не убудет, если подумаем и с их точки зрения.

Представим, что мы — европейцы. Западные, конечно. Много-много лет мы ссорились друг с другом и колонизовали (ах, извиняюсь — цивилизовали!) остальной мир. Теперь остальной мир нам не особо подчиняется, мы ещё можем доить его, но уже не так, как прежде. Ссориться друг с другом в Европе сейчас — это всё равно что кататься на «Антилопе-Гну» на свои. Нет, мы объединяемся, поскольку волна колонизации остального мира теперь возвращается и может затопить старушку Европу. Если до них (азиатов и африканцев) наконец допрёт, что можно использовать декларацию прав человека (любимую нами, западными европейцами, напомню) в мировом масштабе, то тогда придётся туго. Как быть с теми, кто считает, что человек имеет право жить там, где хочет, и что всякие прописки незаконны? Если так, то что делать с запретами на въезд и работу в странах европейском союза для эмигрантов? Миллиард азиатских и африканских гастарбайтеров у нас в Европе — как это нам (западным европейцам, напомню) нравится? Ах, не нравится? Так давайте объединимся против остального человечества в НАТО. Или, например, демократия (наше ноу-хау, заметьте!) воссияет во всём мире. И решат провести всеобщие, прямые и тайные выборы начальника Земшара. Ну кого

выберут, если нас (западных европейцев, напомним) от силы шестьсот миллионов, если с Северной Америкой — миллиард, а это всего двадцать процентов от избирателей Земшара? Китайца? Нигерийца? Аргентинца? И как после этого будем чувствовать себя мы (западные европейцы, напомним)? Отсюда мораль: для пущей надёжности нужно всех хоть как-то похожих на европейцев подобрать под свою руку. Только не русских — с этими русскими вечная морока. И душа у них загадочная, и умом их не понять. Да и не европейцы они, а так, азиаты.

А теперь представим себе, что мы — тоже европейцы. Но только восточные. Нас, малые, но гордые и независимые страны с многовековой и великой историей, десятилетия держала в подчинении чумазая некультурная Россия. Когда-то этот бесталанный народ со всеми признаками алкогольной деградации научился у монголов заниматься игом (слушайте, а может, русские и сами монголы!?), и игил нас, пока мы его не изгнали (мы тогда долго и грозно митинговали, и иго рухнуло). Теперь мы наконец свободны, и мы готовы воссоединиться со всей остальной Европой. Нам, конечно, надо помочь, потому что иго разрушило нашу а) экономику, б) культуру, в) экологию, г) нравственность, д) всё остальное. Однако небольшие финансовые вливания со стороны государств, которые мы героически сохранили от ига, мигом исправят дело. И вообще мы совсем как они — глядите, у нас и буквы как у них, и оперетту наш Кальман производил лучше, чем они. В общем, самое время нам встать в один ряд с ними, а то ещё иго вернётся...

Две позиции, изложенные выше, не есть позиции каких-то конкретных людей отсюда. Это, если так сказать, эгоистическая душа обеих частей Европы. Я её озвучил. Получилась довольно анекдотичная точка зрения, сильно отличающаяся от того, что скажет нам там любой политик, журналист или просто человек. Однако в случае противостояния этих стран с Россией для обработки общественного мнения будет вытащена именно она. В случае отсутствия противостояния там о России просто никто не думает, потому что они могут позволить себе то равнодушно-доброжелательное отношение, какое проявляют сейчас.

Как выглядит «эгоистическая душа» России? Её физиономию (лучше сказать рожу) можно наблюдать сейчас по телевидению в ходе предвыборных дебатов. Лениво и противно её описывать, да и не

нужно. Национал-патриоты делают это лучше, причём получая удовольствие от процесса описания. Но понимать, какие свинозавры вылезут из-за их и нашей пазухи в случае глобального обвала, нужно. Среди понимающих это найдётся меньше желающих такой обвал инициировать.

Но похоже, рано или поздно он произойдёт. К нему так или иначе надо быть готовым: в худшем случае чтобы откопаться, в лучшем — не попасть под него.

1996.12.24

Карты-картишки брошены веером...

Разговоры о расширении НАТО на восток не умолкают. «Европейская безопасность под угрозой», «Россия скоро окажется лицом к лицу с невиданной доселе военной машиной» — всё это верно, однако это лишь одна сторона медали. Европейская. А есть ещё и мировая.

Западная Европа постепенно объединяется. Это факт общеизвестный и многим кажется закономерным. Но эта закономерность скорее является вынужденностью, почти случайной вынужденностью.

Известный ливийский деятель Муаммар Каддафи^[50] в своей «Зелёной книге» помимо экономических, политических и прочих тезисов (лозунгов, выкриков — вычеркнуть ненужное в зависимости от отношения читателя к деятелю) написал в специальной главке «Чёрные», что эти самые чёрные будут править миром. Обоснование простое: размножаются быстрее, поскольку не спутаны узами излишней культуры. А их телесные возможности известны всем — кто лучше всех остальных бегают и прыгает?

Муаммар убийственно прост. И не исключено, что прав. Во всяком случае, белые давно подозревали нечто подобное. Их стремление к объединению есть попытка противостоять натиску третьего мира, многократно превосходящего европейцев численностью населения. Это стремление стало преобладать над извечной усобицей европейцев после того, как их экономически обскакали молодые индустрии Дальнего Востока.

Пора переходить на общепринятую терминологию, слегка напоминающую военные учения. Развитые страны Европы, Северной

Америки, Япония — эта часть мира называется «Севером». Африка, Азия, Латинская Америка — эти именуется «Юг». Но есть ещё страны Восточной Европы, бывшего Советского Союза — куда их?

Нужен раздел мира. Нет, не передел, а просто раздел социалистического наследства, как некогда наследства испанской короны. Нож для разрезания пирога этого наследства пока ещё в руках у Севера, руки Юга до него пока не дотягиваются. Но то пока, и Север это знает. И потому в интересах Севера записать к себе в состав (хотя бы в дубль, хотя бы в фарм-клуб, хотя бы в драфт) страны Восточной Европы. Они не испортят Севера хотя бы потому, что раздроблены и привыкли смотреть на соседей снизу вверх, за глаза понося их на чём свет стоит.

Иное дело Россия. Если Север включит в себя Россию, неизбежны изменения в нём самом. Он её не переварит, равно как и она не переварит его^[51]. Именно поэтому для него единственно выгодный выход — Россию поставить «вне игры», оставить её одинокой и изолированной. Россия, присоединившаяся к Югу — очень большая неприятность для Севера. Ведь Россия дополнит Юг именно тем, чего ему недостаёт — военно-промышленным комплексом. Вот то, что ни одна страна Юга не создала — им просто не давали этого сделать. Если Россия станет частью Юга, то Юг утратит зависимость от поставок оружия с Севера.

Единство Юга — гораздо более сомнительная штука, нежели единство Севера. Он частью подкуплен, частью разгромлен, частью свергнут в междоусобные конфликты, но его объединение принципиально возможно. И эта перспектива смертельна для Севера, пока есть ВПК России и пока Юг может его использовать. Значит, отношение Запада к России — лишить её ВПК и не дать ей найти общий язык с Югом. И это гораздо важнее для Запада, нежели присоединение к нему Восточной Европы.

Что делать же России? Во-первых, держаться за ВПК — это в любом случае. Во-вторых, искать государства, у которых хотя бы те же самые проблемы и те же самые вероятные противники, и налаживать с ними контакты. Если скорость важна — а она важна — то пора воспользоваться международными организациями, которые могут хоть как-то приблизиться к НАТО по степени влияния в мире и не входят в область влияния Севера. Такие организации есть.

Одна из них — ОПЕК (Организация стран — экспортёров нефти), куда мы подходим по всем статьям. Сидят там, правда, шейхи да короли, но и им в середине семидесятых удалось поставить весь Север на уши повышением цен на нефть. Успех был бы полнее, если бы не штрейкбрехерская позиция Советского Союза: он продолжал торговлю нефтью и хорошо на этом заработал. Раньше наша гордыня великой державы не давала нам даже помыслить о присоединении к такому сообществу, но теперь — что нам мешает?

Вторая — организация неприсоединившихся стран. Это нечто гораздо более рыхлое, зато у нас там есть добрые друзья типа Индии и Югославии^[52]. Их дружба нам стоит не так уж дёшево, однако из такого сообщества тоже может что-то получиться. Тем более что после распада Варшавского пакта Россия и страны СНГ вполне подходят под определение неприсоединившихся государств.

Как отреагирует НАТО, если Россия решит уйти в одну из этих двух организаций? Вот уж точно не обрадуется. И скорее всего будет кусать локти от того, что не удалось взять Россию на членский поводок. Так что России имеет прямой смысл обозначить возможность такого изгиба в своей политике, и скорее всего это ослабит нежелание НАТО принять в себя Россию.

А если Россия окажется в НАТО, то у неё откроется широкое поле деятельности. Во-первых, нам совершенно не обязательно будет неустанно крепить единство этого блока. Противоречий в нём и так достаточно; с каждым годом будет больше. Во-вторых, европейская часть блока скорее всего перевесит североамериканскую, а для США это будет означать снижение роли НАТО как инструмента внешней политики США. В третьих, военная машина НАТО просто вынуждена будет претерпеть значительные и дорогостоящие изменения, и голос России в процессе этих изменений окажется достаточно громок^[53].

Похоже, в руках у России есть немало козырей. Если, конечно, уточнить, какая масть сегодня — козырная. В Европе она одна, а в мире совсем другая. Где нам выгоднее играть?

1996.12.24

Тезисы по НАТО

1. Расширение НАТО на восток будет неприятно не только России, но и НАТО

На первый взгляд, НАТО получает немалые выгоды. Увеличиваются людские и материальные ресурсы. Растёт территория при почти прежней длине защищаемых границ. Но...

За всё на свете приходится либо платить, либо расплачиваться. Чем расплатится НАТО?

Обе сближающиеся стороны — и Западная, и Восточная Европа — ищут конкретных эгоистических выгод для себя за счёт партнёра. Минимум одна из сторон станет недовольна партнёрством очень скоро: как только выяснится ограниченность этих выгод.

Страны Восточной Европы не были надёжными союзниками в Варшавском договоре. Станут ли они надёжнее в НАТО? В 1916-м российский генштаб говорил о Румынии: «Нам она будет стоить 20 дивизий, на чьей стороне ни вступит в войну. Если на вражеской — чтобы её разгромить, если на нашей — чтобы её защитить».

Между восточноевропейскими странами существуют национально-территориальные споры, в частности, как наследие ещё Османской и Австро-Венгерской империй. К чему они приводят, показала Босния. Кандидаты в НАТО надеются, что новый союз не даст спорам перерасти в конфликты. Насколько оправдана эта надежда, видно по греко-турецкой распре из-за (суверенного!) Кипра. Несмотря на всё посредничество, спор двух членов НАТО дозрел до открытого вооружённого вмешательства обеих сторон и завершился фактическим разделом острова.

Но даже с такими «сладкими парочками», как Греция и Турция, НАТО сейчас обладает значительной внутренней цельностью. Она основана на единстве экономического уклада членов альянса. С расширением блок утратит цельность, разделится на «толстых» и «тонких». Тем самым количество внутренних противоречий увеличится до критического. Советский Союз в свое время «подавился» Афганистаном. НАТО может «подавиться» Восточной Европой^[54].

2. Реакция России на расширение НАТО будет неприятна не только НАТО, но и самой России

Вспомним, как реагировали США на размещение СССР ядерного оружия на Кубе. На действия Хрущёва, не просто выгодные Союзу, но

и вполне законные с точки зрения международного права. И ракеты были явно неприменимы: американский ответ не оставил бы от нас и следа. Но испуг США привёл мир к опаснейшему Карибскому кризису.

Планируемые ныне действия НАТО также безупречны с позиций права. Но Россия может отреагировать на них как на непосредственную угрозу. И предпринять не только дипломатические, но и силовые меры. Хотя формально в НАТО идут для обороны. Но против кого там дружить, если не против России? Разве что и нас примут. Скорей бы...

Тем более что беспристрастное миролюбие НАТО вызывает немалые сомнения. В Боснии католики и мусульмане ничуть не безопаснее православных. Но их не бомбят...^[55]

Угроза подвигнет Россию на сколачивание некоего анти-НАТО с участием стран СНГ и (что отнюдь не исключено) странами антиамериканской и антинатовской ориентации. Видя НАТО у своей границы, даже Украина вряд ли откажется. Новый блок вымотает из нас силы, как и прежний. Но и силы Запада будут тратиться впустую.

Внутри России рост НАТО будет неценимой услугой отечественным ультранационалистам, так как подтвердит их навязчивую идею вечной враждебности Запада к России. Расширение НАТО оправдывают российской угрозой. Но создать эту угрозу может само расширение.

Идея пополнения НАТО оставалась на политической обочине, пока реформы у нас шли обвальным темпом. Как только они замедлились в соответствии с нашими собственными возможностями, начались разговоры о наступлении реакции. И лозунг расширения реанимирован. Но если его реализовать, реформы не просто останутся. Мы покатымся вспять во всех аспектах. И кричащие о российской угрозе действительно добьются этой угрозы. Классический самореализующийся прогноз.

Неохота вставать в стройные ряды профессиональных спасателей России, чей облик может сделать в нашей стране слово «патриот» бранным. Но что делать, если в эти ряды нас усиленно вталкивает сам Запад? Не зря перед нашими выборами активность НАТО растёт...

3. Позиция НАТО в период холодной войны была симпатичнее, нежели сейчас

В годы холодной войны противостояли НАТО и Варшавский договор. Опирались можно лишь на то, что оказывает сопротивление. Получилась довольно устойчивая система. Она сохраняла мир в Европе и, как следствие, во всём мире.

Сейчас НАТО не имеет противовеса — да ещё и стремится заполучить гирьки, слетевшие с другой чаши весов. Такая политика «что плохо лежит, всё мне принадлежит» империалистична по своей сути.

Кого НАТО считает потенциальным противником? Вряд ли только Россию, скорее — весь остальной мир. Противостояние «Запад (капитализм) — Восток (социализм)» сейчас сменилось противостоянием «Север (богатые развитые страны) — Юг (бедные развивающиеся страны)». После расширения НАТО в Восточной Европе может возникнуть качественно более острое «Северо-Запад — Юго-Восток». Это — идеальная почва для ещё более жестокой холодной войны в недалёком будущем. Мир пока моноцентричен, пока «Северо-Запад» преобладает, но сколько лет это ещё продлится?^[56]

4. Страны Восточной Европы отнюдь не однозначно намерены вступить в НАТО

Как правило, вступление в НАТО — цель правительств, пришедших к власти на волне недовольства коммунистическим режимом и, соответственно, настроенных прозападно. Подобные внешнеполитические шаги для них естественны и необходимы.

Однако общественное мнение этих стран весьма неоднозначно. Так, восток Польши настроен антироссийски и выступает за вступление в НАТО, в западной же части преобладают антигерманские настроения и гораздо больше скепсиса по поводу вступления. Аналогичные данные есть и по другим странам. Прямо поставленный вопрос «Если завтра в НАТО...» будет там слишком злободневным, чтобы власти рискнули его задать без мощной пропагандистской подготовки. Тем более что приглашены в НАТО прежде всего те, кому ничто ощутимое не угрожает.

Правительства надеются, что членство в НАТО предотвратит опасность поворота реформ в этих странах вспять. Угрозу такого поворота порождают их внутренние экономические и социальные проблемы — неизбежное следствие любых преобразований. Но

помогут ли внешние скрепы? Ведь сами реформы — следствие экономических и социальных проблем, пусть и других. И былое членство в Варшавском договоре повороту на нынешний курс не помешало.

5. Внешняя политика России до сих пор излишне альтруистична и недостаточно театральна

Похоже, дипломатия России до сих пор не избавилась от чувства, что Россия в ответе за весь мир или хотя бы за его половину. Между тем внешняя политика любой страны мира либо зависима от внешних сил, либо архиэгоистична.

Россия даже при нынешнем её состоянии не смирится с внешней зависимостью. Ибо приемлема лишь зависимость взаимная. Следовательно, внешняя политика России должна быть «конкурентно-подлой» в отношении как государств дальнего зарубежья, так и СНГ, как союзников, так и нейтралов. У нас не будет ни друзей, ни врагов — ни старых, ни столь же неверных новых. Останутся только интересы. И их защита.

Экономические и дипломатические средства не следует делать открытыми. А вот театральные жесты — заявления, приёмы, церемонии и тому подобные трюки — нужно совершать гораздо чаще и эффектнее. По всей видимости, российские посольства за рубежом нужно комплектовать не опальными вельможами и не бесстрастными карьерными дипломатами, а людьми, склонными и умеющими драматизировать ситуацию. Это не мошенническая игра. Это вполне законное и честное средство донести до общественности других стран наши проблемы. И показать: отказ с нами считаться может породить их проблемы.

6. ВПК — залог уважения России в мире

Россию оскорбляют. Но пока не оплёвывают. Единственно потому, что уважают оружие, изготавливаемое нашим ВПК. У России в этом деле есть конкуренты, но важно, что Россия пока конкурентоспособна.

Авторитет наш поддерживают не обильные речи Козырева, а башни Т-80, крылья МиГов и боеголовки ракет. Аль Капоне говорил: «Добрый словом и револьвером можно добиться куда большего, чем

одним добрым словом». Увы, знаменитый гангстер останется прав до тех пор, пока есть на свете силы, к доброму слову глухие...

Конечно, лучше бы нас ценили за богатство, спокойствие, комфорт бытовой техники. Нам самим было бы тогда легче и приятнее жить. Но человек всегда мечтает о том, чего не имеет. Давайте для начала грамотно распорядимся тем, что уже есть.

Мы стесняемся торговать оружием, паникуем от гневных окриков Запада. Хватит своими руками валить ВПК. Торговля оружием пока законна. Под крики в нашу сторону сам Запад эту торговлю непрерывно наращивает. Если она аморальна — прекращайте её вместе с нами.

7. Агрессивность России — злонамеренный миф

Войны в Европе начинала не Россия. Их порождали вполне западноевропейские конфликты. Сначала между Англией и Францией, затем между Германией и англо-французским блоком.

Кстати, и Центральная Европа была не причиной этих пожаров, а в худшем случае поводом для них. Даже печально памятные балканские войны начала века не взрывали европейского спокойствия, пока основные игроки — Англия и Германия, Франция и Австрия — не накопили сил и решимости. Так что включение новых стран в НАТО ничуть военную угрозу не уменьшит. Дай бог, чтобы не увеличило.

Россия воевала в Европе только по инициативе самой Европы. Польшу делили по предложениям Пруссии и Австрии. Прийти в 1849-м в Венгрию умолила Австрия, от которой пытались избавиться венгерские революционеры. На Балканах мы спасали болгар и сербов от турецкой резни. Не говоря уже о потоках завоевателей России. Отбивались мы от них, как правило, удачно. В Париж попали по следам Наполеона, в Берлин — в погоне за Фридрихом II и Адольфом...

Правда, дважды приходилось идти на Запад по собственному решению советского руководства. В 1956-м в Венгрию, в 1968-м в Чехословакию. Заметьте — в союзные государства. Оба раза это оборачивалось глубочайшими моральными травмами внутри самой страны. Так же как и бросок в Афганистан. Неужели кто-то думает, что

мы хотим нового раскола в обществе и будем его искать на пути внешней агрессии?

Мы надеемся на создание между Россией и НАТО полосы нейтральных государств. Зачем нам их покорять? Ведь тогда мы теряем буфер между собою и превосходящей противостоящей силой. И вступление в НАТО может безопасность Восточной Европы только снизить.

1996.12.24

Россия и НАТО: вопросы и ответы^[57]

В. Как может сказаться приём стран Варшавского договора в НАТО на их взаимоотношениях с Россией?

О. Отрицательно. Конечно, не по вине России. Просто сами эти страны пока считают, что от дружбы с нами им ждать нечего. Что их заработки — не в восточной Европе, а в западной. А НАТО для них — чёрный ход в Европейский Союз. Насколько широко распространены объятия, с которыми их там ждут? Не нам гадать. Но дружба против — кого бы то ни было — недолговечна.

В. Что может дать НАТО новым своим членам?

О. Гораздо меньше, чем они ожидают. Сейчас в НАТО каждое государство имеет право вето по множеству ключевых вопросов. Ясно, что при увеличении числа членов такая система постепенно становится неуправляемой. Вспомните, чем кончилось неограниченное вето в польском сейме. Поэтому и придуманы формы частичного членства в НАТО — вроде «Партнёрства ради мира». И новые сочлены даже в будущем не смогут рассчитывать на все права старых. Значит, они рискуют оказаться заложниками тех решений, на которые не смогут повлиять. Кстати, нам тоже следует осторожно относиться к «Партнёрству ради мира», не полагаясь на него сверх меры.

В. Почему вообще нас беспокоит вступление стран Восточной Европы в НАТО? Ведь это их внутреннее дело.

О. Единственный аргумент в пользу расширения НАТО на восток — «русская угроза». Реально её не существует. Но любой запугивающий окружающих привидениями должен прежде всего сам вести себя так, будто их видит. И восточноевропейские правительства будут требовать сосредоточения сил НАТО на своей территории или

хотя бы поблизости от неё. А раз в год стреляет и незаряженное ружьё. Варшавский договор и НАТО всю вторую половину 80-х потратили на расчистку центра Европы от противостоящих гор оружия. Неужели только для того, чтобы нагромоздить новые?

В. Генеральный секретарь НАТО Вилли Клаас назвал страх наших политиков перед расширением НАТО иррациональным. Насколько серьёзно отразится на безопасности России расширение НАТО?

О. Договор об ограничении обычных вооружений в Европе обеспечивал равную безопасность НАТО и Варшавского договора в целом. Распад организации Варшавского договора снял немало гирь с одной чаши европейских весов. Теперь их пытаются уложить на другую чашу. Удержится ли баланс? А рациональность самого заявления Клааса, так же как и его вежливость, следовало бы оставить на его совести. Конечно, для генсека НАТО рационально, если Россия откажется от любых попыток обеспечить свою безопасность самостоятельно — ведь НАТО обещает коллективную самозащиту. Но мы-то помним: имеется в виду самозащита именно от России!

В. Как изменились отношения России и НАТО после бомбёжек сербских позиций в Боснии?

О. Мягко говоря, не улучшились. Боснийские сербы — только одна из трёх сторон конфликта. Лишь средства массовой информации изобразили их главными виновниками. Сербы меньше прочих воюющих в Боснии соответствуют нынешним представлениям стран НАТО о том, каков должен быть порядок на континенте. Поэтому даже в ответ на совершенно явные провокации мусульман бомбят почему-то сербов. Столь явная предвзятость Запада вызывает самые серьёзные сомнения относительно перспектив нашего сотрудничества. Кто знает, какие наши шаги в будущем покажутся НАТО не соответствующими их традициям? Кстати, я бы не хотел говорить «сербские позиции». По языку, обычаям, культуре все три враждующие стороны — сербы. Отличает их только религия. Сербам мы привыкли называть православных, хорватами — католиков, бошняками — мусульман. В конце XX века в центре Европы творится совершенно средневековая религиозная война. И страны, именующие себя цивилизованными, пытаются всерьёз определить, какая сторона — то есть какая церковь! — достойнее поддержки светских властей.

В. Не лучше ли России самой вступить в НАТО?

О. Не лучше ли нам с Вами перемещаться не на ногах, а на крыльях? Или хотя бы помолодеть лет на тридцать... НАТО — изначально система, противопоставленная СССР — ныне противостоит России, считая её наследницей только худшего, что было в СССР, но ни в коем случае не лучшего. Конечно, при таком взгляде принимать нас НАТО не хочет. На недавнем заседании Североатлантической ассамблеи это выразалось вполне откровенно. Нас вообще называли азиатской страной — мол, таким не место в цивилизованной Европе. Ну, если мы и азиаты, то уж не больше, чем Тайвань и Корея, с которыми эта Европа так охотно взаимодействует. Знаний у нас больше, квалификация выше — вот только зарплата пока ниже... Но даже при такой низкой зарплате вряд ли стоит тратить силы наших замечательных умельцев на подгонку техники и вооружения под стандарты НАТО. Тем более что и стандарты эти далеки от идеала. Например, наш патрон 5.45 эффективнее НАТОвского 5.56, хотя и меньше по энергии. На экспорт мы можем делать автоматы Калашникова под западный патрон, но своих-то солдат зачем вооружать худшим?

В. Может ли Россия, оставаясь вне НАТО, участвовать в обеспечении европейской безопасности?

О. Не только может, но и должна. Хотя бы потому, что наша собственная безопасность неотделима от европейской. Так же как от азиатской, африканской или американской. Находясь на перекрёстках основных торговых путей, вбирая в себя элементы множества культур (увы, не всегда лучшие), Россия всегда могла чувствовать себя спокойно, лишь когда спокойны те, с кем она взаимодействует — то есть весь мир.

Конечно, степень взаимодействия бывает разная. Первоочередные наши интересы лежат в СНГ. Все страны нашего Содружества Независимых Государств были когда-то Россией. А некоторые, похоже, не прочь в неё вернуться — возьмите хотя бы Белоруссию. Наши экономики взаимосвязаны, наши культуры едины. Поэтому их боль — это наша боль. Но близки мы и всей Европе — колыбели самой быстроразвивающейся цивилизации, центру мировой культуры, гармоничному сочетанию традиций и прогресса. Цели Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе — это и наши цели. Мы заинтересованы во взаимодействии с экономическими структурами,

опередившими нас. Мы хотим овладеть искусством согласования интересов стран, ещё недавно ожесточённо сражавшихся. Надеемся увлечь своих соседей примером успешной интеграции как неотъемлемой черты прогресса. Европейский Союз — наш нынешний и будущий партнёр. И даже НАТО, несмотря на текущие разногласия, может вполне эффективно с нами сотрудничать — конечно, если откажется от нынешней предвзятости.

В. Какие конкретные меры для обеспечения безопасности мы можем принимать? Хотя бы в таком беспокойном районе, как средиземноморский.

О. Действительно, на первый взгляд у нас там нет ни сил, ни средств. Почти уничтожен внутренними распрями Черноморский флот^[58]. Обнищали мы за последние годы настолько, что заплатить за согласие с нами не в состоянии. Согласившись с санкциями против не участвующей ни в каких конфликтах Югославии, мы лишились последней возможности влиять на воюющих хотя бы косвенно, через их родных и близких. Не зря министр обороны США уже объявил наше участие в мирном урегулировании необязательным. Но тем не менее способы влияния у нас есть. Потому что даже среди политиков есть способные задуматься не только о сиюсекундных интересах. Известно: Россия не впервые в кризисе. И до сих пор из каждой беды не просто выходила обновлённой, но становилась куда богаче и могущественнее прежнего. Даже если сегодня мы ничего не можем дать — завтра согласие с нами само по себе обеспечит богатство. Кроме того, российская цивилизация синтетическая. Мы вбирали в себя лучшее отовсюду. Поэтому способны всех понять — значит, со всеми договориться. То есть согласовывать интересы, искать компромиссы, на худой конец — чётко объяснять, почему чьё-нибудь желание неприемлемо и невыполнимо. А не просто заигрывать с оголтелыми фундаменталистами, как пытаются сейчас США, или вытаскивать из исторического небытия потомков былых союзников Гитлера, как ФРГ.

В. Каковы взаимоотношения НАТО с другими европейскими структурами?

О. Создаётся впечатление, что НАТО стремится их себе подчинить. Я не говорю о Совете Европы — на фоне взглядов этой организации НАТО выглядит на редкость либерально. Но Европейский

Союз, например, отнюдь не считает угрозы, исходящие с востока, столь неизбежными. Его координаторы сомневаются в необходимости тратить на вооружение средства, которые можно через каналы ЕС использовать для экономического благоденствия. А ОБСЕ вообще оказывается в положении бедного родственника. Открытых чисто политических разногласий, которые можно решать переговорами в этой организации, осталось в Европе немного. Все межгосударственные силовые структуры находятся под контролем НАТО, так что пресекать вооружённое противостояние ОБСЕ не может. И понемногу отходит в тень.

В. Может ли НАТО оказаться основной межгосударственной структурой Европы?

О. По крайней мере, стремится к этому. Не только потому, что любая бюрократическая структура стремится расширить сферу своего влияния. Но и потому, что США через НАТО в какой-то мере контролируют своих главных экономических конкурентов — Европейский Союз. Страны этого союза в своей обороне долгое время рассчитывали не на себя, а только на США. Поэтому структура их экономики уже почти изолирована от оборонной промышленности. И любые дополнительные расходы на оборону в таких условиях приносят заметный ущерб. Расширение НАТО неизбежно вызовет заметные расходы. И США выиграют очередной раунд экономического наступления на Европу. Сохранив при этом вид защитника Европы.

В. Среди наших соседей не только бывшие союзники и будущие члены НАТО.

О. Действительно, ближайшие соседи на севере — страны традиционно нейтральные — Финляндия и Швеция. Кстати, их пример — лучшее доказательство, что НАТО — не единственный способ обеспечить безопасность от России. И даже не лучший. Экономика той же Финляндии развивалась прежде всего на торговле с СССР. И безопасность обеспечивалась этой же торговлей. На торговых партнёров не нападают — кто режет курицу, несущую золотые яйца? Боюсь только, что с расширением НАТО начнёт давить и на этих нейтралов. Тоталитарное мышление генералов, добывающихся этого расширения, не допускает нейтралитета в полосе между собою и потенциальным противником. Тем более что страны эти ныне вошли в ЕС. Значит, стали потенциальной угрозой для экономики США. То

есть объектом давления с целью переключения их возможностей в силовое русло. Ведь с военной промышленностью США — так же, как и с нашей — они конкурировать не смогут. А с гражданской и сейчас конкурируют успешно. Так что будем готовиться к новой волне слухов — об угрозе России скандинавским странам. Обождём ещё немного: кто-нибудь решит, что швейцарские банки слишком конкурентоспособны по сравнению с американскими^[59]. И сочинит российскую угрозу Швейцарии, от которой единственное спасение — в жарких объятиях НАТО.

1997.01.21

Пояс политического целомудрия^[60]

Конспект концепции

Противостояние по поводу расширения НАТО в сторону России длится уже несколько лет. За эти годы аргументы обеих сторон многократно повторены и отточены. Так что основное уже общепризнано: Россия не может согласиться с приближением бывших врагов к её рубежам, а Европа не может оставить кого бы то ни было наедине даже с призраком бывлой угрозы.

Противоречие интересов выглядит вполне антагонистическим. Единственный способ предотвратить неизбежное при антагонизме уничтожение одной из сторон противоречия — это превратить его в диалектическое и затем найти синтез противоречивых требований.

В данном случае очевидный синтез — нейтральный статус спорных территорий. Страны Центральной Европы должны быть признаны нейтральными, не входящими ни в какую военизированную организацию и не подлежащими силовым воздействиям извне.

В какой-то мере российская политика уже пыталась эволюционировать в этом направлении. В ходе консультаций с НАТО Россия предлагала обеспечить безопасность Центральной Европы предоставлением взаимных российско-натовских гарантий.

Однако переговоры о гарантиях с самими центрально-европейскими странами не велись. Это вызвало у них не только обиду на имперское высокомерие бывшего Большого Брата. Куда существеннее данный таким образом сигнал, что эти страны рассматриваются не как равноправные партнёры, а только как объекты

политики великих держав. Тем самым российская дипломатия независимо от своего желания убедила бывших союзников: при любом изменении ситуации гарантии могут быть поставлены под сомнение.

Нейтральный же статус психологически гораздо весомее. Он подразумевает прежде всего свободный выбор самого нейтрального государства. Статус этот также гарантируется извне. Но гарантии даются потенциально противоборствующими сторонами не друг другу, а нейтральному государству в ответ на его просьбу.

Более того, нейтралитет могут гарантировать не две стороны, а неограниченное число держав и блоков. Таким образом существенно повышается надёжность гарантий: любой нарушитель нейтралитета оказывается перед заведомо превосходящими силами остальных гарантов.

История Европы знает и двусторонние гарантии. Например, нейтральный статус Австрии, установленный Государственным договором 1955-го года, поддерживали два противостоящих блока — Northern Atlantic Treaty Organization и Организация Варшавского Договора. Но это — неизбежное следствие существовавшей в тот период поляризации, фактически не оставлявшей места самостоятельным третьим силам. В XIX веке нейтралитет признавался и гарантировался совместными соглашениями всех существовавших в тот период великих держав, а также, как правило, соседей нейтрального государства независимо от их весовой категории.

И в данном случае нейтралитету Центральной Европы было бы целесообразно предоставить гарантии не только НАТО и России (или даже СНГ), но и иных государств и/или межгосударственных образований. Гарантия даже со стороны территориально удалённых стран может оказаться вполне эффективной. Вспомните хотя бы войну Судного дня (октябрь 1973-го года), прекращённую фактически не прямым силовым вмешательством. Угроза такого вмешательства (причём — небывалый случай — со стороны СССР и США совместно) была следствием давления арабских стран, установивших эмбарго на поставки нефти западному миру.

Конечно, истории известны и разнообразные нарушения нейтралитета. Например, в первой мировой войне Германия прошла через нейтральную Бельгию, попутно разгромив её войска и крепости. Во второй мировой та же Германия захватила почти все нейтральные

страны Европы. А отказ от захвата Швейцарии и Швеции объяснялся отнюдь не уважением к их статусу, а сугубо военно-стратегическими соображениями.

Однако такие нарушения всегда очень строго наказывались. В первой мировой нападение Германии на Бельгию послужило поводом для вступления в войну Великобритании со всеми её промышленными и колониальными ресурсами, что в значительной степени предопределило поражение Германии. А судьба Третьего рейха надолго останется предупреждением любому желающему поиграть судьбами народов.

Во всяком случае многосторонние гарантии нейтралитета — ничуть не менее надёжная защита, чем договора о взаимной обороне. А ощущение опасности для стран, гарантиями не охваченных, неизмеримо меньше. В данном случае такое ощущение необходимо принимать в расчёт хотя бы потому, что неприятие российским обществом расширения НАТО основано не столько на конкретных стратегических расчётах, сколько именно на общем ощущении угрозы. Вопросам надёжности гарантий нейтралитета Центральной Европы предполагается посвятить специальное исследование.

Впрочем, тяга недавних «варшавцев» в НАТО вызвана не только желанием безопасности. В большей, пожалуй, степени это — проявление стремления интегрироваться во все структуры западного мира. Здесь нейтралитет также может оказаться для них полезен.

С одной стороны, этот статус сам по себе свидетельствует об интеграции в систему европейской безопасности и стабилизации. Нейтральные Австрия, Финляндия, Швейцария, Швеция — ничуть не менее важные звенья этой системы, нежели включённые в НАТО Греция, Дания, Норвегия, Турция.

С другой стороны, интеграция в НАТО требует серьёзного перевооружения армий, строившихся по стандартам Варшавского Договора (т. е. советским) и полной замены армейских систем связи и управления. Затраты на такую реорганизацию столь велики, что экономика включающихся в НАТО стран ещё многие десятилетия не достигнет параметров, необходимых для вхождения в Европейский Союз. А ведь с точки зрения интересов любого народа экономическая интеграция куда полезнее военной!

Конечно, замена уже запланированного вхождения в НАТО нейтралитетом достаточно тяжела психологически. Здесь и понадобятся полномасштабные усилия всей российской дипломатии, а также пропагандистских структур. Возвращённые в советские времена, пропагандисты смогут отработать всё затраченное на них обществом, если хоть раз помогут предотвратить реальную угрозу России.

Всё предложенное потребует непривычной для России — длительной, серьёзной, упорной и хорошо скоординированной — работы. Но самая тяжёлая работа лучше вооружённого соседа.

1997.02.26

Потсдамская Россия

Как Германию делали безопасной

История учит лишь тому, что история ничему не учит. Поскольку любую историческую аналогию можно оспорить. Но с другой стороны из любой исторической ситуации можно извлечь актуальные советы.

Политолог Александр Янов сравнивает нынешнюю Россию с Германией 20-х годов. Выводы из аналогии «Веймарская Россия» печальные. Если западные страны не изменят отношения к России, не перейдут от брезгливой отстранённости к активной массивированной демонстративной экономической и политической поддержке — неизбежно, с точки зрения Янова, развитие России по германскому пути. То есть переход власти к объединяющимся ныне в национал-коммунизм разнообразным течениям фашистского толка.

Впрочем, даже если предсказываемая Яновым опасность реальна, ожидать резкого изменения позиции Запада не приходится. Эйфория победы в войне — пусть даже холодной — не позволяет адекватно оценивать ситуацию. Поэтому полезно изучить опыт победы куда более внушительной.

Германия в XX веке терпела поражения дважды. В первый раз, в Версальском мирном договоре, победители отнеслись к ней сравнительно гуманно. Второе поражение было всеобъемлющим, капитуляция безоговорочной. Потсдамский мир писался вообще без участия Германии. Судьба её по этому миру была такова, что мир Версальский казался несбыточным раем.

Версальский мир породил жажду мести, привёл в конечном счёте к власти откровенных убийц. Казалось бы, Потсдам должен был бы создать в центре Европы государство, считающее единственной своей целью истребление всех причастных к столь злой судьбе. На деле результат оказался прямо противоположным. Нынешняя Германия — одно из самых демократичных, миролюбивых и союзоспособных государств не только Европы, но и всего мира.

Причина ясна. Как отмечает, в частности, тот же Янов, взаимоотношения с Германией после второй мировой войны, в отличие от первой, далеко не исчерпывались заключением мира.

Дело не в военной оккупации. И после Версаля была оккупирована значительная (и важнейшая в экономическом отношении) часть Германии — Рурская область. Это породило лишь гиперинфляцию и (неизбежное её следствие) всеобщее озлобление.

Дело не в расчленении страны. Версальское отторжение Саарской области всего лишь дало лишний лозунг реваншистам. А возвращение в Польшу земель, добытых при её разделе в XVIII веке, стимулировало вражду и стало поводом для начала второй мировой.

Важны были действия куда менее конфронтационные. Настолько, что их аналоги ныне наблюдаются во взаимоотношениях развитого мира с Россией.

Массированная экономическая помощь. Тогда — напрямую из США по плану генерала Маршалла. Сейчас — в основном от международных финансовых организаций, где основную роль играют те же США.

Ликвидация опасной вооружённой мощи. Тогда — прямой военной силой, сейчас — экономическим удушением. Впрочем, этот ход как раз опасен. Плавное сокращение боеспособности может обернуться желанием использовать всё, что ещё осталось, пока осталось.

Поддержка демократически ориентированных политиков. Как постоянно пребывающих в стране, так и эмигрантов.

Пропаганда преимуществ демократического устройства общества. Силами и собственными, и местными средствами массовой информации.

Но одного тогдашнего принципиального шага сегодня явно не хватает.

Нацистская экспансия началась с двух переходов через горы. Захват Судетской области состоялся, впрочем, с явно выраженного в Мюнхене согласия тогдашних великих держав. Хотя и Англия, и Франция относились к Гитлеру без малейших признаков любви. Но воевать ради территориальной целостности Чехословакии не пожелали.

Так же как не пожелали защитить независимость альпийской республики. Тут, правда, ограничились молчаливым непотворением злу. Да и стоило ли вмешиваться? Чехословакия хотя бы протестовала. Австрия же в немалой своей части даже приветствовала аншлюс («подключение»).

Это и неудивительно. Австрийцы всегда были частью немецкого народа, и лишь превратности истории XIX века помешали воссоединению Германии вокруг Вены. Собственно, и сегодня разве что коммунистическая партия Австрии решилась однозначно утверждать: «Австрийцы — не немцы».

Соответственно и послевоенное устройство судьбы Австрии потребовало времени куда большего, нежели любого другого участника мировой катастрофы. Лишь в 1955-м нашлось решение.

Австрия стала нейтральным государством.

Причём — чуть ли не впервые в мировой истории — нейтралитет был установлен без предварительно явно выраженного желания самой страны, а лишь по усмотрению гарантов нейтралитета. Хотя формально всё уладили. Парламент Австрии принял Конституционный закон о нейтралитете 26-го октября 1955-го — на следующий день после вывода оккупационных войск, когда оснований объявлять нейтралитет следствием вооружённого насилия вроде бы уже не было. Даже при том, что принять такой закон прямо предписал Государственный договор от 15-го мая 1955-го года между членами антигитлеровской коалиции — СССР, США, Англией, Францией — и вновь формируемой Австрией. А без этого договора вывод войск был бы невозможен.

А что касается аншлюса — договор прямо запретил вступление Австрии в какие бы то ни было политические или экономические союзы с Германией. Это, правда, в дальнейшем осложнило вступление Австрии в Европейский Союз. Но требовать от политиков столь далёкого предвидения уже чрезмерно. Зато надежду на новое

объединение всех германоязычных — необходимую предпосылку разрастания нацистской империи — похоронили вполне надёжно. Что немало способствовало развитию Германии в наиболее желательном для победителей направлении.

Кстати, включение Австрии в какой-либо из тогдашних политических союзов — хоть НАТО, хоть ОВД — повлияло бы на Германию куда хуже. Оно бы рассматривалось как естественное для победителей желание поживиться за счёт побеждённых. Тогда как подчёркнутая изоляция Австрии от победивших военных структур была неоспоримым свидетельством стремления этих структур не к наживе, а к справедливости.

СССР, чьим преемником считается нынешняя Россия, также имел свой аншлюс. Вскоре по завершении второй мировой войны сложилась советская империя — в неё вошли страны Восточной Европы.

В отличие от Германии — и в соответствии с собственной идеологией — СССР выбрал предмет аншлюса не по этническим признакам. Польша и Венгрия, ГДР и Румыния даже в ходе бурной европейской истории никогда не сливались настолько тесно, чтобы можно было всерьёз говорить об их культурной общности. Соответственно и интеграция не дошла до стадии формально единого государства. Хотя неформальное единство сдерживалось разве что привычкой к российской самоизоляции — даже вполне советизированные соседи считались идеологически сомнительными.

Зато советский аншлюс, как и германский, был со стороны поглощаемых в значительной степени добровольным. Этническую близость с успехом заменили обещания светлого будущего, которым в ту пору верили даже сами обещающие. Так что реального сопротивления советизации не было. Это доказывает судьба тех мест, где аншлюс встречал хоть малейший намёк на препятствия. Восточная Австрия, Финляндия, Югославия так и остались независимы. Добычи и без них хватало.

Независимо от различий в идеологическом обосновании своего существования, советская и германская империи были внутренне устроены одинаково тоталитарно. Для искоренения психологических и организационных последствий этого тоталитаризма естественно было бы применить сходные механизмы. Разумеется, с поправками на то, что СССР разбит на полях не военных, а экономических сражений.

Посему и капитуляция его далеко не столь безоговорочна, и действовать победителям надлежит несколько изыщнее.

В значительной степени это уже осознано. Как отмечалось выше, демократический Запад применяет к России — считая её правопреемником СССР не только в позитивных, но и (даже, пожалуй, в большей степени) в негативных аспектах — методы воздействия почти те же, что и к послевоенной Германии. Разве что чуточку деликатнее, не столь откровенно предписывая побеждённым конкретные шаги.

Хотя в некоторых отношениях, пожалуй, даже более жёстко. В частности, Запад считает частями советской империи не только страны Восточной Европы, но и республики бывшего Союза. И активно добивается их изоляции от России. Игнорирует реальную общность, сложившуюся за сотни лет совместного развития полутора сотен (а не пятнадцати!) народов. Поощряет отчуждение между титульными нациями и меньшинствами. И в конечном счёте стимулирует превращение естественного стремления к восстановлению былой общности в реваншизм. Который, единожды родившись, вряд ли успокоится на границах СССР 1938-го и даже 1945-го года.

Способствует реваншистским настроениям и ускоренное поглощение осколков Варшавского договора бесспорно военной (а не сугубо политической) Организацией Североатлантического Договора. При этом чиновники НАТО, правда, ссылаются на желание самих этих стран. Но, между прочим, и вступление в Варшавский договор было ничуть не менее добровольным. А скоропостижность заявления о желании отправиться в НАТО, к примеру, Болгарии выглядит вообще странно — по крайней мере, среди лозунгов недавней политической борьбы, приведшей к смене правительства, вопрос о НАТО не фигурировал вовсе.

Тем более что Болгария, совершенно разорённая сменами правительств — коммунистических и либеральных, но одинаково некомпетентных — явно не в состоянии даже приступить к реорганизации и перевооружению армии. А без этого даже говорить о членстве в НАТО бессмысленно — единство обороны требует согласования военных структур.

Да и для других претендентов, ещё не оправившихся от смены принципов построения экономики или даже только приступившей к

этой смене, вход в НАТО разорителен. По самым скромным подсчётам, реформа вооружённых сил первоочередных кандидатов — Венгрии, Польши, Чехии — обойдётся миллиардов в десять — пятнадцать. Интересно, сознают ли это народы, пылающие, по словам своих властителей, желанием, покинув недавно военный союз, вступить в новый, не менее военный?

А безопасность Восточной Европы расширение НАТО вряд ли повысит. Ибо подействует на Россию примерно так же, как создание Малой Антанты — ориентированной не только антисоветски, но и антигермански — повлияло на веймарскую Германию.

Если уж считать СССР тоталитарным, стоит действовать с ним, как с тоталитарной же Германией. Не по версальски, а по потсдамски.

Не стремиться к расчленению давно сжившихся земель. Кстати, первоначальные англо-американские планы разделения Германии по границам былых княжеств и королевств закончились довольно быстро — в 1949-м были объединены даже три зоны оккупации, и в стороне осталась только зона советская, ставшая ГДР.

И уж, конечно, не набрасываться на бывшие жертвы аншлюса с аппетитом, компрометирующим любые добрые слова. А сделать их столь же нейтральными, как былая жертва аншлюса германского.

1997.03.21

Уж Герман близится...

Великий французский политик конца XIX — начала XX веков Леон Гамбетта в детстве был отправлен в закрытое учебное заведение. Весьма серьёзное и престижное. Но ему там резко не понравилось. О чём он и написал отцу. Тот, как и все отцы на свете, свято верил: что нужно сыну, он знает куда лучше самого сына. А посему велел Леону и дальше учиться и воспитываться. Сын сообщил: «Если ты меня отсюда не заберёшь, я выколю себе глаз». Отец счёл детскую угрозу вполне бессмысленной и посоветовал сыну не маяться дурью. После чего получил телеграмму: «Если ты меня не заберёшь, я выколю себе и второй глаз». Естественно, Леон был сразу взят домой, где в дальнейшем не встречал препятствий. Но стоило ли это потерянного глаза?

Сегодня России грозит расширение НАТО. Военная машина, готовая некогда сокрушить весь Варшавский договор, приближается к

границам нашей страны. Истощённой. Мучительно перестраивающейся. Неспособной не только пугать соседей (а они именно нашей угрозой оправдывают стремление на Запад), но и защититься даже от мелких хищников вроде Дудаева. Не встречать от такой страны препятствий несложно. Но стоит ли это многочисленных проблем, которые создаст себе сама Организация Североатлантического Договора?

Единая военная машина работоспособна, только если части её точно друг к другу пригнаны. НАТО применяет стандартные боеприпасы, даже если они не лучшие (винтовочный патрон 7.62*51 и автоматный 5.56*45 справедливо упрекают за избыточную в своих классах мощность, а пистолетный 9*19 создан Люгером ещё в 1902-м и при всём совершенстве устарел). Согласованы частоты радиопереговоров и способы их кодирования. Унифицирована даже колея танков (чтобы танки одной страны могли идти за минными трапами другой). Сколько времени уйдёт на перестройку армий, ещё недавно строго соблюдавших стандарты Варшавского договора? Сколько нужно денег, известно точнее — до 8 % валового национального продукта вместо нынешнего 1 % составят военные бюджеты этих стран.

Все политические решения в НАТО принимаются единогласно. Скольких седых волос стоит достижение консенсуса — знает любой дипломат. Представители шестнадцати государств спорят иной раз месяцами. Хотя все члены НАТО имеют не только немалые общие интересы, но и единый опыт, а главное — единые структуру и традиции общества. Да и то дают себя знать застарелые конфликты — например, между Грецией и Турцией. Не зря Франция ещё при де Голле вышла из военной организации НАТО — не верит в надёжность и оперативность защитного механизма. Упростится ли достижение согласия, когда Организацию пополнят новые страны: с нестабильными экономиками, с быстро меняющимися настроениями общества, с конфликтами, унаследованными ещё от Австро-Венгерской и Османской империй?

Впрочем, сейчас разве что самым зашоренным НАТОманам неясно: полноправие новых членов НАТО не ожидает. Формула «Партнёрство ради мира» — лучшее, на что они могут надеяться. И в случае любого обострения обстановки страны эти будут использованы

разве что в качестве плацдармов — чтобы возможные удары по войскам НАТО не задели территорию блока. А армии бывшего Варшавского договора окажутся лишь пушечным мясом, заслоняющим основные ударные силы от огня обороняющихся.

Участь, приемлемая для политиков, оплачивающих личный авторитет кровью подданных. Но сами народы наших восточных соседей, избавившись от эйфории разговоров о равноправии с былыми противниками, вряд ли захотят такой ценой поддерживать престиж своих вождей.

Перспектива ясна любому серьёзному политику Запада. Почему же в расширение НАТО на Восток столь охотно играют?

Некоторые осы снабжают потомство живыми консервами. Насекомое подходящего размера живёт, дышит, не гниёт. Лежит в гнезде и покорно ждёт, пока вылупившиеся личинки его съедят. А чтобы добиться такого паралича жертвы, хватает точного укола в нервный центр.

Важнейший нервный центр России — безопасность. Пока она не обеспечена, мы ни о чём больше всерьёз не заботимся. Не удивительно. Слишком часто прокатывалась по нашей земле гроза. Слишком мало домов, где до новых жертв уже успевала остыть память о павших прежде. Слишком многим готовы мы пожертвовать, лишь бы не было войны.

И слишком мало способных устоять перед соблазном, не нажимать на нашу болевую точку. Даже наши собственные вожди с удовольствием водили народ на столь удобном крючке. От Ивана IV до Иосифа I — кто не объявлял несогласных агентами вражьего Запада^[61]? Хотя и знали, что раскалывают народ, ослабляют его перед лицом подлинных врагов. Чего же ожидать от политиков иностранных, которым наши судьбы просто безразличны!

Сейчас нас вновь поймали на испытанную веками удочку. Вновь у наших границ возникает сила, способная обрушить на страну бурю. Вновь мы не можем не думать о близкой опасности.

Тем более что на нас и реально давят. Прибалтийские республики — кандидаты в НАТО, между прочим — требуют демилитаризовать Калининградскую область, а если получится, то и её государственную принадлежность пересмотреть. Турция — член НАТО! — в одностороннем порядке меняет судоходный режим черноморских

проливов, утверждённый конвенцией в Монтрё ещё в 1936-м и гарантированный (по сей день) теми же странами, которые сейчас обещают нам безопасность со стороны НАТО.

Западных политиков, держащих нас на крючке, устраивает любой из привычных нам выходов. Мы можем предлагать им в обмен на нерасширение НАТО различные уступки. Они подождут: рано или поздно найдётся уступка достаточно щедрая. Мы можем лихорадочно и беспланово наращивать военные мускулы. Они не испугаются: военные расходы без конкретной цели вновь разорят нашу страну, уберут у них опасного конкурента.

Конечно, мы могли бы встать на путь жёсткой невоенной конфронтации. Опыт есть.

Мировое общественное мнение всегда было чувствительно к нашим аргументам. НАТО признавали мировым жандармом даже в те времена, когда СССР и сам не отказался бы от этой роли. А после распада СССР блок легко счесть единственной оставшейся общемировой угрозой демократии и правам человека.

И серьёзный противовес НАТО мы в состоянии создать. Немало быстроразвивающихся стран, потерявших надежду пробиться на мировой рынок, пытаются создать рынок собственный. Бразилия, Индия, Египет, Аргентина... При должных усилиях можно их объединить вокруг России и экономически, и политически.

Вот только не слишком ли большие понадобятся усилия?

Из тысячи кроликов не склеишь слона. Отсталые экономики, замкнувшись друг на друга, потеряют стимул к прогрессу. Один раз мы уже отстали от мира из-за своей замкнутости. И уже скоро 40 лет догоняем^[62]. Неужели опять отставать?

Тем более что к такому блоку постараются прибиться все Жириновские мира — Саддам Хусейн, Муаммар Каддафи^[63]... Умеющие только превращать всё достояние своих стран в оружие. Даже если оружие им будем продавать мы — уже известно, как быстро и охотно они платят.

В любой группе, которую мы могли бы сформировать, Россия окажется самой передовой страной. И вынуждена будет брать на себя роль локомотива и донора. Сможем ли мы вновь взвалить на себя роль кормушки полумира?

Что же тогда срочно делать?

Ничего.

Нет, конечно, действовать необходимо. Договариваться с Западом есть о чём. Переустройство и перевооружение армии неизбежны. Но нельзя делать это только в расчёте на угрозу расширения НАТО.

Ведь есть шахматный принцип: угроза сильнее исполнения. Пока над нами дамоклов меч превращения недавних союзников во вражьи плацдармы, мы готовы любой ценой избежать этой угрозы. Но если НАТО попытается её реализовать — она ударит прежде всего по самим хитроумным игрокам.

Наш протест против расширения НАТО должен быть спокоен и твёрд. Никто не попытается всерьёз его оспаривать. С нами могут сделать лишь то, на что мы сами согласимся.

Для силы протеста вовсе не обязательно менять министра иностранных дел. Дадим Западу чёткий сигнал: если даже уступчивый Козырев сопротивляется — значит, с этого рубежа Россия не отступит.

Конечно, уточнять рубеж придётся. Необходимо договариваться с НАТО. Для начала — не с блоком в целом, а с двумя-тремя главенствующими странами. В старые времена это называли разделом сфер влияния. Конечно, наша сфера существенно съёжится по сравнению с былым величием. Но добиться её соответствия нашим реальным возможностям и потребностям вполне возможно.

По мере роста возможностей мы можем мягко, но надёжно выдавливать НАТО — и экономически, и политически — из регионов, в которых наше влияние не забыто. Северная Африка и Юго-Восточная Азия не просто многим нам обязаны — в политике о долгах забывают быстро. Важнее, что инфраструктуры тамошней промышленности рассчитаны на нас и переориентация обошлась бы слишком дорого. Главное — не откладывать возрождение связей на слишком далёкое будущее.

И не стоит бояться, что защита собственных интересов повредит нашим взаимоотношениям со всем миром. Заигравшиеся политики смирятся с опровержением своей комбинации. И продолжат игру — но уже с должным уважением к сопернику. Чтобы не превращать его в противника.

Канцлера Российской империи Горчакова спросили, сердится ли Россия на условия Парижского мира 1856-го года (когда Россия,

проигравшая Крымскую войну, лишилась права держать на Чёрном море флот). Ответ одноклассника Пушкина вошёл в историю:

«Россия не сердится. Россия сосредоточивается».

2006-06-20

Встреча ближе Эльбы^[64]

Россия и НАТО — варианты взаимодействия

Недавний феодосийский конфликт народа и власти Украины^[65] вновь привлёк внимание к давней и всё ещё не разрешённой проблеме: как должна относиться Россия к расширению НАТО на восток и может ли её отрицательная позиция по этому вопросу повлиять на реальный ход событий.

К сожалению, в обозримом будущем политический вес России вряд ли станет достаточен для открытого противостояния. Более того, мы пока не в силах даже открыто поддержать своих естественных союзников — вроде крымчан^[66]. Косвенные же манёвры требуют изобретательности, всё ещё недоступной большей части деятелей, определяющих основы российской внешней политики — не говоря уж об исполнителях её деталей.

Ещё в 1996-м вопрос о включении бывших российских союзников в НАТО впервые перешёл из области теоретических изысканий в практическую плоскость. Тогда же мы приступили к разработке изобретательских приёмов остановки процесса, несомненно весьма нежелательного для России — пока сама она остаётся вне сильнейшего в мире военного блока.

Уже в начале 1997-го нами выработана концепция предоставления странам, чьё вхождение в НАТО нежелательно для России, взаимных — российских и НАТОвских — гарантий постоянного нейтралитета. К концу того же года она сформулирована во всех необходимых подробностях. С тех пор она не менялась принципиально, а только дополнена рассмотрением отдельных аспектов её применения в конкретных экономических и географических условиях. По датам написания прилагаемых документов можно проследить основные этапы уточнения и развития концепции.

Кроме того, концепция постоянно уточняется по мере изменения обстановки в мире в целом и вокруг НАТО в частности. В качестве

одного из примеров уточнения приложена версия основного документа «Пояс политического целомудрия», составленная в 2002-м году^[67]. Обстановка же меняется не в последнюю очередь потому, что Россия даже не пытается ни действовать согласно нашей концепции, ни каким-либо иным — пусть и менее эффективным — способом затормозить процесс. Более того, ни один российский политик не рискнул хотя бы высказать наши предложения публично.

Нельзя гарантировать, что воплощение наших предложений остановило бы НАТО на границе по Одеру и Нейсе. Но шансы на это были достаточно велики, чтобы признать подобную пассивность явно непростительной.

Более того, если бы предлагаемой стратегии сразу был дан ход, все взаимоотношения с Западом развивались бы качественно иначе. Давление на Россию все эти годы было бы куда меньше. Ведь известно, что давление такого рода возрастает в отсутствие сопротивления.

Теперь же Организация Северо-атлантического Договора подошла к России вплотную. Калининградская область с главной базой Балтийского флота уже непосредственно окружена силами, которые ещё недавно принято было именовать не иначе как «потенциальный противник».

Да и на границах основной — не анклавной — территории России вполне возможно появление новых вооружённых сил.

Правда, просьба Грузии о вступлении в НАТО — жест явно символический, рассчитанный в основном на внутреннее употребление. Но Украина уже с конца 2004-го — после очередных выборов президента^[68] — движется на запад (что мы прогнозировали ещё в 2002-м). Если обе эти республики действительно будут активно сотрудничать с НАТО (не говоря уж об их полном вхождении в блок), Россия окажется практически отрезана и от большей части Чёрного моря, и от нашего последнего союзника в Закавказье — Армении, и от потенциального партнёра — Ирана.

Да и Белоруссия может стать зоной соперничества между Россией и НАТО, не только если с нынешним главой республики что-то стрясётся. Александр Григорьевич способен самостоятельно разыграть НАТОвскую карту, пытаясь удержать равновесие между стремлением

своего народа к единству с Россией и собственным желанием самостоятельности.

Конечно, НАТО в своём нынешнем виде и при нынешней политической обстановке в мире не может рассматриваться как прямая и явная военная угроза России. Но лидеры организации сейчас видят в ней инструмент унификации стран Восточной Европы по западным нормам. Да и сами руководители этих стран не скрывают, что рассматривают членство там именно как способ устранения избыточного своеобразия.

Исходя из этого, можно признать: НАТО — готовая структура утилизации России. Правда, само понятие утилизации достаточно многозначно, чтобы Россия могла вести вокруг него и собственную игру. Но в западном сознании Россия — нечто, подлежащее утилизации в том же смысле, в каком применяется это понятие, например, к ядерным отходам.

Впрочем, если продолжить эту аналогию, то нынешняя Россия — скорее плутоний, накапливающийся в составе таких отходов. А его можно пустить в оружие, а можно — в самые эффективные и экономичные реакторы.

Увы, наши нынешние оппоненты слишком недалёковидны, чтобы оценить потенциал России — не говоря уж о том, чтобы его использовать. И вследствие собственного неумения обращаться к нашим возможностям готовы действовать по принципу «Не мне — так не доставайся же ты никому».

Эффективность самой НАТО сейчас весьма сомнительна. Более того, нынешнее расширение резко ослабляет организацию. Достаточно вспомнить анекдотический военный потенциал Румынии. Поэтому похоже, что сейчас расширение НАТО — прежде всего способ навязывания Соединёнными Штатами экономического балласта Западной Европе. Не забудем: экономическое соперничество с Европейским Союзом во многих отношениях опаснее для США, чем былое политическое противостояние с СССР.

Дотации вступающим в НАТО странам пойдут в основном из кармана европейских соседей. Конечно, не столько напрямую, сколько через косвенные механизмы. Например, территориальная интеграция в рамках НАТО должна быть даже теснее, чем была в своё время в Организации Варшавского договора. Перевооружаются же новые

члены НАТО прежде всего продукцией заокеанского ВПК: её навязывают как военно-рекламными акциями вроде недавнего применения высокоточного оружия в Ираке, Югославии, Афганистане, так и прямым политическим давлением. Так экономика США присасывается к европейским источникам. Подпитка из них может оказаться дополнительной опорой для вывода США из нынешнего кризиса.

Единое аэрокосмическое пространство НАТО необходимо прежде всего для беспилотных самолётов и летающих дальних радиолокационных разведчиков. Ими сильны сейчас именно США. Кто гарантирует, что вся эта крылатая разведка вечно пребудет нацеленной на потенциального военного противника, а не на реального экономического соперника^[69]?

В собственно военном плане НАТО сейчас почти ничего не даёт самим США. Раньше организация имела смысл хотя бы как система постоянных баз. Но опыт афганского похода доказал: в нынешней политической обстановке США получают базы в любом желаемом месте и числе. Правда, не навсегда: из Узбекистана американцев уже попросили убраться. Но ведь они сами объявили: эта база нужна им ненадолго. А если бы вовремя настояли на большем сроке — Узбекистан не имел бы удобного повода возразить.

Итак, НАТО уже бесспорный реликт прошлой эпохи. США чем дальше, тем откровеннее будут использовать организацию как инструмент против своих нынешних номинальных союзников — и по совместительству реальных соперников. Те входят в саму же НАТО и уже поэтому лишены возможности активно ей противодействовать. Всё это увеличивает шансы на то, что страны Западной Европы проявят интерес к предлагаемой концепции. Тем более что она базируется на уже существующем прецеденте. А прецедентное право пользуется немалым уважением и в США, и в Европе.

Ограничение продвижения важно не в нынешней обстановке. НАТО может заняться Россией при обстоятельствах, мрачных и без её участия.

Россия пребывает сейчас в вилке между двумя стремительно развивающимися экономическими и политическими центрами. НАТО — при всём нынешнем замедлении её развития — накопила потенциал, достаточный для множества мощных крупномасштабных

действий. А по другую сторону России — Китай с огромными и весьма радужными перспективами, заинтересованный в наших природных ресурсах, пожалуй, больше, чем в ресурсах интеллектуальных, да и склонный к демографической экспансии.

Между тем экономические возможности России заметно скромнее, чем у любого из этих двух соседей (по сути, нашу экономику сейчас держит на плаву в основном баснословно выгодная конъюнктура нефтегазового рынка — но в долгосрочной перспективе он неустойчив). Демографический прогноз и подавно крайне неблагоприятен (что особо подчёркивалось в нескольких посланиях президента федеральному собранию). Если Россия не выдержит предстоящих в ближайшие годы испытаний, если положение в стране заметно ухудшится, НАТО может войти к нам в качестве не военной, а полицейской силы — под лозунгом наведения порядка в разваливающейся ядерной державе.

Конечно, Россия может в каких-то грядущих манёврах использовать как опору даже силы НАТО. Но они должны стать именно инструментом нашей собственной политической активности (в том числе и орудием противодействия китайскому давлению), а не самостоятельным игроком на российских географических просторах. А для этого их надо пока держать в стороне от нас. Предлагаемая концепция — теоретически не единственный возможный приём такого удержания. Но практически — самый перспективный.

Правда, вожди нынешних кандидатов в НАТО явно не заинтересованы в компромиссах вроде нейтралитета. Они пришли к власти откровенно преступными путями: Саакашвили — открытым государственным переворотом, Ющенко — безудержной (и уже надёжно доказанной) фальсификацией выборов^[70]. НАТО для них — внешняя опора, способная заменить внутреннюю легитимность. Марионеточный статус они предпочитают неизбежному суду.

С другой стороны, основная масса граждан Грузии — не говоря уж об Украине — не заинтересована в НАТОвстве. Не только из-за расходов, необходимых для перевооружения и радикальной реорганизации вооружённых сил. Куда важнее — осознание неизбежной утраты возможностей влияния рядовых граждан не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику. Ведь лидеры этих стран

не скрывают, что считают НАТО гарантом стабильности — то есть сохранения их собственной политической линии.

Столь очевидное противоречие интересов власти и подвластных случается в современных развитых странах не часто. Но его можно обыграть многими способами, проверенными в разных местах и эпохах. Особенно если наша пропаганда вспомнит искусство коммунистических агитаторов, да ещё и дополнит его изысканным арсеналом современных рекламщиков.

Пока смешно надеяться, что наши глобальные конкуренты в одночасье сдадутся и позволят народам Украины и Грузии вернуться к своему естественному союзнику (а народу Украины, где 2/3 — русские по языку^[71] — и просто воссоединиться с остальными русскими, от которых его отторгли прежде всего коммунисты в 1920-е годы). Но нейтралитет этих республик может стать компромиссом, на какое-то время приемлемым для всех сторон. Прежде всего — для смягчения местных внутренних конфликтов.

Причём — в отличие от вхождения в НАТО — нейтралитет не создаст никаких необратимых последствий. Поэтому мы сможем спокойно дожидаться, пока дальнейшая эволюция мировой экономики (и неразрывно связанной с нею глобальной политики) создаст нам удобные условия для дальнейших шагов по возрождению нашего влияния во всех аспектах и ракурсах.

Стратегема 1. Энергогидроединство

На эту тему мы писали не раз. Как и положено политическим консультантам, много лет пытались предложить идею политикам, достаточно влиятельным, чтобы на любое их предложение обращали внимание. Увы, никто из тех, кому мы направляли свои разработки, не воспользовался ими. Кто-то мог счесть свою целевую аудиторию недостаточно продвинутой для оценки наших доводов; кто-то, возможно, побоялся связать своё имя с направлениями техники, не раз скомпрометированными в рамках разных политических кампаний... В конце концов пару лет назад мы решили опубликовать проект для всеобщего сведения. В эту книгу включили самый проработанный вариант проекта. Он интересен прежде всего синергетическим эффектом: несколько технических предложений, обладающих

собственными ограничениями, взаимоподдерживаются, и каждое устраняет многие сложности осуществления других. Естественно, какие-то технические тонкости, интересные только специалистам, сюда не вошли — но специалисты и сами разберутся в наших предложениях.

Технополитическая стратегия

Когда пару лет назад^[72] на очередном саммите президент Казахстана поинтересовался возможностью закупки воды сибирских рек, Дмитрий Анатольевич Медведев ответил в духе рекомендации Первого консула Французской республики Наполеона Карловича Бонапарта автору статьи о правах и обязанностях Первого консула в конституции 1800-го года: «Пишите кратко и неясно». И не только потому, что идею эту много лет продвигал человек, скоропостижно лишившийся медведевского доверия^[73]. Но ещё и потому, что технические перспективы такой торговли действительно не вполне ясны. И в обстановке новой угрозы экономического кризиса многим боязно ввязываться в дело, не гарантирующее сиюсекундной трёхсотпроцентной отдачи. Особенно когда синица в руках — нефтегазовые промыслы и трубы, созданные десятилетиями усилий советских времён — регулярно несёт золотые яйца в стиле Фаберже.

Ядерная энергоизбыточность

Между тем высокоразвитые страны все меньше зависят от нашего экспорта.

В частности, 3/4 энергопотребностей Франции покрывают ядерные электростанции; на долю же газа — основного экспортного товара нескольких стран СНГ — приходится всего 1/6–1/4 энергобаланса. Правда, газ технически удобен: так, теплоснабжение жилья проще организовать газовыми котельными, чем охлаждающими водами реакторов или даже электричеством с АЭС. Но для нас существенно: Франция мало зависит от наших поставок и потому не может быть прочно привязана к нашей политике простейшим — сырьевым — путём.

Сходное положение может в скором будущем сложиться и у нашего главного европейского партнёра. Германские левые, как и прежде, призывают к полному отказу от неё. Христианские же

демократы склонны забыть былую истерию, поднятую под зелёным знаменем экологизма, окончательно вылечить страну от остатков чернобыльского синдрома и возобновить развитие самого безопасного — вопреки многочисленным предрассудкам — вида энергетики.

Напомним: взрыв мощнейшего реактора в Чернобыле выбросил в атмосферу куда меньше радиоактивности, чем вылетает её за год из труб угольных тепловых электростанций (уголь чаще всего залегаёт вместе с гранитом, так что зола содержит ощутимую примесь распадающихся элементов). Но точный расчёт опасности не всякому под силу, а эффектные картинки видел каждый.

Германия уже обсуждает путь решения своих внутренних противоречий полной заменой реакторного парка системами нового поколения, не несущими психологического груза прежних страхов. Заодно возникнет немало новых рабочих мест в реакторостроительной промышленности (что весьма важно в годы кризиса, когда без работы оказывается изрядная часть кадров высшей квалификации). А главное — благодаря накопленному опыту новые установки можно сделать существенно мощнее прежних поколений, так что после полного перевооружения отрасли её суммарная производительность резко возрастет.

Правда, немалая доля ожидаемого избытка уйдёт на компенсацию мощностей, выбывающих (под давлением брюссельской бюрократии, сделавшей чернобыльский синдром инструментом ограничения новых конкурентов) в постсоветских членах ЕС. Игналинская станция в Литве убита. Болгарский Козлодуй и венгерский Пакш — в состоянии неопределённости. Газовые войны Украины с остальной Россией вынудили восток ЕС вновь заговорить об АЭС, но с возобновлением транзита газа по Украине и нормализацией отношений с Польшей вопрос пока заглох. ВнутриЕСовские же дразги позволяют Германии заработать (а заодно — привязать «новых европейцев» к германской политике)^[74].

Нам нужна энергия

В то же время ЕС ограничивает энергетические возможности и за своими пределами. Так, Чернобыльская АЭС на Украине будет окончательно ликвидирована, как только местные руководители

исчерпают способы разворовывания денег, выделенных европейцами на этот акт технического вандализма.

Проблемы российской энергетики — иного рода. В самом скором будущем её развитие может упереться в лимиты, установленные конвенцией о парниковых газах. Сама теория парникового эффекта физически ложна (и лжива) — но политики уже сделали из неё далеко идущие выводы. В частности, для нашей страны предел установлен по состоянию на 1990-й год, когда промышленность ещё работала эффективно. Но после восстановления предперестроечного объёма производства (что ожидается в ближайшие годы, сразу по окончании худшей фазы кризиса) нам придётся — по меньшей мере до окончания срока действия международных соглашений на эту тему — либо остановить промышленный рост вследствие нехватки энергии, либо развивать ядерную энергетику.

Все страхи мира

Между тем население всего постсоветского пространства далеко не свободно от чернобыльского синдрома. Более того, у нас он выражен куда ярче, чем у многих наших соседей. Например, Финляндия сейчас строит крупнейшую в мире АЭС — в дополнение к имеющимся — именно потому, что с незапамятных времён ценит экологическую чистоту и прекрасно понимает: обеспечить её могут только современнейшие технологии. Сможет ли наш народ в обозримом будущем отнестись к АЭС столь же разумно?

Впрочем, даже если мы сами изживём чернобыльский синдром — его ещё долго будут использовать против нас бесчисленные конкуренты. Уже сейчас идёт мощная агитационная кампания, заверяющая в полной безопасности западных ядерных технологий и разрушительности советских и постсоветских (что опровергается хотя бы сопоставлением российских и американских ТВЭЛов). По мере укрепления нашей конкурентоспособности нагнетание страхов будет неизбежно усиливаться, дабы лишить нас энергетической опоры.

В то же время конкурирующие с нашей промышленностью страны избавятся от чернобыльских страхов существенно раньше. Ведь технологии управления массовой психологией отработаны на Западе куда лучше, чем у нас. Следовательно, в скором будущем там ядерная энергетика будет развиваться без особых помех.

Соответственно сократится зависимость от ископаемых топлив — в том числе от казахских, российских, туркменских поставок.

Следовательно, мы должны заблаговременно изыскать иные способы привязки Запада к нашим возможностям и нашей деятельности.

Смотреть шире

По меньшей мере одна попытка такой привязки — российская инициатива по созданию международного предприятия для обогащения урана и переработки отработанного ядерного топлива — несколько лет назад встречена мировым сообществом довольно скептически. Многие критики сочли её просто эффектным трюком, спасающим от гнева международного сообщества ядерные программы государств, сомнительных с западной точки зрения (и прежде всего Ирана, серьёзно подозреваемого в оружейных амбициях). Сами же эти государства, похоже, полагают российское предложение изощёренным приёмом удержания их вдали от закрытого клуба великих ядерных держав.

Между тем главный недостаток инициативы — её относительная узость. Она коснулась лишь двух звеньев ядерного цикла. Главная же его часть — собственно выработка избыточной и поэтому дешёвой энергии — осталась за кадром и не попала в рассмотрение ни политиков, ни аналитиков. Хотя на этом этапе риск куда больше и разнообразнее.

Для государств, мягко говоря, не слишком развитых технически, ядерный реактор на собственной территории, под собственным управлением — прежде всего предмет гордости. Пусть он создан целиком из зарубежных блоков, да и монтировали его иностранные специалисты — но надо по крайней мере доказать всему миру: граждане этой страны не хуже всех прочих управляют даже с самой сложной техникой. Того и гляди, последуют инвестиции в расчёте на наличие высококвалифицированных кадров. АЭС — хорошая реклама.

Но есть и другие страны. Пресыщенные новыми технологиями. А порою изрядно опасющиеся возможных (и, как многие утверждают, неизбежных) побочных эффектов. Пусть даже опасения безмерно преувеличены.

Выходит, чтобы проект заинтересовал действительно весь мир (или хотя бы всю Евразию), он должен касаться не только начальных и конечных этапов работы. Куда важнее возможность вынести из других стран саму генерацию.

Пустынные просторы

Строго говоря, обеспечить безопасность АЭС можно практически в любом месте. Например, академик Андрей Дмитриевич Сахаров в своё время предлагал глубинные энергокомплексы. Если погрузить реактор на 4 км под землю, давление водяного столба исключит возможность вскипания содержимого реактора — значит, тепловые взрывы вроде чернобыльского станут заведомо невозможны. Вдобавок с такой глубины даже ядерный взрыв всего содержимого реактора дойдёт до поверхности лишь легчайшей рябью.

Но подобные технические изыски вряд ли доступны уму — а главное, сердцу — рядового обывателя. Следовательно, придётся прибегать к более примитивным, зато наглядным и общепонятным, приёмам. Простейший из них исчерпывается древней поговоркой: «С глаз долой — из сердца вон».

В наших пустынных просторах более чем достаточно территорий, исключаящих в обозримом будущем какие бы то ни было иные формы хозяйственного освоения, кроме ядерной энергетики. Да и окрестного пространства хватит для выпадения сколь угодно мощных радиоактивных осадков: пусть современные ядерные технологии практически безопасны — необходимо доказать общественному мнению, что исключена даже теоретическая угроза.

Отдаление от населённых пунктов исключает и опасность, в современном мире более чем реальную. Ядерные реакторы, сочетающие высокую интенсивность рабочих процессов со столь же высокой концентрацией опасных веществ — лакомая мишень для террористов. Да и в случае боевых действий (увы, ни в каком мире не исключённых) доехать или долететь до реакторного поля будет труднее — это заметно уменьшает вероятность удара.

Впрочем, полагаться только на дистанцию недопустимо. Необходима оборона станций от любых внешних угроз — хоть террористов, хоть ракет, хоть падающих авиалайнеров. Но если станции сгруппированы на одном сравнительно компактном участке —

затраты на оборону в расчёте на одну станцию существенно падают по сравнению с ныне принятым разбросанным их размещением. Следовательно, рентабельность всего комплекса существенно растёт. Более того, сокращение удельных расходов позволяет употреблять сверхсложные методы защиты — вплоть до сплошных барьеров из электронных датчиков и специальных спутников наблюдения на геостационарной орбите.

В качестве одного из примеров эффективности такого энергокомплекса отметим: там можно без опасений пользоваться реакторами на быстрых нейтронах, преобразующими инертные в ядерном отношении материалы — вроде урана-238 — в делящиеся. В природном уране доля естественного реакторного сырья — урана-235 — всего 1/140. А ведь преобразованию поддаётся ещё и торий: его в природе никак не меньше, чем урана. Тем самым общий запас ядерных энергоносителей можно увеличить в сотни раз. Тогда возрастёт и рентабельность добычи урана. Ведь чтобы окупилась разработка уже разведанных австралийских и африканских месторождений, рыночная цена должна — по недавней оценке «Казатомпрома» — составлять примерно \$200 за килограмм вместо обычных ныне \$100^[75]. Размножение устранил дефицит урана, неизбежный при нынешних технологиях, и в то же время позволит извлекать из него куда больше денег — значит, соответственно больше платить добытчикам.

Условия местности

Но столь масштабные проекты предъявляют к месту своего осуществления весьма жёсткие и специфические требования.

Местность нужна изолированная. В идеале — с единственной транспортной магистралью для строительных и эксплуатационных нужд. Все прочие подступы должны легко просматриваться и быть практически непроходимы для людей и техники, доступной частным лицам.

Требуется достаточное расстояние до густонаселённых и/или экологически уязвимых регионов, чтобы снять всякие опасения даже на случай полного одновременного разрушения нескольких реакторов.

Геологическое устройство должно допускать заглубление реакторов по меньшей мере на несколько сот метров без чрезмерных

строительных расходов, дабы предотвратить не только вынос содержимого разрушенных реакторов, но и удар по ним с воздуха. Ещё лучше, чтобы была возможность заглубить реакторы с водяным теплоносителем на 4 км: как отмечено выше, это исключает саму возможность вскипания содержимого активной зоны.

Паротурбинная — основная сейчас — технология преобразования ядерной энергии в электрическую требует интенсивного охлаждения. Оптимальный вариант — водяной — обращает наш взор к ядерному полигону на Новой Земле.

Кроме того, нынешнее глобальное потепление кончится лет через тридцать — согласно известной периодичности не только солнечной активности, но и особенностей геометрии земной орбиты, определяющих нюансы поглощения Землей солнечного излучения. Поэтому сверхмощный источник тепла в Ледовитом океане может показаться полезным для грядущего поддержания проходимости нескольких сложных участков Северного морского пути.

Увы, добираться до Новой Земли тяжело не одним злоумышленникам, а расстояние транспортировки энергии основным потребителям не меньше, чем из центральноазиатских степей, причём прокладывать электромагистрали куда сложнее. И дело не только в транспорте. С техническими сложностями можно было бы управиться. Но куда девать неизбежные экологические истерики скандинавских стран? Особенно Норвегии: основной доход она сейчас получает от экспорта электроэнергии своих ГЭС и природного газа со своего шельфа, так что конкурентов не желает. Достаточно вспомнить вытеснение России со Шпицбергена под напором целенаправленно ужесточаемых экологических фантазий, чтобы понять: спокойно эксплуатировать новоземельский энергокомплекс нам в обозримом будущем не дадут.

С другой стороны, существуют и узлы охлаждения с замкнутым контуром. Правда, их температура несколько выше — соответственно КПД установки ниже. Но разница не так велика, чтобы радикально влиять на рентабельность проекта в целом. А размещать их можно хоть в пустыне.

Вдобавок существуют и перспективные конструкции реакторов, вовсе не нуждающиеся в паросиловом цикле. Например, реактор на быстрых нейтронах с газообразной активной зоной может выдавать

раскалённый газ в магнитогидродинамический генератор. Верхняя температура такого цикла столь велика, что рост нижней температуры даже на пару сот градусов мало скажется на КПД. Хотя, конечно, для большей рентабельности желательно всё же использовать выходящий из МГД газ для нагрева паросиловой установки. Газофазные реакторы пока не вышли из экспериментальной стадии — но где, как не на нашем идеальном ядерном полигоне, завершить эксперименты!

Старый полигон

В западносибирских степях России, соответствующих большинству приведенных требований, инфраструктура для серьёзных экспериментов — да и для большого комплекса станций — практически отсутствует. Зато она всё ещё не вполне разрушена по соседству — на ядерном полигоне в Семипалатинске.

Геологическая структура полигона надёжно закупоривает продукты даже мощнейших ядерных взрывов. Это значит: можно внести под землю сколь угодно сложные технические устройства, не опасаясь обвалов и прочих техногенных катастроф. Более того, взрыв одного подземного реактора никак не отразится на работе соседних.

Отработанные — в том числе и оставшиеся от былых взрывов — скважины можно использовать для вечного захоронения долгоживущих активных отходов переработки отработанного ядерного топлива. С полигона же будут вывозиться лишь полезные продукты переработки.

Полигон изначально расположен в экологически безопасном отдалении от большинства значимых местностей. Обезопасить его от террористов несложно: пустынные подходы к нему легко контролируются и на протяжении большей части года трудно проходимы, да и воздушные трассы проходят мимо.

Иные способы использования полигона не предложены до сих пор. И вряд ли будут предложены: местностей, где случались ядерные взрывы, будут бояться ещё долго.

Экономическая сторона проекта может урегулироваться на взаимоприемлемой основе. Энергетический рынок — в отличие от рынка космических запусков — столь остро конкурентен, что произвольное назначение цен на нём невозможно. Поэтому возможно согласование интересов точным расчётом.

Размах необходимой работы столь велик, что требует взаимной уверенности в стабильно хороших межгосударственных отношениях. Казахстан и Россия уже достаточно долго демонстрируют именно такую стабильность, так что начинать работу можно без особого риска. Начавшись же, она сама будет способствовать поддержанию политического и экономического единства.

За морем телушка — полушка

К сожалению, рентабельность зависит не только от масштабов производства. Как видно хотя бы из опыта уже двух газовых войн Украины с остальной Россией, транспортные расходы способны повлиять на экономические показатели проекта ничуть не меньше, чем собственно производственные.

В частности, линии электропередачи к потенциальным потребителям в Западной Европе не только потребуют капиталовложений, сопоставимых с расходами на магистральные газопроводы. Они ещё и преобразуют заметную долю перекачиваемой по ним энергии в тривиальное и никому не нужное тепло. Борьба с законом Ома отнимает заметно больше сил, нежели, к примеру, перекачка газа — хотя и на обслуживание насосных станций на магистральных газопроводах также тратится немалая мощность.

Выход из положения теоретически общеизвестен. Сверхпроводящий кабель вовсе не создаёт сопротивления и не поглощает энергию. Правда, материалы для его изготовления недёшевы — но по сравнению с десятками или даже сотнями ядерных реакторов тысячи километров кабеля почти незаметны.

Увы, сверхпроводимость оплачивается не только ценой кабеля. Куда важнее, что наблюдается она только при сверхнизких температурах. Расходы на охлаждение кабеля нынче — при всём совершенстве современной теплоизоляции — многократно превосходят затраты на прокачку газового потока, сопоставимого по содержащейся в нем мощности.

Впрочем, рецептуры сверхпроводников совершенствуются. Ещё недавно эффект наблюдался только при охлаждении жидким гелием — до 4.2 Кельвина. Открытые около двадцати лет назад керамические материалы сверхпроводимы при температуре жидкого водорода — 21 К. Есть уже и вещества, работоспособные при температуре жидкого

азота (80 К) и даже углекислоты (200 К) — но пока слишком хрупкие для надёжного кабеля. Когда проблема решится, сверхпроводящий кабель станет рентабельнее не только газопровода, но и любого другого ныне существующего способа энерготранспорта — ведь каждый лишний десяток градусов увеличивает энергозатраты на охлаждение раза в два.

Правда, каждый шаг по температурной шкале требует изрядных исследований не только новых рецептур, но и новых классов материалов. Как отмечено выше, первый же крупный скачок прогресса потребовал перехода от сплава к керамике. Что потребуется для следующего прорыва — пока неясно.

Так что любой эксперимент в этой сфере должен сопровождаться крупномасштабными теоретическими исследованиями. По счастью, как раз в нашей стране достижения теоретиков на данном направлении громадны. Достаточно напомнить: теорию сверхпроводимости создавали — после первых концептуальных успехов Бардина, Купера и Шриффера — именно отечественные физики Гинзбург, Ландау, Абрикосов и Горьков. Не зря Гинзбург и Абрикосов удостоены Нобелевской премии (Ландау награждён за более ранние достижения). Научная школа исследований по квантовой физике в целом и теории сверхпроводимости в частности у нас всё ещё высоко развита. И можно надеяться: целенаправленная поддержка этой школы способна в обозримом будущем дать принципиально новые результаты с неисчерпаемым выходом в практику.

По академическим меркам затраты на такую поддержку должны быть грандиозны. Но на фоне общего бюджета столь же грандиозного ядерного комплекса они окажутся почти неощутимы.

Вдобавок следует учесть: научная теория никогда не бывает узконаправленной. Наряду с ожидаемыми результатами она всегда приносит и что-то непредвиденное. Причём польза от непредвиденных достижений зачастую многократно превосходит планируемый эффект.

В данном случае главным достижением окажется сам факт развития наук и интеллектуальных технологий. Современное общество прогрессирует тем быстрее и заметнее, чем больше в нём доля интеллекта, создающего новое, и меньше — доля использования уже существующих находок.

Экибастуз

Среди таковых, в частности, технология, опробованная ещё в начале 1980-х годов на Экибастузе. Тамошняя ГРЭС-2 — по сей день одна из крупнейших в Республике Казахстан электростанций. Её уникальная труба высотой 420 метров в своё время вошла в Книгу рекордов Гиннеса.

Пуск первого блока ГРЭС-2 состоялся в декабре 1990-го года, а 22-го декабря 1993-го года запущен второй энергоблок (в его пуске принимал участие президент Нурсултан Абишевич Назарбаев). Одновременно со станцией возведен поселок энергетиков (его назвали Солнечным).

ЭГРЭС-2 вырабатывает электроэнергию из высокозольного экибастузского угля двумя энергоблоками по 500 МВт. Энергия ГРЭС-2 предназначена сейчас для обеспечения севера Казахстана и покрывает 15 % энергопотребления республики. Потребители — десятки предприятий не только Казахстана, но и России. Среди них, в частности, космодром «Байконур», канал Иртыш — Караганда.

Отсюда же идёт самая длинная на планете ЛЭП постоянного тока. Это сверхмощная линия электропередачи напряжением 1500 КВТ Экибастуз — Центр протяженностью 2414 километров. Первая опора ЛЭП установлена в декабре 1980-го года. С тех пор 4000 опор (высота опоры 41 метр) шагают на запад республики, через реки Иртыш, Ишим, Тобол, Урал, Волгу, до Тамбова, связывая Казахстан с Россией. Если не удастся воспользоваться достоинствами сверхпроводимости, можно аналогичным образом транслировать энергию в Европу через Русскую равнину, Днепр, Двину, Неман, Вислу и Одер.

Научная непроработанность технологии сверхпроводящей электропередачи — очевидный минус. Но изобретательское искусство в немалой степени базируется на превращении минусов в плюсы. Финансирование наук, интеллектуальных технологий, просвещения всегда оборачивается столькими плюсами, что на фоне неизбежных бесчисленных побочных выгод ядерного проекта померкнет даже решение задачи высокотемпературной сверхпроводимости.

Особенно если учесть, что финансировать наш прогресс будут извне.

Евроденьги для энергозоны

Общий размах капиталовложений в предлагаемый проект многократно превосходит собственные возможности российского бюджета. Причём не только нынешнего — грозящего зачахнуть в случае перебоев потока нефтедолларов. Даже во времена расцвета общесоюзной экономики, когда мы по технологиям и производительности труда не слишком болезненно отставали от западного рынка, работа подобного масштаба вполне заслужила бы титул «проект века» и отняла десятилетия.

По счастью, нам вовсе не обязательно исполнять её в чуждейском духе — с опорой исключительно на собственные силы. Наоборот, Россия — вовсе не самая заинтересованная в проекте часть света. Дешёвая энергия нужна в первую очередь самым промышленно развитым странам — западноевропейским. У них же хватает и денег на столь объёмное строительство. Они и заплатят.

Конкретные формы оплаты могут быть весьма разнообразны. Оптимальную комбинацию акционирования, кредитования, прямых субсидий — например, в рамках печально известных экологических проектов — вряд ли следует расписывать заранее. Главное — не запутаться во взаимоотношениях с европейскими — пока куда более опытными, чем мы — финансистами.

Развитие энергозоны изрядно привяжет Европейский Союз к Казахстану, России, а возможно, и другим странам, размещающим у себя компоненты зоны. Между тем многие на Западе уже сейчас — пока мы поставляем только нефть и газ — изрядно опасаются энергетической зависимости. Особо сильные страхи порождены двумя украинскими газовыми войнами. Формальная правота России в данном случае важна для правительств, но не для обывателей и уж тем более не для антироссийски настроенной части политической верхушки. Идея диверсификации энергоснабжения — здравая политически, но не всегда бесспорно выгодная экономически — в очередной раз вошла в моду^[76]. Собственно, отсюда и возник в массовом сознании мощный импульс к возрождению — вопреки фобиям, умело выращенным нефтедолларовой пропагандой — ядерной энергетики, совсем было заклеванной зелёными ястребами.

Политические опасения неизбежны, если весь контроль над энергозоной окажется в руках Казахстана и России. Но финансовое участие ЕС как раз и означает: некоторая доля управленческих

полномочий окажется в его руках. Поэтому не нужно стремиться к полному владению реакторным и турбинным хозяйством. Более того, Россия может отказаться от контрольного пакета. Мы своё в любом случае намерстаем: вышперечисленные побочные эффекты — далеко не единственные и, возможно, даже далеко не главные выгоды проекта.

Отечественный потребитель

Вспомним хотя бы энергодефицит в европейской части России. Заметная часть здешних электростанций построена так давно, что уже выработала весь ресурс. Поддержание их существования требует запредельного энтузиазма персонала и капиталовложений, сопоставимых с новым строительством.

Да и экологические соображения не следует забывать полностью. Даже без преувеличений, привычных для нынешней Европы, следует признать: антропогенная нагрузка на Центральную Россию великовата и расширение сети электростанций в регионах наибольшего потребления энергии затруднительно.

Кроме того, аппаратную часть проекта осуществит российская промышленность. Наши научные и технологические заделы в отрасли колоссальны и не уступают никакой другой стране ни по объёму возможного производства, ни по его совершенству. Нынешний застой в ядерной энергетике грозит обесцениванием и даже утратой многих ключевых достижений: например, уникальный волгодонский реакторный завод ныне выпускает в основном колокола и прочий ширпотреб, не использующий и сотой доли технических возможностей предприятия. Создание энергозоны востребует все ресурсы отечественной ядерной промышленности, возродит сотни тысяч рабочих мест — да и новые создаст.

Наконец, следует учесть и ценовые факторы. Ядерная энергетика — в долгосрочной перспективе, при развитии полного цикла преобразования малоактивных изотопов в расщепляющиеся — даёт наиболее дешёвое электричество. К сожалению, для преобразования требуется довольно жёсткий режим работы реактора, пока ещё создающий изрядные опасения за его безопасность. Соответственно в густонаселённых районах такие реакторы строят очень неохотно. Энергозона предоставляет неограниченные возможности

строительства реакторов на быстрых нейтронах. Значит, цена электроэнергии оттуда в скором будущем станет куда ниже, чем из других доступных источников. Западная Европа может пренебречь этим — в её продукции доля расходов на энергию и сейчас достаточно мала. Наша же — куда более энергоёмкая — промышленность буквально воскреснет, сбрызнутая дешёвой энергией, как живой водой.

Почти век назад государственная программа электрификации России — ГОЭЛРО — сформировала новое качество отечественной промышленности, создала предпосылки развития множества ранее невиданных (не только в нашей стране, но порою и во всем мире) производств (в том числе и жизненно важных оборонных, через два десятилетия после её разработки обеспечивших неоспоримое преимущество над мощнейшей военной машиной Запада). Трудно переоценить перспективы, открывающиеся перед российской — да и всей постсоветской — экономикой при обеспечении доступа к практически неограниченному и высокорентабельному источнику экологически чистой электроэнергии. Новая ГОЭЛРО даст несомненно куда больший эффект, нежели предыдущая.

Не Европой единой

Впрочем, крупные потребители электричества есть не только в Европе — что Западной, что российской.

Уже много лет Китай входит в число наиболее быстро развивающихся экономик мира. Не удивительно, что его энергопотребление — и промышленное, и бытовое — растёт как на дрожжах. И в стране давно ощущается изрядный — хотя пока и далеко не катастрофический — дефицит электричества.

«Самая густонаселённая демократия мира» — Индия — ненамного отстаёт от Китая и по темпам производства, и по динамике уровня жизни. Правда, там энергии требуется несколько меньше — всё-таки страна куда южнее. Но разница не столь велика, чтобы полностью снять энергодефицит.

Нынешний кризис резко сокращает американский и даже западноевропейский спрос на индийскую и китайскую продукцию. Развитие внутреннего рынка этих стран пока не компенсирует сжатие внешнего. Значит, и энергопотребление в них заметно упадёт. Но

кризис — даже по худшему сценарию — немногим дольше, нежели нужно для развёртывания энергоцентра. К новому подъёму экономики мы должны успеть обеспечить растущие потребности южных соседей, а не вынуждать потенциальных партнёров искать иных поставщиков.

В республиках Средней Азии производство ограничено дефицитом не энергии, а воды. Перекачка её из сибирских рек экологически целесообразна — что бы ни заклинали по этому поводу особо оголтелые зелёные.

Более того, есть немалые основания считать: высыхание Аральского моря вызвано не просто избыточным орошением близлежащих земель. Главное — испарения из самого моря уносятся господствующими ветрами к истокам впадающих в него рек, а влага из орошаемых регионов теми же ветрами вынесена далеко за пределы замкнутого цикла Памир — Арал. Без подкачки сибирской воды восстановить климат всего региона заведомо невозможно. Пересыхание же Арала оборачивается переувлажнением значительной части Сибири. Создавшийся в последние десятилетия климатический перекос можно устранить только возвращением воды из Сибири в Среднюю Азию.

Но расход энергии насосами так велик, что при нынешних тарифах на электричество и ценах местной сельскохозяйственной продукции строительство комплекса каналов, трубопроводов и насосных станций вряд ли окупится. Более того, даже обустройство на южном конце системы ГЭС, использующих накопленную перебрасываемой водой потенциальную энергию, компенсирует далеко не все энергозатраты: даже если считать КПД этих ГЭС идеальным, они не вернут энергию, истраченную на преодоление трения водного потока.

Потечёт из энергозоны дешёвое электричество — потечёт в Среднюю Азию дешёвая вода. Восстановится климатическая норма и всего региона, и — через механизм циклонального переноса — и Китая, и даже Западной Европы.

Последнее следует отметить особо. Традиционно считается: раз в Европе господствуют ветры с океана, то и климат в ней зависит исключительно от состояния Атлантики. Но ведь ветер — как и любой поток — создаётся разностью условий между его источником и приёмником. Катастрофическое осушение центральноазиатского

воздуха не могло не повлиять на движение воздуха, насыщенного морской влагой, через весь континент. И судя по частоте нынешних природных катаклизмов — повлияло пагубным образом. Достаточно учесть: за последние годы только засуха и жара причинили Европейскому Союзу убытки на сотню миллиардов евро, а катастрофические наводнения — и того больше. Восстановление влагосодержания, характерного для Центральной Азии до эпохи массивного разбора Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи на орошение, создаст мощный стабилизатор климата по всей Евразии, где аномальные экстремумы уже превращаются из редчайших исключений в разрушительную норму.

Все страны, обретающие стабилизацию, будут столь заинтересованы в проекте, что скорее всего также захотят участвовать в его финансировании. Нам это выгодно не только в чисто денежном плане, но и с точки зрения контроля. Если акции распределятся между достаточным числом государственных и коммерческих структур Евразии, риск перехвата управления окажется минимален, так что территориальный вклад Казахстана и технологический вклад России обеспечит сохранение комплекса в наших руках. В то же время Запад сможет не опасаться приостановки своего снабжения по политическим причинам — слишком уж разнообразны будут интересы всех владельцев. Можно даже предоставить энергозоне какую-либо ограниченную форму экстерриториальности, тем самым снимая любые политические сомнения любого участника проекта. Причём для ЕС это станет своеобразной формой сублимации имперских амбиций брюссельских чиновников (хотя они сами эти амбиции и отрицают)^[77].

Китайские воды

Интерес к гидротехнической части проекта неизбежно проявит и Китай. Его сельское хозяйство уже несколько веков использует почти все доступные в стране водные ресурсы. Великие китайские реки Хуанхэ и Янцзы разобраны по орошаемым полям в значительно большей степени, нежели великие среднеазиатские реки Аму-Дарья и Сыр-Дарья. Правда, китайская ирригационная система обеспечивает возврат в реки значительной части вод с полей, так что тамошние реки всё же добираются до океана.

В последние десятилетия в китайское водное хозяйство всё активнее вовлекаются верховья Иртыша, ибо прилегающие к ним земли, населённые в основном уйгурами и прочими тюрками, всё плотнее интегрируются в общекитайскую экономическую и политическую систему. Заодно Китай обрёл и дополнительный рычаг давления на Казахстан: чем больше иртышской воды используется в верховьях, тем меньше перетекает через границу. Поэтому Китай политически не заинтересован в появлении у Казахстана независимого источника водоснабжения. Да и все прочие источники экономической независимости казахов сокращают китайские возможности поглощения Центральной Азии.

Но потребность Китая в среднеазиатских ресурсах можно удовлетворить и нормальной торговлей. А вот источников воды, доступных за любые деньги, Китай пока не может изыскать. Поэтому его включение в систему снабжения сибирской водой скорее всего будет сочтено более чем приемлемой компенсацией отключения возможности давления на Казахстан через Иртыш. Более того, Китай может без особого труда для себя оплатить значительную часть всей системы транспортировки воды (и предоставить кредит на весь объём работ)^[78].

Эколожь и экоправда

Несомненно, привлечение внешних источников финансирования вызовет очередной всплеск праведного эколожеского негодования. Мол, раз нам дают деньги на преобразование природы — значит, это преобразование заведомо разрушительно, даже если ни в каком ином месте такой проект неосуществим.

Между тем для природы разрушительно как раз нынешнее положение. Выше уже отмечен механизм ветрового выноса водяного пара из Средней Азии, приводящий к необратимым (без нового притока воды) катастрофическим изменениям местного климата. Но сложности возникают и вдали от пересыхающих рек. Так, на южные районы Сибири то и дело сыплются песок и соль, принесённые ветром из туркменских пустынь. И даже в Западной Европе сказывается тамошний перегрев. Принято считать, что азиатский климат отделён от европейского непроходимым барьером — Уральским хребтом на севере и Каспийским морем на юге. Между тем в барьере остаётся

немалый разрыв, перекрытый разве что сравнительно маловодной рекой Урал. Там и проходят воздушные потоки, достаточные для ощутимых климатических взаимозависимостей.

Крупнейшие реки Европы, включая Дунай, Днепр и Волгу, текут на юг, и в полноводных низовьях масса холодной воды вбирает немалую долю окружающего тепла. Сходная картина — и в Китае, где Хуанхэ и Янцзы текут со сравнительно холодных гор на тёплую равнину. Сибирские же реки текут со сравнительно тёплого юга на холодный север. Маловодные верховья уносят лишь незначительную часть тепла. Поэтому европейский и китайский климат куда умереннее сибирского, где юг остаётся жарким, а север нестерпимо холоден.

Отбор значительных масс воды из низовьев Оби (а в отдалённой перспективе — и других сибирских рек) заметно снизит южносибирскую и среднеазиатскую жару. В то же время он сократит другую острую сегодня климатическую проблему — распреснение Ледовитого океана. Нынешнее очередное глобальное потепление вызвало таяние заметной части северных льдов. Само по себе это нам вроде бы даже выгодно: упрощается навигация по Северному морскому пути, и мы можем предложить его услуги для международных перевозок. Но отдалённые последствия весьма опасны: пресная вода испаряется легче солёной, увлажнение воздуха приводит к потеплению северных регионов России, нарушая устойчивость вечной мерзлоты. Уменьшение сброса пресной воды реками частично компенсирует её избыток, порождённый таянием льдов.

Первые варианты проекта перекачки воды из низовьев Оби в Среднюю Азию предусматривали открытый канал, чья поверхность испаряла бы немногим меньше воды, нежели весь Ледовитый океан. В те годы это казалось разумным, ибо климат был куда холоднее. Теперь открытые каналы несомненно неприемлемы. Но ведь и технические возможности с тех пор заметно возросли. Можно затянуть каналы синтетической плёнкой, можно и вовсе не рыть каналы, а проложить пластмассовые трубы прямо по почве. Современные пластмассы столь эластичны, что даже зимнее промерзание содержимого не разорвёт их.

Ещё в конце 1980-х Горбачёв намеревался создать в Сибири большой нефтехимический комплекс, дабы продавать не сырую нефть, как раз в ту пору резко подешевевшую (что и спровоцировало

перестройку), а готовую продукцию, где основную долю цены составляет не сырьё, а труд. Тогда, к сожалению, политическая неразбериха не позволила довести разумную идею до осуществления^[79]. Теперь же ей может поспособствовать появление поблизости громадного потребителя — строительства пластмассовых водопроводов. Учитывая же отдалённую перспективу динамики водопотребления, можно предсказать довольно стабильный (хотя и не такой высокий, как в первые годы строительства) многолетний спрос на трубы, что гарантирует рентабельность новых предприятий даже при колебаниях конъюнктуры мирового рынка пластмасс.

Прогресс неотвратим

Казалось бы, к чему нам все эти героические усилия? И без того Казахстан, Россия, Туркмения немало получают от продажи энергии. Причём в сыром виде — в потоках нефти и газа — и без экологически малоприятных последствий, связанных с крупномасштабным производством на собственной территории.

Увы, опыт лежечества на нефтедолларовом матрасе у нас уже есть. В конце 1973-го, когда очередная ближневосточная война впервые взметнула нефтяные цены до трудновообразимых высот, идеологическое крыло КПСС решило прекратить экономическую реформу, начатую Косыгиным в 1965-м, и возобновить ортодоксально социалистический формат управления народным хозяйством. Последствия оказались вполне предсказуемы. Когда нефть вновь подешевела, оказалось: мы упустили десять лет развития и отстали от Запада практически во всем. Только военная промышленность прогрессировала — ведь её финансирование не только не сократилось, но даже наращивалось за счёт амортизационных (то есть предназначенных для ремонта и развития) отчислений прочих отраслей. Но оборонные технологии слишком специфичны: использовать их как стимул для нового развития всей экономики не удалось. Перестройка — лихорадочная попытка за пару лет сделать всё, для чего первоначально планировались два десятилетия — провалилась.

Правда, кое-кто полагает: обвал нефтяного рынка в начале 1980-х организован искусственно — как раз ради удара по советской экономике, уже плотно подсевшей на нефтедолларовую иглу. Но это

достаточно маловероятно: уже следующий большой обвал, обернувшийся для нас августовским дефолтом 1998-го, явно не продиктован антисоветскими — точнее, уже антироссийскими — соображениями. Да и нынешняя опаснейшая для нас динамика цен порождена не политическими, а чисто экономическими — то есть заведомо неотвратимыми — факторами. А значит, будет повторяться и впредь: законы развития экономики куда стабильнее политических интриг.

Подорожание любого фактора производства заставляет искать способы обойтись меньшим его количеством или даже вовсе без него, чтобы сократить расходы. Стал дороже вольфрам — во всём мире разработали режущий инструмент из микрокорунда — спечённого порошка окиси алюминия, лежащей буквально под ногами, в любой глине. Подорожала рабочая сила — началось массовое внедрение промышленных роботов. Нефть оказалась в дефиците — весь мир стремительно кинулся внедрять энергосберегающие технологии (и искать новые жидкие горючие: так, переработка рапса и кукурузы в топливо уже пару раз задирала цену продовольствия до уровня, чреватого голодом).

Крупномасштабное преобразование практически всей промышленности требует порядка десяти лет. Война Судного дня случилась в конце 1973-го — но только к началу 1980-х массово распространились экономичные автомобили, эффективная теплоизоляция зданий, аэробусы, где расход энергии на одного пассажира в разы меньше, чем в «Конкорде»... Августовский дефолт — дальнее эхо ирано-иракской войны (1980–1988). Вскоре после него начался новый нефтяной бум — и в обычный экономически обоснованный срок, несмотря на массивированные провокации вроде американского вторжения в Ирак и угрозы вторжения в Иран, цена нефти вновь рухнула с заоблачного уровня. Нынешний рост её цен — следствие чисто спекулятивного спроса, порождённого заметным обесцениванием (и предполагаемым скорым обвалом) главного всемирного резерва — американского доллара. Так что на него рассчитывать нельзя^[80].

Крепёж для единства

Конечно, полностью игнорировать политические факторы не следует. В конце концов, та же Война Судного дня в немалой степени порождена тогдашними — крайне обострёнными — взаимоотношениями Советского Союза с западным миром. Естественно, на таком фоне даже и речи не могло быть о серьёзном экономическом — и прежде всего технологическом — сотрудничестве. И всё наше взаимодействие сводилось к торговле — да и то со множеством политических ограничений, неизбежных в войне, пусть и холодной.

Нынче политических разногласий уже практически нет. Зато чисто экономических споров куда больше. Слишком уж насыщены многие привлекательные для нас рынки, слишком мал для бесчисленных западных производителей рынок внутрироссийский. А ведь ещё Ульянов отмечал (и до сих пор никто его в этом не опроверг): политика — концентрированное выражение экономики. Того и гляди, экономические противоречия обернутся новым витком политического противостояния. В конце концов, Первая Мировая война возникла до социалистической революции (и даже породила её): просто великие державы не смогли бескровно разделить мировой рынок.

Сегодня война Германии против Франции с Великобританией практически немислима: слишком много у них общих взаимовыгодных дел (даже политические споры конфигурированы иначе: Германия и Франция против Великобритании, очень уж тесно привязанной к заокеанским сородичам). У нас же с Западной Европой отношения далеко не так тесны: по сути, только газопроводы и привязывают нас к Европейскому Союзу. Значит, нам жизненно необходимы новые совместные проекты. Только они смогут предотвратить новые витки политического противостояния, реально интегрировать нас с остальной Европой.

Синергетика взаимодействия

Совместная зона ядерной энергетики — как раз один из проектов, где наши и западноевропейские возможности стыкуются по всем плоскостям. У них громадная плотность населения — у нас просторы, достаточные для любого производства и не подлежащие хозяйственному освоению даже в самой дальней перспективе. У них деньги — у нас научные и технологические заделы на самых разных

направлениях, нужных для осуществления проекта. У них «зелёные» страхи — у нас опыт работы с реальной опасностью. У них энергодефицит (пусть временно ослабленный кризисным сокращением промышленности) — у нас изобилие возможностей (не только ядерных) его преодоления. Наконец, и у них, и у нас серьёзные климатические колебания — но только у нас возможность смягчения этих колебаний.

Сходная стыковка получается и с Китаем. Там разве что экологических страхов поменьше, чем в Западной Европе и у нас: при нынешней нищете значительной части нашего населения очень актуальна поговорка: не до жиру — быть бы живу. Но реальные интересы страны этот проект вполне удовлетворит.

Не следует забывать: в этой зоне согласуются и стыкуются интересы непосредственных участников проекта — Казахстана и России. До сих пор главной точкой совпадения наших усилий остаётся экспорт углеводородов. Но в то же время мы на нефтегазовом рынке оказываемся в какой-то мере конкурентами: ведь казахское и российское топливо добывается независимо. Здесь же само производство экспортируемого товара — электроэнергии — оказывается возможно лишь благодаря взаимодействию и взаимодополнению возможностей двух республик. Вместе мы оказываемся несравненно большей силой, чем при простом арифметическом суммировании независимых возможностей. Взаимоподдерживающее — синергетическое — сотрудничество всегда было и будет лучшим средством гармонизации отношений.

Ступени развития

Любое научное и техническое новшество обладает ограниченным — пусть порою и очень значительным — потенциалом развития. Каждая конкретная ступенька прогресса сперва вздымается очень резко, потом выходит на горизонталь, а рано или поздно даже начинает падать.

По счастью, человеческая мысль не перестаёт работать. Задолго до исчерпания каждой ступеньки уже успевают вырасти следующие. Кривая прогресса в целом, огибающая все эти ступени, растёт непрерывно. Надо только вовремя строить всё новые ступени, чтобы вовремя перепрыгивать на них со старых.

Изобилие углеводородных запасов, доставшихся нам в основном благодаря превратностям геологических и исторических судеб, достаточно для нынешнего благополучия — но никак не для претензий на звание сверхдержавы, пусть даже и всего лишь энергетической. Чтобы сверхдержавное положение было устойчивым, необходимо заранее выстроить новую ступень, куда можно будет перешагнуть, когда наступит неизбежный — то ли вследствие исчерпания залежей, то ли после очередного технологического перевооружения потребителей — спад добычи.

Самой перспективной энергетической технологией сейчас считается термоядерный синтез. Уже на полном серьёзе обсуждается добыча на Луне гелия-3 — редкого изотопа, очень выгодного в качестве сырья для такого синтеза. Если даже такие экспедиции будут рентабельны — можно представить, хотя бы в общих чертах, возможности технологии в целом.

К сожалению, термоядерный синтез очень капризен. Технологии стабилизации его режима отлаживаются уже полвека — и конца-края не видно. Работы по созданию международного экспериментального реактора были заморожены на десять лет не только под давлением нефтяного лобби — сказалось и массовое разочарование невыполнением предыдущих обещаний учёных.

Конечно, рано или поздно все трудности будут преодолены — просто потому, что общее их количество ограничено, а природа не изобретает новых. Но когда и как это случится — пока невозможно предсказать. Поэтому нужно заранее построить несколько промежуточных ступеней, способных поддержать мировую экономику, когда нефтегазовая ступень начнёт проваливаться (ибо запасы органического топлива, хотя и несравненно выше панических прогнозов, но всё же исчерпаемы), а термоядерная ещё не поднимется на должную высоту.

Реакторная зона, созданная всеми развитыми странами и работающая в их общих интересах — ступень очевидная, надёжная и сравнительно легко возводимая. Заняться её созданием должны и Европейский Союз, и Китай с Индией. Это — в их собственных интересах. И экономических, и политических: в наши дни долгосрочная стабильность — самостоятельная ценность.

На многие десятилетия вперёд зона закрепит за Казахстаном и Россией статус научных центров и энергетических сверхдержав, обеспечит опору для разнообразнейшего развития. Но это — лишь побочный эффект. Очень выгодный для нас — и ни в коей мере не обесценивающий проект в глазах партнёров.

Несомненно, наступит время, когда эта ступень тоже станет анахронизмом и будет отброшена, чтобы обеспечить дальнейший разгон экономики. Но пока её ещё предстоит построить и запустить. Займёмся же этим сегодня!

Стратегема 2. Подводные ванты

В отличие от предыдущих разработок, отшлифованных годами, эта — совсем свежая. Поскольку повод к ней возник уже в 2014-м году. Причём именно работа над нею послужила толчком к формированию всей этой книги.

За морем телушка — полушка, да рубль перевоз

Газовые месторождения, как и нефтяные, расположены в основном далеко от потребителей. Значительная часть газа добывается попутно с нефтью: месторождения обычно содержат смесь углеводородов с разным размером молекул, а при нормальных условиях — на открытом воздухе при температурах, приемлемых для человека — молекулы с 4 и менее атомами углерода образуют именно газ (от 5 до 16 атомов углерода — жидкости, тяжелее — твёрдые вещества). Потребители рассеяны по всему свету, и к каждому из них трубу не протянуть. Вдобавок они появляются и исчезают, наращивают и сокращают аппетит... Трубы же рассчитаны на почти постоянный поток: его сокращение не меняет многие накладные расходы, и цена перекачки в расчёте на единицу объёма растёт (по той же причине и любые другие производственные мощности стараются загружать чем сильнее), а при сокращении потока в несколько раз ниже проектной производительности насосы могут действовать неустойчиво. Поэтому магистральные трубопроводы строят под контракты, рассчитанные на десятилетия^[81], и прокачка по ним чаще всего идёт по правилу «бери или плати»: некоторый минимальный объём оплачивается, даже если реальная поставка меньше (не столько для страховки от упущенной

выгоды поставщика, сколько для того, чтобы потребитель всё же забирал достаточно для устойчивой работы транспортной системы). Биржевые же контракты, возникающие в результате ежедневных торгов и отражающие сиюминутную потребность, по трубам удовлетворить невозможно. Поэтому нефть уже давно развозят в основном танкерами (а по суше — цистернами). В последние годы стремительно развивается танкерная перевозка природного газа — в сжиженном виде.

Увы, охлаждение газа до температуры, переводящей его в жидкость — дело весьма энергозатратное^[82]. Правда, холодом теоретически можно воспользоваться в конечной точке маршрута: под испаряющийся газ можно подставить что-то нуждающееся в охлаждении (пока, насколько известно авторам, станции регазификации — контролируемого испарения — не столь совершенны). Но в пути следования приходится непрерывно доохлаждать газ: теплоприток со стороны не устранить даже самой совершенной изоляцией. И эти энергозатраты при любой изоляции, технически осуществимой в обозримом будущем, гарантированно в разы превышают затраты на перекачку того же газа по трубе^[83].

Это, кстати, одна из причин организации США государственного переворота на Украине в 2013–14-м годах. Сланцевый бум в США ещё несколько лет сможет давать сравнительно дешёвый газ: запрет экспорта нефти привёл к накоплению громадного количества бурового оборудования, доступного для аренды за гроши до полного износа, а пустынные площади, пригодные для загаживания при хищнической добыче, пока далеко не исчерпаны. Но даже если бы этот газ был вовсе бесплатным, одни затраты на его перевозку через Атлантику сопоставимы с ценой газа, поступающего в ЕС из РФ (хотя они и меньше цен, установленных внутриЕСовскими поставщиками — Британией и Норвегией). Добиться покупки европейцами американского газа можно единственным путём — практически полностью отрезать ЕС от РФ.

Конечно, строительство газопровода требует заметно больше времени и денег, чем строительство танкеров и заводов сжижения газа с той же суммарной пропускной способностью. Но уже через несколько лет различие эксплуатационных затрат покрывает разницу

стартовых расходов — и в дальнейшем газопровод приносит выгоду и продавцу, и покупателю.

Хочешь сделать — ищешь способ; не хочешь — причину

Япония, изыскивающая альтернативные энергоресурсы для компенсации закрытых АЭС, обратилась и к российскому Газпрому: остров Сахалин, занимающий 4-е среди регионов РФ место по запасам газового конденсата (смеси природного газа с самыми лёгкими фракциями нефти — с 5–6 атомов углерода), отделён от японского острова Хоккайдо проливом Лаперуза шириной всего 43 км. Но Газпром счёл прокладку газопровода через пролив невозможной: слишком сложен рельеф дна, слишком заметна сейсмическая опасность. На острове сейчас строится завод сжижения природного газа. Но Япония сочла поставку продукции этого завода невыгодной. Причём не только вследствие дороговизны перевозки. Важно ещё и то, что местные погоды делают судоходство столь нестабильным, что в самой Японии придётся строить громадные газохранилища — а это тоже весьма дорого.

Поставка российского газа в Японию важна не только экономически. Между нашими странами с давних времён существует серьёзнейшее политическое противоречие (о нём мы скажем подробнее в других частях книги). Любая хозяйственная связь способствует если не полному забвению этого противоречия, то по меньшей мере отвлечению от него. А отвлечение в свою очередь помогает прокладывать новые связи. В этом деле нельзя пренебрегать ничем — особенно такими долгосрочными и крупными контрактами.

Выходит, неготовность Газпрома решать новые технические задачи (а прокладка трубопровода через пролив Лаперуза — дело действительно сложное) может ударить не только по его собственным деловым интересам, но и по стратегическим перспективам всей страны. Ведь Япония сейчас располагает многими передовыми технологиями, жизненно важными для ускоренного развития нашего собственного хозяйства.

В толще воды

Пролив Лаперуза заметно мелководнее морей, где уже проходят трубы Газпрома: его средняя глубина 20–40 метров (в зависимости от

того, усреднять ли по всему проливу или только по кратчайшему расстоянию между островами), наибольшая — 118 метров (у Балтийского моря 51 и 470, у Чёрного 1240 и 2210 метров соответственно). Но по скалистому дну действительно трудно класть трубы: где-то они могут упереться в острые камни, где-то провиснут. На мелководных прибрежных участках можно прорыть канавы, где трубы лягут ровно. А на большой глубине что делать?

Теория решения изобретательских задач указывает: если какой-то фактор опасен — лучше вовсе не доводить до соприкосновения с ним. Пусть труба не ложится на дно, а остаётся на плаву. Пролив достаточно глубок, чтобы даже под крупнейшими судами оставалось вполне достаточно пространства для свободного размещения сколь угодно сложных трубопроводных конструкций.

Даже подводные лодки (в основном американские), то и дело проходящие там, не столкнутся с трубой, если будут соблюдать хотя бы минимальные правила судоходства. А столкнутся — им же хуже. Дело не только в том, что газопровод рассчитан на высокое давление и прочнее большинства корпусов субмарин. Главное — газ распирает его изнутри, тогда как корпус лодки обжат снаружи, так что по законам сопромата в случае столкновения лодочный корпус прогнётся и может проломиться, а газопровод выправится.

Высокое давление уплотняет газ настолько, что заполненная им толстостенная труба может тонуть и всё же ляжет на дно. Но с этим легко справиться. Прикрепим к основной трубе ещё одну, поддутую обычным воздухом до давления чуть большего, чем давление окружающей воды. Она может иметь тонкие стенки, ибо нагрузка на них примерно уравновешена. Суммарную конструкцию можно довести до небольшой положительной плавучести.

На сети растяжек

Субмарина может и регулировать плавучесть заполнением и/или поддувом балластных цистерн, и выбирать глубину движения подъёмной силой рулей. Подводный же трубопровод таких возможностей лишён. Будучи предоставлен самому себе, он неизбежно либо ляжет на дно, либо всплывёт. Оба варианта равно неприемлемы: на дне он, как отмечают газпромовцы, может сломаться на острых

скалах; на поверхности не только помешает судоходству, но и может оказаться жертвой шторма.

Удерживать трубы на заданной глубине проще всего системой растяжек, идущих от дна. Заодно эти растяжки могут противостоять и боковому сносу труб течениями. Получается конструкция, подобная перевернутому вантовому мосту. Такие мосты давно отработаны, существуют во множестве разновидностей, славятся сочетанием сравнительно малой массы с высокой прочностью и надёжностью. Правда, они более прочны подвержены раскачке и вибрации от ветровых нагрузок — но и эту опасность давно научились устранять.

Опыт минного дела

Если дно неровное — как добиться, чтобы труба не повторяла его изгибы, а шла на одной и той же глубине по всему своему протяжению (кроме концевых участков, изогнутых для выхода на сухопутные участки)? Как отмерить длину каждой растяжки соответственно её месту на донных скалах и ямах?

По счастью, эту задачу решили ещё в конце XIX века — при разработке способов постановки морских минных заграждений. Конструкций придумано много. Опишем самую простую и надёжную, прижившуюся на флотах всего мира. Сама мина обладает достаточной плавучестью, чтобы удерживать ещё и длинный трос. Катушка с этим тросом прикреплена к якорю — грузу, достаточно тяжёлому, чтобы утащить мину под воду. Подпружиненный стопор катушки оттянут в сторону подвешенным к нему на тонком тросике отдельным грузом. Длину этого тросика отмеряют при подготовке мины к постановке. Когда всю систему сбрасывают в воду, трос с катушки свободно разматывается, мина остаётся на поверхности, а якорь погружается. Как только вспомогательный груз коснётся дна, стопор фиксирует катушку, и якорь утягивает мину под воду (и только там растворяется её предохранитель, приводя её в действие). Понятно, глубина её погружения зависит только от длины тросика при стопорном грузе.

Правда, вантовая конструкция должна включать не только вертикальные тросы, но и наклонные — иначе подводное течение, уводя трубу вбок, по законам геометрии опустит её глубже расчётного уровня (для минных заграждений этот эффект незначителен, ибо парусность сферической мины невелика). Значит, надо погружать

одновременно несколько якорных грузов, соединённых горизонтальными распорками — тогда тросы наклонятся как нужно. Конечно, такое решение годится только при сравнительно малом — не более нескольких десятков метров — расстоянии от дна до трубы. Но в проливе Лаперуза труба должна проходить именно таким образом. Для прокладки «Южного потока» в Чёрном море, где вряд ли целесообразно заглублять трубу на пару километров, понадобится большее — в сотни метров — расстояние от якорей до плоскости пролегания трубы и соответственно более сложная система спуска грузов, но и эта задача поддаётся решению (в крайнем случае можно уточнять положение каждого груза при помощи глубоководного обитаемого аппарата).

Устойчивая конструкция

Готовя этот раздел книги, мы изучили многие существующие вантовые мосты, познакомились с проблемами в ходе их строительства и эксплуатации. Даже испытали серьёзный соблазн включить часть изученных нами материалов в эту книгу в качестве справок для читателей. Но всё же воздержались от него потому, что практически все узнанные нами осложнения связаны с одной и той же причиной, отсутствующей в предлагаемом нами варианте.

Мы уже отмечали: стенка трубы, обжимаемой снаружи, должна быть куда толще стенки трубы, распираемой таким же давлением изнутри. Это — проявление общей закономерности: достаточно тонкая конструкция хуже выдерживает сжатие, нежели растяжение. При сжатии она может изогнуться — и от изгиба сломается. Причём для изгиба хватит малейшей неточности изготовления, неоднородности материала, несимметричности нагрузки...

Во избежание неустойчивости приходится увеличивать толщину конструкции. Чтобы не наращивать массу, её обычно выполняют пустотелой: с поперечным сечением в виде буквы О — труба, П — швеллер, Т — тавр, Н — двутавр. Но стенки таких профилей сами сравнительно тонкие — значит, тоже не очень устойчивые. В конце концов приходится делать толщину стенок — значит, общую массу — куда больше, чем при равной растягивающей нагрузке.

Вантовый мост состоит в основном из растянутых элементов. Но сами ванты крепятся к высоким стойкам и своим натяжением сжимают

их. В этих-то стойках — основные сложности. Их приходится делать сложными по форме, усиливать от боковых нагрузок, защищать от вибрации (она также снижает устойчивость конструкции)... Словом, стойки — самая уязвимая часть вантовых систем.

Подводная вантовая система крепится ко дну просто грузами (их можно дополнительно зафиксировать сваями, углублёнными в дно — но это нужно только для защиты от сноса грузов вбок). В ней нет сжатых элементов: всё работает только на растяжение. Никакой неустойчивости. Никакой избыточной массы.

Расширение решения

Всё та же теория решения изобретательских задач предписывает, найдя выход из противоречия (по этой теории как раз противоречие между разными требованиями к одной и той же конструкции вынуждает изобретать), поискать дополнительные применения этого выхода. Один из них мы уже указали выше — прокладка по той же технологии трубопроводов на других направлениях. Но не надо ограничиваться этим очевидным вариантом.

Внутри труб (и основной газовой, и вспомогательной, обеспечивающей плавучесть) можно прокладывать дополнительные коммуникации — от оптоволоконных кабелей связи (они обеспечивают наивысшую скорость передачи информации) до высоковольтных или сверхпроводящих линий электропередачи (после запуска Семипалатинского энергокомплекса из стратагемы 1 Японии будет куда проще получать электричество оттуда, чем сжигать газ в топках собственных ТЭС, так что газ ей понадобится только для бытовых нужд и химической промышленности). Можно там запустить даже дополнительный транспорт — тележки с капсулами для малогабаритных грузов.

Но главное — по сходной технологии можно построить трубопроводы диаметром уже не полтора метра, а в несколько раз больше — достаточные, чтобы в них перемещались обычные транспортные средства вроде железнодорожных вагонов или дальнемагистральных грузовиков. Увы, устойчивость такой трубы уже нельзя поддерживать наддувом изнутри: далеко не любая техника нормально работает при высоком давлении, да и людям тяжело придётся. Без специальной подготовки можно выдержать всего 2–3

атмосферы, то есть погружать трубу не глубже пары десятков метров. Далеко не везде этого достаточно: труба будет мешать судоходству, да и штормы до неё дотянутся (а, скажем, в Керченском проливе такой переход вовсе не проложить: в самом глубоком месте всего 18 метров). Придётся наращивать толщину стенок. Лучше всего — оребрять их изнутри и снаружи, чтобы готовая конструкция напоминала облицовку тоннеля метро глубокого залегания. Вероятно, такая система станет жизнеспособна только будучи сделана из современных высокопрочных пластмасс — а они пока многократно дороже металлоконструкций. Тем не менее прорабатывать такие конструкции пора уже сейчас. А подробности — уточнять по мере эксплуатации газопровода в проливе Лаперуза и «Южного потока».

Министерство транспорта РФ уже проектирует железнодорожные переходы через Татарский пролив — с материка на Сахалин — и через пролив Лаперуза — с Сахалина на Хоккайдо. Очевидно, комплексное решение, включающее все виды транспорта (от газопровода до железной дороги), будет куда выгоднее нескольких отдельных структур. А глубина пролива Лаперуза позволяет создать там плавучий подводный тоннель с внутренним воздушным подпором (до 3 атм: надводные корабли заведомо пройдут над ним, а подводные лодки смогут проскочить ниже) и поэтому достаточно лёгкий и легко создаваемый.

Полагаем, подводные вантовые сооружения могут найти применение во множестве мест и совмещать самые разные грузы — и пассажиропотоки.

Стратегема 3. Спорные острова

К сожалению, любые долгосрочные проекты взаимодействия с Японией упираются в «северные территории» — так японцы называют часть Курильской островной гряды, заходящую южнее северной оконечности японского острова Хоккайдо. Уже более полувека японцы надеются на их переход под свою юрисдикцию. Сколь ни беспочвенна эта надежда — в Японии она столь раскручена, что любой политик, не настаивающий на «возвращении северных территорий», рискует потерять лицо, то есть утратить не только популярность, но и

репутацию серьёзного человека, готового защищать публичные интересы.

Краткая предыстория

Русские землепроходцы добрались до Курил вскоре после того, как японцы переправились на остров Хоккайдо с Хонсю через Сангарский пролив и принялись истреблять местных жителей — айнов. В XVIII веке русские даже приняли в своё подданство айнов с севера Хоккайдо, а уж айнское население Курил и подавно включилось в Россию: в отличие от японцев, русские никого не истребляли целенаправленно (хотя сопротивление иной раз подавляли жёстко).

Впрочем, на парочке ближайших к Хоккайдо Курильских островов появились и японские форпосты. Русские же занимались в основном освоением материка и крупных островов: среди землепроходцев почти не было рыбаков, и островная мелочь мало кого интересовала. В 1855-м Россия согласилась считать японскими все Курильские острова, где уже были японские поселения, и заодно признала Сахалин (где уже присутствовали и японцы, и русские) совместным владением, а в 1875-м отдала Японии всю Курильскую гряду в обмен на уход японцев с юга Сахалина.

После неудачи (скорее психологической, нежели чисто военной) России в войне 1904–05-го годов с Японией та забрала южную половину Сахалина, а в ходе нашей Гражданской войны оккупировала и северную половину, но ушла оттуда в 1925-м: ей было выгоднее наладить отношения со всей нашей страной и наторговать куда больше, чем можно взять с севера этого острова.

Потерпев поражение во Второй Мировой войне, Япония — как и Германия — подписала безоговорочную капитуляцию. Иными словами, полностью отказалась от какой бы то ни было самостоятельности и отдала свою судьбу на ничем не ограниченное усмотрение победителей. По международному праву это равноценно полному исчезновению государства. Даже если его название и контуры сохраняются, если признаётся правопреемство с прежним государством — происходит это только по воле и усмотрению победителей.

Более того, пункт 8 Потсдамской декларации, подписанной президентом США и премьером Британии (к ней присоединился

телефонным сообщением президент Китая) гласит: «Условия Каирской декларации будут выполнены и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем». Декларация исполнена в полном объёме: например, остров Окинава до 1972-го года пребывал в юрисдикции США, да и сейчас там находится американская база, и её персонал пользуется полной экстерриториальностью.

СССР по результатам войны вернул себе юг Сахалина и Курильские острова. С точки зрения международного права это безукоризненно, даже если не учитывать безоговорочность японской капитуляции: война отменяет все ранее заключённые соглашения между воюющими державами.

Заодно СССР возобновил прерванную в 1905-м — по результатам той войны с Японией — аренду у Китая торгового порта Далянь (Дальний) и военно-морской базы Люйшунь (Порт-Артур). В 1956-м в знак мирных намерений на Тихом океане (и в связи с развитием военно-морской инфраструктуры на советском Дальнем Востоке) СССР отказался от этой аренды.

1951.09.08 в Сан-Франциско подписан мирный договор Японии со странами антигитлеровской коалиции. Он официально завершил Вторую мировую войну, закрепил порядок выплаты репараций союзникам и компенсаций странам, пострадавшим от японской агрессии. Представители Советского Союза, Чехословакии и Польши участвовали в конференции, но отказались подписать договор. Глава советской делегации Андрей Андреевич Громыко (тогда — первый заместитель министра иностранных дел, а впоследствии почти до самой смерти министр) отметил, что на конференцию не пригласили представителей КНР, а в тексте договора не закреплены ни территориальные права Китая на Тайвань, Пескадорские и Парасельские острова, ни суверенитет СССР над Южным Сахалином и Курильскими островами.

Тогда в Корею шла война, где США (как главный участник международных сил, выступивших на стороне юга республики) и СССР (негласно помогавший северу) действовали по разные стороны линии фронта (хотя прямые боевые столкновения между США и СССР случались только в воздухе). Поэтому сенат США, обсуждая договор перед ратификацией, в одностороннем порядке принял резолюцию с

оговоркой: «Предусматривается, что условия Договора не будут означать признание за СССР каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7-е декабря 1941-го года, которые наносили бы ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни было положения в пользу СССР в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении». Иными словами, он отказался от обещанной США в 1945-м платы за вступление СССР в войну.

В 1956-м году Никита Сергеевич Хрущёв (тогда первый секретарь ЦК КПСС, не занимавший в тот момент никаких государственных постов и соответственно не уполномоченный ни на какие заявления от имени государства) пообещал: в случае подписания советско-японского мирного договора СССР в качестве жеста доброй воли передаст Японии южный конец Курильской гряды — остров Шикотан и скопление мелких островков Хабомаи. С тех пор Япония требует передачи этих островов в качестве предварительного условия начала переговоров о мирном договоре, а непременной частью самого договора считает установление японской юрисдикции ещё и над островами Кунашир и Итуруп. То есть по мнению японцев вся часть Курил, находящаяся южнее северной оконечности Хоккайдо, должна стать японской. Юридических оснований для этого никаких. Да и мирный договор нужен Японии не меньше, чем РФ: она тоже весьма заинтересована в сотрудничестве. Но нахальство — второе счастье.

Стандартный ответ на подобные притязания прост: если хотите пересмотреть итоги войны — можем перепоказать. Но русские, как известно, войны не начинают, а только заканчивают. Пока есть возможность договориться — надо ею пользоваться.

В октябре 2003-го президент РФ Владимир Владимирович Путин и премьер Японии Дзюньитиро Коидзуми решили создать «совет мудрецов» для совместного поиска путей решения курильской проблемы. В декабре его сопредседателем от России по решению президента стал мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков. Ещё до этого (как только появилась сама идея его участия в этой работе) мы — как его советники — включились в поиск. Далее изложены (как и в начале книги — с указанием даты написания) наши справки и предложения.

2003.11.12

Курильский тупик

Краткий историко-политический очерк

Спор Японии с Россией вокруг Южных Курил тянется уже около полувека. Его давно уже принято считать тупиковым. Слишком уж противоречивы не только интересы сторон, но и сама история этих мест.

История с географией

Курильские острова, как и многие другие территории на стыке великих держав, издавна были предметом интереса обеих сторон.

Промежуточное положение

Курильская островная гряда вытянута в меридиональном направлении настолько, что южный её конец лежит заметно южнее мысов самого северного из Японских островов — Хоккайдо. Правда, крупнейший из проливов между Курильскими островами — Буссоль — проходит заметно севернее Японии: между островами Уруп и Симушир. Пролив же между Урупом и Итурупом, находящийся на одной широте с проливом Лаперуза между Хоккайдо и Сахалином, куда менее значим для судоходства. Тем не менее именно по нему принято проводить границу между собственно Курилами и Южно-Курильской грядой.

Первоначальное освоение

До русско-японской войны 1904–05-го годов юрисдикция над всеми Курильскими островами не была чётко определена. Россия ещё не успела толком освоить ни крупнейший остров Охотского моря — Сахалин, ни Камчатский полуостров, от чьей южной оконечности тянутся Курилы. Япония же до 1854-го года самоизолировалась, и даже рыбакам строжайше запрещалось высаживаться на землях, не принятых ранее под высокую руку божественного тэнно^[84]. Потому и отдельные заходы японских кораблей после отмены запрета, как и морские походы из России, не успели вылиться в отчётливые последствия, значимые с точки зрения международного права.

Война внесла ясность. Курильские острова были признаны владением Японии. Это сказалось во время Второй Мировой: в мелких

курильских бухтах императорский флот укрывался от США и перед блестяще проведенным нападением на Жемчужную Гавань, и во время неудач 1943–1945-го годов.

Войны советской эпохи

В августе 1945-го советские войска серией морских и воздушных десантов захватили Курилы практически мгновенно^[85]. Острова фактически перешли под власть СССР. Это решено было закрепить и юридически. Но к 1951-му году, когда в Сан-Франциско Япония подписывала мирный договор, отношения СССР и США испортились почти до уровня, означающего готовность к войне.

Фактически война уже шла. В Корее. По решению Совета Безопасности ООН^[86] войска доброго десятка стран — но, конечно, в основном США — отражали удар социалистического севера по капиталистическому югу. Правда, в сухопутной части северных войск живую силу обеспечивал Китай. СССР отвечал только за техническое обеспечение армии. Да ещё за воздушное прикрытие. Но общее число воздушных боёв советских и американских лётчиков было достойно самых серьёзных кампаний недавней Второй Мировой войны.

СССР потребовал включить в договор постоянный нейтралитет Японии с запретом на пребывание на её территории каких бы то ни было иностранных вооружённых сил и техники. Возражали не только США, остро нуждавшиеся в непотопляемом авианосце у берегов Азии, но и сама Япония: ремонт пострадавшей в Корее боевой техники, лечение и отдых солдат были тогда главными статьями доходов страны, ещё не восстановившейся после американских ковровых бомбёжек. В результате СССР отказался подписывать договор, и в нём появилось положение, удивительное для любого юриста: Япония отказалась от суверенитета над Курилами — но не указала, в чью пользу.

Дипломатия уступок

В 1956-м Хрущёв попытался восполнить это упущение. Но Япония, уже оправившаяся от послевоенной разрухи, согласилась навсегда расстаться только с той частью Курил, которая лежала севернее Хоккайдо. После долгих обсуждений Хрущёв согласился подарить^[87] Японии южную часть спорной территории — Шикотан и

группу мелких скал Хабомаи. Судьбу Кунашира и Итурупа должны были решать профессиональные дипломаты.

Впрочем, до этого решения не дошло. Очередная вспышка международных трений отложила советско-японский мирный договор в долгий ящик. И обещание Хрущёва так и не вылилось в документы, обязывающие СССР к каким бы то ни было реальным шагам.

Нестыковка позиций

На этом контуры тупика определились окончательно. Япония соглашается начать переговоры о мирном договоре только после получения Шикотана и Хабомаи, а заодно сообщает, что подпишет лишь договор, в котором Кунашир и Итуруп также будут признаны её землями. Россия же (и даже СССР, в целом более сговорчивый) полагает судьбу всех этих островов предметом переговоров и даёт понять, что признает справедливыми лишь переговоры, юридически закрепляющие нынешнюю принадлежность Южных Курил.

Цена и ценность

Напряжённость споров обычно указывает на высокую важность предмета этих споров. Какова же реальная важность трёх островов и десятка скал?

Обстоятельства реальные

Экономическое значение Южных Курил часто преувеличивают. Двухсотмильную экономическую зону вокруг них в значительной части перекрывают такие же зоны вокруг севера Курил и самой Японии. Значит, при переходе островов в другие руки фактический режим хозяйствования изменится лишь в довольно малой части акватории. Да и в ней российские рыбаки чаще работают в пользу японских перекупщиков, чем собственно российских фирм.

Сомнителен и военный аспект проблемы. В случае боевых действий корабли любой из воюющих сторон вряд ли пойдут между южнокурильскими островами: навигационная обстановка сложна, да и малые глубины упрощают минирование. А удобный для мореплавания пролив Буссоль японская береговая артиллерия и ракеты даже с Итурупа не перекроют: эту стрельбу можно пресечь огнём с Урупа. Действия же подводных флотов и подавно почти не зависят от

принадлежности островов: при современном развитии техники проливы между ними в любом случае будут перекрыты минами и гидроакустическими буями, установленными с надводных и/или подводных кораблей всех противников.

Итак, реальная цена островов очень скромна. Но их идейная ценность для обеих сторон огромна.

Обстоятельства предполагаемые

В Японии все сколько-нибудь значимые политические силы связали с судьбой островов собственный авторитет. Все они сделали уже столько громких заявлений, что любой намёк на возможность компромисса воспринимается массовым сознанием как полная и безоговорочная капитуляция. В условиях же постоянной жёсткой внутривнутриполитической борьбы с частыми досрочными выборами никто не рискнёт демонстрировать хотя бы намёк на слабость.

Россия же при распаде СССР потеряла столько, что сейчас психологически неспособна отдать что-то ещё. Да и традиции этому препятствуют. Говорят, что министра иностранных дел СССР Андрея Андреевича Громыко однажды спросили, неужели громадный СССР не может пожертвовать такой малостью, как четыре скалистых островка. Легендарный Господин «Нет» ответил: «Потому и громадные, что никогда ничего не отдавали»^[88]. Послереволюционное отпадение Финляндии, востока Польши, прибалтийских земель он, по-видимому, в расчёт не брал: мол, внутренние дела, а не завоевание извне. Сейчас же аналогичные потери несравненно больше, да и свежее. А потому очень болезненны.

Но именно громадная разница между ценой и ценностью любых спорных объектов — в том числе и южных Курильских островов — оставляет огромное пространство для компромисса.

2003.11.12

Совладения

Некоторые примеры решения споров

История полна не менее затяжными конфликтами, нежели южнокурильский спор. И далеко не всегда они решались силовыми приёмами.

Аландские острова

Хозяева этой группы островов менялись не раз. Нынешний финский суверенитет над нею неоспорим. Но в остальном её статус — плод многих компромиссов. В результате сейчас он признан одним из лучших в мире образцов защиты интересов как национального меньшинства, так и сопредельных стран.

Демилитаризованная зона

Аландские острова, перекрывающие вход в Ботнический залив, как и Финляндия, издавна принадлежали Шведскому Королевству. По итогам проигранной войны 1808–1809-го годов Швеция была вынуждена уступить Финляндию и Аланды России. Аланды стали частью Великого Княжества Финляндского^[89].

Россия построила в восточной части крупнейшего из островов крепость Бомарсунд. В ходе Крымской войны крепость взяли войска франко-британской коалиции. Возникла угроза создания долгосрочного форпоста противника на Балтике, да ещё и в непосредственной близости от имперской территории. Тогда Россия сама предложила демилитаризовать Аландские острова.

Парижский мирный договор 1856-го года закрепил мирный статус Аландов. С этого момента на их территории нельзя строить фортификационные сооружения и размещать вооружённые силы. Конечно, запрещены и военные действия.

После распада Российской империи Аландские острова вошли в состав Финляндии. В 1921-м Лига Наций утвердила их принадлежность, а заодно и организовала международную конвенцию, утвердившую не только демилитаризацию, но и нейтралитет Аландов. Правда, СССР счёл нейтралитет уже избыточным и конвенцию не подписал.

Была отменена воинская повинность для граждан Аландов и граждан Финляндии, переехавших сюда в возрасте до 12 лет. Вместо этого они могут поступать на лоцманскую или маячную службу или в другие органы аландского гражданского управления.

Аландское самоуправление

В 1917-м, когда Россия стала республикой и распадалась, представители всех аландских коммун провели собрание, на котором решили добиваться воссоединения с Швецией. Петиция, подписанная большинством аландских граждан, была подана королю и правительству Швеции.

В декабре 1917-го Финляндия провозгласила независимость от России. Совет Народных Комиссаров признал её. Аланды должны были входить в состав Финляндии на правах автономии. Жители Аландов не согласились с таким решением вопроса и подали повторную петицию в Лигу Наций. Совет Лиги решил оставить Аланды за Финляндией, но предоставить островам автономию. Жителям Аландов было гарантировано право на свой язык^[90], культуру и обычаи.

Урегулирование аландского конфликта оказало решающее влияние на решение шведского вопроса в материковой Финляндии. Местным шведам пришлось отказаться от плана образования четырёх шведских кантонов по швейцарской модели. В обмен на это шведский язык сохранил свой статус государственного языка наравне с финским.

Согласно статье 14 Основного закона (конституции) 1919-го года образовательные, культурные и социальные потребности финноязычного и шведоязычного населения следует обеспечивать на одинаковых принципах. В связи с этим некоторые считают, что шведоязычное население не является меньшинством в юридическом смысле. Но все публикации, посвящённые положению меньшинств в Финляндии, считают эту группу населения также меньшинством, так как оно обладает всеми их характеристиками: малочисленно^[91], отличается по языковым признакам, стремится сохранить свою особую идентичность и, что немаловажно, по крайней мере в рамках Европы, связано со страной долговременными и официальными связями (гражданство).

В 1922-м прошли первые выборы в Аландский Парламент. Девятого июня состоялась первая пленарная сессия Парламента. С тех пор этот день считается официальным праздником — Днём Автономии Аландов.

Аландское гражданство

Всякий ребёнок, у которого хотя бы один из родителей — аландец, получает гражданство островов автоматически. Граждане Финляндии, прожившие на Аландах более 5 лет и хорошо владеющие шведским языком, могут подать заявление на получение аландского гражданства. Жители Аландов, отсутствовавшие более 5 лет, теряют местное гражданство.

Только граждане Аландов имеют право:

- голосовать на выборах в местный парламент — Lagting — и выдвигать свою кандидатуру в его депутаты;
- владеть землями и недвижимостью на Аландах;
- открыть свой частный бизнес на Аландах.

В отдельных случаях аландское правительство рассматривает предоставление негражданам отдельных прав — на владение частной собственностью, на открытие частного бизнеса.

Закон о самоуправлении перечисляет вопросы, входящие в ведение Аландов, с одной стороны, и государства, — с другой. Местные власти решают, в частности, вопросы муниципального налогообложения, строительства и планирования, охраны природы и окружающей среды. Государство оставляет за собой законодательную власть, в частности, в вопросах внешних сношений и внешней торговли, закона о семье и наследстве, общего уголовного права. Государство пользуется законодательной властью в других вопросах, относящихся к его законодательной компетенции.

Официальный язык государственных органов власти и муниципалитетов на Аландах — шведский. Гражданин Финляндии может, однако, применять финский в суде и с государственными служащими в деле, касающемся его лично. Язык обучения в общественных школах — шведский, но муниципалитеты вправе организовать обучение финскому языку. Аландские органы власти вправе общаться на шведском с любым административным органом Финляндии.

Шпицберген

Этот северный (простирается за 80° северной широты) архипелаг издавна служил опорной базой рыбаков — в том числе и российских поморов, знавших его под именем Грумант. Сейчас он признан примером совместного хозяйствования под одной юрисдикцией.

Правда, в последнее время он становится ещё и примером безударного вытеснения неудобного соседа.

Ограниченный суверенитет

Базовый договор, регулирующий правовой режим Шпицбергена, подписали 9-го февраля 1920-го года Великобритания, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швеция, Япония. Позднее к нему присоединилась Россия.

Договор признаёт полный и абсолютный суверенитет Норвегии над Шпицбергом. Но остальные страны вправе вести на суше архипелага хозяйственную деятельность и ловить рыбу в его территориальных водах. Этой экономической возможностью и ограничен политический суверенитет.

Политическая экономика

Чтобы обозначить своё присутствие на Шпицбергене, СССР пошёл в своё время на редкий по советским канонам шаг. Земля, купленная за 2.5 млн голландских гульденов у голландской *Nederlandske Spitsbergen Kompani N.V.*, отошла в собственность не государству в целом, а государственному тресту «Арктикуголь». Он представляет интересы России на архипелаге и сейчас.

Из трёх российских шахт на Шпицбергене работает сейчас только одна — «Баренцбург». Работы на шахте «Груммант» остановлены в 1961-м. Шахта «Пирамида» законсервирована в конце 1998-го.

В российском секторе создана обширная инфраструктура с хозяйственными постройками, административными зданиями, жилыми домами, где проживает около тысячи человек. Содержание всего этого хозяйства — да и сама работа шахт — стоит недёшево. Угледобыча на Шпицбергене давно убыточна. Есть сведения, что только в 2000-м году федеральный бюджет выделил на содержание Баренцбурга \$5 млн.

На единственной работающей шахте сейчас добывают 350 тысяч тонн угля в год. Такими темпами можно исчерпать её запасы в ближайшие годы. Не позже 2008-го года необходимо начать разработку другого объекта. Скорее всего придётся расконсервировать «Груммант». Но федеральный бюджет выделяет на закупку и завоз нового оборудования в десятки раз меньше, чем необходимо.

Отсутствуют у правительства и средства на доразведку других полезных ископаемых в российском секторе. Поэтому перспектива добычи нефти и газа остаётся пока теоретической.

Наступательная экозащита

Фактические ограничения суверенитета оставляют Норвегии серьёзную возможность влиять на активность партнёров. Она может защищать экологию архипелага. И успешно заменяет этой возможностью все недостающие права.

В 2001-м норвежский парламент — стorting — принял закон «Об охране окружающей среды на Шпицбергене». Закон вступил в силу летом 2002-го. Уже сейчас природоохранные зоны — два заповедника, пятнадцать птичьих заповедников, три национальных парка, три района сохранения растительности — занимают половину территории архипелага. На основе нового закона правительство Норвегии рассчитывает в одностороннем порядке значительно расширить природоохранную зону, включить в неё острова Медвежий, Рейндален и другие. По удивительному «совпадению» природоохранная деятельность распространяется именно на перспективные месторождения угля в российском секторе Шпицбергена.

Новый закон не только вводит несколько экологических налогов и сборов, не только жёстко ограничивает загрязнение окружающей среды, но и разрешает вести всю хозяйственную деятельность только с позволения губернатора архипелага и на указанных им территориях. Этот подданный Норвегии может отклонить любой строительный проект и закрыть любой район для транспорта.

Россия уже вынуждена отказаться от строительства дороги между Баренцбургом и Коулз-Бэем. Администрация Шпицбергена недовольна и планом прокладки российской высоковольтной ЛЭП. Похоже, в ближайшем будущем развивать инфраструктуру российских поселений на архипелаге — в отличие от норвежских — станет вовсе невозможно. Формально соблюдая парижский договор, Норвегия эффективно вытесняет основного конкурента.

Рыба в мутной воде

Главный экономический интерес России на Шпицбергене — морепродукты. Тем более что их запасы, в отличие от запасов угля,

возобновляются. А в скором будущем многие районы северных морей закроет для рыболовства добыча шельфовой нефти. И шпицбергенский район рыбодобычи станет ещё важнее.

Уже три десятилетия Норвегия старается взять воды вокруг архипелага под свой полный контроль. Ещё в 1977-м королевский декрет — в одностороннем порядке — установил вокруг Шпицбергена 200-мильную рыбоохранную зону с теми же правилами, что в национальной экономической зоне Норвегии. Норвегия также оставила за собой право под лозунгом сохранения рыбы закрывать районы для промысла. Для России этот декрет обернулся изрядными потерями улова: наши правила позволяют ловить меньшую рыбу, чем норвежские.

Нововведение формальной хозяйки архипелага признали только Канада и Финляндия. Остальные — прежде всего Россия — указали, что по договору норвежский суверенитет распространяется лишь на территориальные воды архипелага (4 мили). Правда, Норвегия с весны 2002-го обсуждает в парламенте возможность расширения территориальных вод до 12 миль — конечно же, ради снижения опасности загрязнения хрупкой арктической природы.

За последние годы запретные территории только вокруг острова Медвежий увеличились на 40 %, а рыбалка фактически разрешена только два месяца в году. Норвежские рыбаки от этого не очень страдают. Они здесь изымают всего 4 % баренцевоморского улова. А на долю России приходится четверть!

Россия официально считает воды Шпицбергена открытым морем. Норвежская же береговая охрана придерживается иной позиции. Время от времени российские траулеры и морозильщики оказываются под арестом. В апреле 2001-го, после ареста траулера «Чернигов», российский МИД напомнил Норвегии, что даже при нарушениях правил рыболовства она не вправе арестовывать иностранные суда в открытом море, а может только действовать по дипломатическим каналам. И чтобы напоминание было убедительнее, летом 2001-го в район хронических конфликтов отправились три пограничных корабля и корабль Северного флота. Изматывающие проверки российских рыбаков судами норвежской береговой охраны мгновенно прекратились.

К сожалению, Россия всё ещё не выработала осознанной политики по рыбной ловле. Поэтому Норвегия всё ещё контролирует российский рыболовный флот согласно своим представлениям о правилах рыболовства. Угрозами ареста она вынуждает наши суда покидать урожайные районы.

Наука двойного назначения

Шпицберген — ещё и уникальная возможность изучения космоса. Около полюсов силовые линии магнитного поля Земли почти перпендикулярны поверхности. Поэтому, исследуя их, можно многое узнать о процессах в самых разных областях магнитосферы планеты.

По мере падения финансирования российской науки Норвегия развёртывает собственные исследования. Она создала Полярный центр окружающей среды, объединяющий основные государственные и общественные научные организации. На самом архипелаге создан Научный форум Шпицбергена для консультирования всех желающих финансировать собственные научные проекты.

В 1996–97-м годах на Шпицбергене запущено множество уникальных исследовательских объектов, построенных Норвегией совместно с другими организациями. Среди них мощная радиолокационная станция, ракетный полигон для изучения верхних слоёв атмосферы и сбора космической пыли, станция приёма спутниковой информации...

Правда, эксперты считают, что все научные объекты можно использовать и в вполне практических — военных — целях. Они могут отслеживать перемещения российских спутников, ракет, боевых кораблей... Шпицберген стал форпостом НАТО в районе, где Россия традиционно ведёт достаточно секретную оборонную деятельность.

Таким образом, не нарушая формально никаких условий международного договора, Норвегия фактически лишает одного из партнёров по договору всякой возможности отстаивать на его основании свои интересы.

Андорра

Карликовое княжество в Пиренеях — между Испанией и Францией — населяют каталонцы — народ, чей язык также промежуточен между народами соседей. Превратности феодальных

судеб позволили Андорре, в отличие от Каталонии, не войти в состав большего государства. Утомившись от соперничества за клочок (465 км²) крутых гор, епископ^[92] Урхеля и король Франции согласились владеть им совместно.

Множества признаков суверенитета Андорра доселе лишена. Нет своих денег: до появления евро на равных ходили испанская песета и французский франк в соответствии с текущим курсом. Нет своего главы государства: эту роль доселе играют епископ Урхеля и президент Франции, сменивший короля. До 1993-го года не было своей конституции, своего места в ООН, а до 1994-го — и места в Совете Европы.

Более того, княжество ежегодно платит своим владыкам вполне феодальную дань. Правда, размеры этой дани не меняются уже несколько веков. Раз в два года президент Франции получает кошелек с дюжиной золотых монет. А в промежутках — также раз в два года — на кухню епископского дворца в Сео-де-Урхель доставляют дюжину упитанных каплунов.

Но, конечно, реальную самостоятельность Андорры не ущемляет ни один из двоих властителей. Ведь любой произвол со стороны одного из них неизбежно вызовет жалобы другому — и мелкая прихоть может вырасти в полномасштабный конфликт. Лучше уж предоставить делам идти своим чередом.

В отсутствие епископского и королевского надзора горное княжество богатело неторопливо (в горах особо не похозяйствуешь), но уверенно. А когда в число главных развлечений цивилизованного мира вошёл туризм, экзотический статус слуги двух господ стал источником серьёзного дохода.

Тем не менее Андорра всё ещё остаётся владением великих — по сравнению с нею — держав. И при необходимости их суверенитет может быть продемонстрирован в любой форме, признанной международным правом.

Гонконг

Крошечный архипелаг Коулун у китайского побережья Великобритания захватила в ходе опиумных войн^[93]. Но фактическое владение было закреплено юридически только через полвека — в 1898-м году.

Правда, договор был оформлен не как аннексия и даже не как покупка, а всего лишь как аренда. Правда, долгосрочная — на 99 лет.

В европейской юридической традиции этот срок рассматривался как синоним вечности. Случаев истребования территорий, арендованных на такой срок, практически не наблюдалось. Обычно за век успевали по несколько раз смениться не только правопреемники обеих сторон договора, но и все сопутствующие законные обстоятельства.

На Востоке, привыкшем к многовековой медлительности развития общества, 99-летний срок никого не удивил. Китайцы спокойно пустили варваров на свои земли — и спокойно ждали их ухода.

Трудно сказать, чем кончился бы договор, если бы соотношение сил осталось прежним. Но к 1997-му экономические возможности обеих сторон были вполне сопоставимы. А военные решения и вовсе вышли из моды. Так что британская колония Гонконг стала китайским районом Сянган^[94] без эксцессов.

Аляска

В отличие от Гонконга, Аляска была продана и куплена окончательно.

В 1966-м, когда с момента продажи прошли сакраментальные 99 лет, в СССР ходило множество слухов о спорах на высшем уровне вокруг возвращения Аляски. Говорили, например, что США требуют предварительного возврата всех долгов по ленд-лизу. И соответственно удивлялись, почему правительство не заплатит эти несколько сот миллионов, чтобы взамен получить не только доступ к местным полезным ископаемым^[95], но и стратегический плацдарм под боком у главного противника — а заодно избавиться от аналогичного плацдарма около собственных границ.

Между тем самим участникам переговоров о купле-продаже восточной оконечности Российской империи сама мысль о временной аренде вряд ли могла вообще придти в голову.

Россия практически исчерпала запасы главной тамошней ценности — пушнины. Поголовье местного зверья было выбито настолько, что дальнейший промысел оказался нерентабелен. Содержать же местную власть за казённый счёт было слишком накладно для страны, переживавшей очередную эпоху бурных реформ:

в 1861-м отменили крепостное право, за чем последовали изменения во всех аспектах деятельности государства и всего общества^[96].

С другой стороны, США, завершив самую кровопролитную в своей истории войну — Гражданскую, не были готовы создавать вдали от своих берегов колонию, да ещё и заведомо временную. Только окончательное и бесповоротное приобретение могло окупить затраты не только реально, но и психологически.

Затраты были по тем временам очень заметны. Почти семь миллионов тогдашних долларов были формально — в пересчёте на золото — равноценны нынешним миллионам трёмстам, а то и трёмстам пятидесяти. Если же учесть совершенно разную покупательную способность самого золота, то речь можно вести о десятках миллиардов нынешних долларов.

В США очень многие изрядно сомневались в рентабельности такого расхода. Государственного секретаря^[97] Сьюарда общественное мнение даже обвиняло в казнокрадстве^[98]. А само новое приобретение ещё пару десятков лет ехидно именовали «холодильник Сьюарда».

Только через три десятилетия после перехода Аляски в новые руки на ней обнаружилось золото, многократно окупившее для США это приобретение. Конечно, в момент продажи никто — ни с одной стороны от стола переговоров — на такое везение не надеялся. Так что никто в России не стал публично и шумно жалеть о потере: снявши голову, по волосам не плачут.

2003.11.12

Возможны варианты

Пути согласования интересов на Курилах

Едва ли не любой известный вариант устранения территориальных разногласий может оказаться почти готовым рецептом по курильской проблеме.

Аландские острова

Значительная часть психологического напряжения, связанного в Японии с Южными Курилами, создаётся вокруг потомков тамошних поселенцев 1905–45-го годов. Очевидно, Россия может предоставить

всем этим потомкам право поселения на островах и полной культурной автономии на них.

Более того, южные Курильские острова можно демилитаризовать по образу и подобию Аландских. При нынешнем состоянии вооружённых сил России это даже выгодно. Содержать на них значимые гарнизоны страна не в состоянии. А отряды в несколько десятков человек способны в случае опасности разве что погибнуть с честью, но не оказать сколько-нибудь заметное сопротивление.

Шпицберген

Поселенцы скорее всего займутся куда более бурной хозяйственной деятельностью, чем ныне обитающие на островах российские граждане^[99]. Вероятно, сама эта деятельность может стать предметом отдельных переговоров.

Япония, как известно, и сейчас экономически очень активна в этом регионе. Скорее всего, соглашение о совместной хозяйственной деятельности по шпицбергенскому образцу можно будет заключить сравнительно быстро.

На самих островах практически нет полезных ископаемых. Поэтому инфраструктура, созданная японцами для обеспечения своих экономических интересов, будет ориентирована в основном на море. Так что использовать её в качестве опоры для дальнейших политических претензий окажется сложно.

Впрочем, пресечь при необходимости эти претензии несложно, если заранее заложить в договор необходимые инструменты. Например, оспорить экологические ограничения экономической активности Япония вряд ли сможет: уровень экологической обеспокоенности там один из наивысших в мире. А опыт Шпицбергена показывает: таких ограничений более чем достаточно, чтобы изгнать из региона любого неугодного.

Андорра

Если Япония будет очень уж жёстко настаивать на своём суверенитете над островами, можно в крайнем случае отступить — согласиться на совместный суверенитет по андоррскому образцу.

В коммерческом плане такое решение может оказаться самым рентабельным. Ведь жизнь архипелага окажется практически

избавлена от мелочного контроля из любой столицы, а потому сможет наилучшим образом адаптироваться к местным условиям.

Политически же андоррский вариант будет, конечно, восприниматься достаточно сложно. С одной стороны, признание японских прав в любой форме будет раздражать многих профессиональных патриотов. Они скорее всего смогут вырастить на этой почве немалый урожай демагогии. С другой стороны, демагоги из всего делают поводы для шумихи. Зато серьёзные специалисты по достоинству оценят сохранение российских прав в регионе. И уже наша забота — сделать мнение этих специалистов всеобщим достоянием.

Гонконг

Абсолютное несогласие Японии на любой из вышеприведенных вариантов маловероятно. Но на крайний случай остаётся возможность передать Южные Курилы в долгосрочную^[100] аренду.

Реальные экономические и военные интересы России от этого не пострадают. Экономика региона и сейчас ориентирована скорее на Японию, чем на Россию. Оборонительное же значение островов в их нынешнем виде близко к нулю. Да и возможность превратить их в значимую угрозу для российского Дальнего Востока многократно преувеличена общественным мнением.

Правда, считаться с этим мнением всё равно необходимо. Поэтому пропаганда в России должна подчёркивать предстоящее возвращение островов. А заодно и предвкушать грядущие выгоды от использования инфраструктуры, созданной арендаторами^[101]. Этого, кстати, ожидает любой арендодатель.

Аляска

С окончательной продажей островов Японии российское общественное мнение вряд ли смирится. Правда, изменить позицию лидеров, это мнение создающих, можно за скромную — по сравнению с масштабами проблемы — сумму. Но придётся менять и убеждения, сформированные за полвека у каждого гражданина России. А это уже дорого даже для Японии. Особенно если учесть, что уже лет десять там тянется экономический спад.

Тем не менее распорядиться японскими деньгами можно довольно эффективно. Япония в состоянии купить... Крым.

Конечно, полуостров несравненно больше Южных Курил. Да и экономический его потенциал заметно больше. Но Украина обременена предрассудками по поводу Крыма заметно меньше, чем Россия — предрассудками по южнокурильской проблеме. И хотя не готова уступить его «москалям», с любой другой державой может на эту тему общаться вменяемо. Да и подкупить страну легче: она втрое малолюднее России и примерно во столько же раз беднее.

Самой же Японии такое дальнейшее владение вряд ли нужнее ближних островов. И она может предложить России натуральный обмен. Российское общественное мнение — как и любое другое — отнесётся к обмену несравненно лояльнее, чем к уступкам даже в форме купли-продажи.

Такой торгово-обменный треугольник сейчас трудно воспринять всерьёз. Тем не менее столь нестандартный ход может оказаться эффективным изобретательским выходом из стратегического тупика. И по крайней мере достоин внесения в список запасных вариантов на худший случай^[102].

2004.04.17

Шпицберген — Курилы

Современное применение исторического прецедента

Внешнеполитическое положение России сегодня достаточно устойчиво. Экономика на подъёме, а стратегические силы надёжно сдерживают любое силовое давление извне. Но такое благополучие очень недолговечно. Нефтяной рынок может обвалиться в любой момент (по мнению экспертов — сразу после появления в США вменяемого военного руководства, но не позже 2006-го года^[103]), а других источников экономического роста у нас, к сожалению, пока нет. Высокотехнологичное оружие, в основном унаследованное от СССР, стареет физически и морально. Следовательно, стратегические проблемы страны необходимо решить буквально в ближайшие месяцы, ибо в дальнейшем за их решение придётся платить куда больше.

Спорные острова

Одна из болевых точек России — южная часть Курильской гряды: острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и архипелаг Хабомаи. В XVIII веке Россия завладела ими по праву первооткрывателя: коренные жители — айны — оказались там, когда на острова ещё не претендовала ни одна страна. В дни Крымской войны Россия, пытаясь найти новых союзников, уступила юг Курил Японии, а в 1875-м очередной провал русской дипломатии отдал Японии всю Курильскую гряду в обмен на юг Сахалина. По результатам Второй Мировой войны гряда, ставшая к тому времени северной базой японского военно-морского флота, отошла СССР.

Но после этого советские политики сделали подряд три непоследовательных шага. Для начала СССР — правда, в условиях холодной войны — не подписал в 1951-м в Сан-Франциско мирный договор с Японией, утверждавший результаты войны. В 1956-м Хрущёв согласился по заключении договора передать Японии Шикотан и Хабомаи, лежащие южнее северной оконечности японского острова Хоккайдо. Наконец, Горбачёв в 1991-м — уже когда искал союзников любой ценой — заявил о наличии нерешённой территориальной проблемы.

С тех пор Япония объявила передачу южных Курил предварительным условием налаживания хозяйственного взаимодействия. СССР был во взаимодействии не слишком заинтересован. Россия же, стремясь вписаться в мировой рынок, остро нуждается в партнёрстве с одним из экономических гигантов. Поэтому японское давление в последние годы нарастает. А поступиться суверенитетом невозможно: и общество не поймёт, и прецедент создавать опасно.

Тактика России пока сводится, по сути, к затягиванию решения в надежде на изменение позиции партнёра: Япония уже лет десять пребывает в заметной депрессии, так что изрядно нуждается в российском рынке. Но, как отмечено выше, положение России может в любой момент измениться к худшему, так что тактика отсрочек для нас уже неприемлема.

Итак, мы — а заодно и Япония — оказались в политическом тупике, созданном противоречиями целей, обещаний, надежд. Выход же из тупика надо искать в перпендикулярном направлении, переходе

от прямолинейных шагов в иную плоскость. Нужен ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРЕАТИВ.

Прецеденты

Территориальные споры — один из основных движущих мотивов политической истории. Далеко не всегда они решаются силовым путём. Мировой практикой успешно опробовано множество способов мирного решения (см. историческую справку «Совладения»). А в нашем случае возможны даже совершенно экзотические приёмы. Теоретически, например, Япония может выкупить Крым — политическое и экономическое положение Украины так неустойчиво, что полуостров обойдётся очень недорого (если платить не в казну, а местным политикам, то можно вообще уложиться в 20–30 миллиардов) — и затем обменять его на Курилы, тем самым удовлетворив и свои, и российские чаяния.

В курильском споре одно из определяющих условий — отсутствие у России ресурсов для самостоятельного хозяйственного освоения островов: даже в советское время там использовалась в основном инфраструктура, унаследованная от Японии. Поэтому наилучшим представляется принцип, использованный на Шпицбергене. Абсолютный юридический суверенитет над этим архипелагом одной стороны — в данном случае Норвегии — не оспаривается никем. Но другая заинтересованная сторона — Россия — имеет такое же, как и местные хозяйствующие субъекты, право на экономическую деятельность.

Щедрая земля

Правда, на Курилах активность восточного соседа сама по себе чревата немалыми финансово-экономическими рисками. Ведь хозяйственное значение спорных островов огромно. На Итуруп вулканические газы выносят на поверхность столько же редкого и ценного металла рения, сколько его потребляется во всём мире (причём в России других источников рения вообще нет). Запасы нефти и газа на континентальном шельфе — по меньшей мере полтора миллиарда тонн условного топлива. Около 40 миллионов тонн титана, 120 миллионов тонн серы, множество других полезных ископаемых — прежде всего цветных металлов — оценены в десятки миллиардов

долларов. И это не говоря о возобновляемых ресурсах: допустимый вылов рыбы, крабов и прочей морской живности — порядка миллиона тонн в год (кстати, немалая часть улова уже сейчас, независимо от принадлежности Курил, беспрепятственно уходит в Японию — перекупается у наших рыбаков прямо в море, в обход таможни, а то и попадает прямо в сети японских браконьеров). Общая цена островов — по оценкам специалистов — по меньшей мере полтриллиона долларов.

На этом фоне богатства Шпицбергена меркнут: запасы угля там почти исчерпаны, нефти и рыбы куда меньше, чем в Охотском море, других сырьевых и биологических ресурсов и вовсе нет. Поэтому экономическое напряжение вокруг Курил несравненно больше: политического решения достичь труднее, а совместная эксплуатация чревата постоянными спорами.

Тем не менее, если хорошо посчитать, такой риск вполне окупается. Ведь само это напряжение можно обратить в пользу России. Японский бизнес неизбежно увидит в легкодоступных курильских ресурсах шанс на выход из десятилетнего застоя. Значит, политики, чья отрицательная реакция на любой компромисс вполне предсказуема, окажутся под давлением уже не снаружи, а изнутри страны. Раскол японского общества не так уж сложно использовать в наших интересах. Какие-то особо заинтересованные корпорации не только будут прямо лоббировать цели, выгодные для нас, но и могут даже начать масштабные инвестиции в российскую экономику вопреки мнению собственных властей. Мы же, перебросив мяч на сторону противника, сможем с интересом ожидать, кто — падишах или ишак — усохнет первым.

Совместное хозяйство

Кстати, соблазнять японцев мы можем не только — и не столько — сырьём в чистом виде. Нормализация отношений с давних времён ассоциируется у них ещё и с открытым доступом к российским технологиям. Япония почти не разрабатывает принципиальные новшества. Она в основном скупает и доводит до коммерчески выгодного состояния сторонние находки и открытия. Так, японская чёрная металлургия первой в мире полностью перешла на советскую кислородную конверсию чугуна.

Поэтому можно предложить японцам создание на островах совместных производств и технопарков. Например, итурупский рений — повод для создания технического центра широчайшего профиля: этот металл применяется в бесчисленных экзотических сплавах и тонких химических технологиях.

Совместную работу можно выставить условием допуска на острова. Так Япония будет включена в нашу экономику — даже против воли своих политиков.

Суверенная экология

Увы, и в самой России предлагаемое решение удовлетворит далеко не всех. Причём не только среди политиков, влюблённых в собственные заклинания о пяди земли. Их как раз можно убедить, что ограниченный суверенитет — в первую очередь СУВЕРЕНИТЕТ, который все мы должны защищать, и лишь во вторую ограниченный. Причём степень ограничения тонко регулируется договорами.

Не менее важно, что российский бизнес по мере развития тоже наращивает интерес к южнокурильским природным богатствам. Значит, даже если японцы развернут на островах широчайшую активность, очень скоро наши лоббисты начнут добиваться вытеснения нежелательных конкурентов. Причём добиваться тем активнее, чем успешнее будет японское хозяйствование: оно скорее всего начнётся с создания серьёзной — и соблазнительной — инфраструктуры.

Шпицбергенский опыт показывает: технология такого вытеснения проста. Норвежцы практически парализовали российских угольщиков, всего лишь распространив на архипелаг свои экологические нормы. Правда, японцы, располагая высочайшими технологиями, могут легко справиться с нормами несравненно более жёсткими, нежели нынешние — и даже предполагаемые в перспективе — российские. Но, как видно на том же Шпицбергене, ничто не мешает суверенному владельцу территории ввести на ней любые правила, сколь угодно сильно ограничивающие нежелательных деятелей. Причём никакие международные соглашения, формально гарантирующие права иностранных хозяйствующих субъектов, не могут фактически защитить их реальную свободу.

Всемирная репутация

Не исключено, что многие японские бизнесмены и политики заранее поймут всё это и даже постараются противодействовать российской инициативе. Но их контратаки вряд ли будут успешны.

В мировом общественном мнении Россия получит колоссальный выигрыш уже от самого факта своего предложения. Ведь средний гражданин развитых стран давно уже ориентируется не на юридическую принадлежность той или иной территории, а на её фактическое использование. Европейский Союз формально сохраняет границы между своими членами — но кто их замечает? Поэтому российское предложение будет воспринято как небывалая уступка Японии, убедительный пример гибкости российской дипломатии. И теперь уже Россия сможет требовать от Японии встречных ходов.

Более того, Россия имеет куда больше оснований претендовать на Шпицберген, нежели Япония — на Курилы. Поморы появились на Шпицбергене ещё в XI веке — одновременно со скандинавами, а японцы на Курилах лишь в конце XVIII века — почти на век позже русских. Россия и Швеция ещё в 1871-м признали Шпицберген ничейной землёй и договорились использовать его совместно, не отдавая под чью бы то ни было нераздельную юрисдикцию. Курилы же никогда не считались бесхозными. Шпицберген ни разу не переходил из рук в руки принудительно: Норвегия обрела нынешние права по соглашению всех заинтересованных сторон, включая Россию (кстати, в число участников и соавторов Парижского договора 1920-го года входит и Япония, так что наши политики могут сослаться на её собственный опыт). Япония же утратила права на Курилы в полном соответствии с международным правом, считающим принудительное изъятие территорий допустимой формой наказания агрессора, и сама — по мирному договору 1951-го года — признала свою утрату необратимой. То, что СССР не участвовал в сан-францисской церемонии, не отменяет ни самого факта поражения Японии во Второй Мировой войне, ни его юридических последствий.

Так что если уж и Япония (1920), и Россия (1924) признали «полный и абсолютный суверенитет» Норвегии над Шпицбергенем, то Япония и подавно должна признать Курилы российским владением. Пусть признание будет обставлено изящными японскими словами о доброй воле и добрососедских отношениях. Россия столь же изящно

скажет о мостике сотрудничества, сошлётся на эпоху, когда на островах жили не только айны, но и японцы, и т. п. Все красоты не отменяют главного — юридического признания Японией российского суверенитета.

Международный контекст

Правда, любое мирное разрешение спора обрадует далеко не всех. Например, США весьма заинтересованы в напряжении, ослабляющем одного из главных конкурентов. Обретя полномасштабную связь с российским рынком, Япония может выйти наконец из многолетнего застоя. А за океаном ещё помнят панику 1970-х, когда японские корпорации готовы были скупить чуть ли не весь американский бизнес. Даже в нынешнем состоянии Япония контролирует немалую часть американского авторынка, а с рынка бытовой электроники фирмы США вообще давно и повсеместно ушли.

Вдобавок переход южных Курил к Японии закупорил бы основную часть российского Тихоокеанского флота: проливы в северной части гряды куда менее удобны для судоходства. Япония же лишилась бы надежд на добрососедское партнёрство с Россией: наше общественное мнение никогда не простило бы потери территорий. Значит, Япония навсегда осталась бы всего лишь сателлитом США: в противостоянии с Китаем ей нужен достаточно мощный противовес.

По счастью, США сейчас далеко не всемогущи. Втянувшись — сперва в Афганистане, а затем в Ираке — в затяжной конфликт (по сути, со всем миром ислама), великая держава утратила немалую часть влияния на положение дел в прочих регионах. Япония же может и вовсе отвергнуть слишком уж открытое давление — а нынешнее руководство США, похоже, не способно на более тонкие манёвры. Следующий же президент, вероятнее всего, будет достаточно умён, чтобы предпочесть мирные решения всюду, где они возможны.

Кроме того, нашим союзником может оказаться Китай. Он, конечно, не желает усиления своего традиционного оппонента. Но прецедент территориального передела для него сейчас тоже невыгоден. Китай, правда, претендует на многие сопредельные территории — но и сам является объектом немалого числа аналогичных претензий. Поэтому он предпочёл бы решение, хотя бы формально сохраняющее status quo. А уж очередное усиление влияния США в регионе,

неизбежное при передаче южных Курил, для Китая и вовсе неприемлемо. Вдобавок шпицбергенский вариант даёт ему надежду подключиться к хозяйственным ресурсам Курил — Китаю тоже пригодится минеральное сырьё.

Многоходовая комбинация

Итак, в нынешней позиции гроссмейстерским путём к победе в затянувшейся курильской партии следует признать экономическую жертву. Понятно, что она будет временной. Россия сейчас всё равно не располагает свободными средствами для серьёзного хозяйственного освоения курильских богатств. Японские же инвестиции обернутся не только налоговыми сборами, но и новой инфраструктурой, доступной отечественному бизнесу. И он — равноправный с зарубежным — наконец развернётся «на самых дальних наших островах».

Политический же выигрыш России несомненен. Япония наконец получит предложение, от которого невозможно отказаться.

Стратегема 4. Редкие земли

К сожалению, наше предложение по Курильской гряде — придать её южной части статус, сходный со Шпицбергом, где Россия не оспаривает суверенитет Норвегии, но пользуется свободой хозяйственной деятельности — пока не востребовано. Между тем сама эта хозяйственная деятельность куда соблазнительнее, чем на Шпицбергене.

Металл для двигателей и топлива

Упомянутое выше месторождение — опора для несметного множества высоких технологий.

Этот элемент — один из редчайших в мире: примерно 13 тысяч тонн — около 3500 в молибденовых рудах и 9500 в медных. Как видно, основная его часть рассеяна в виде трудноуловимой примеси к другим элементам (в основном — к молибдену и вольфраму, стоящим выше в том же столбце таблицы Менделеева, то есть имеющим во многом сходные с рением химические свойства: в медных рудах рения больше просто потому, что самой меди на Земле несравненно больше, чем молибдена и вольфрама вместе взятых).

В то же время его применения трудно даже перечислить. Даже громадная цена (около \$5000 за килограмм) не помеха. Достаточно отметить, что катализатор из платины с рением резко увеличивает выход высокооктановых сортов бензина из нефти, а присадка рения в некоторые сорта стали резко повышает их жаростойкость (так, сопла и лопатки турбин реактивных двигателей содержат до 6 % рения), что позволяет резко поднять рабочую температуру многих видов моторов и тем самым существенно улучшает их экономичность. В ближайшие десятилетия мировая промышленность будет потреблять 40–50 тонн рения ежегодно (из них 1/5 предполагается добывать из руды, а остальные 4/5 — переработкой вторичного сырья).

Итурупское месторождение — единственное, где рений выгодно добывать сам по себе, а не попутно с другими металлами. Вулканические газы выносят из недр до 20 тонн этого металла (по нынешним ценам — сотня миллионов долларов) в год. Но сейчас почти весь рений оттуда уходит с газами в атмосферу: на острове осело всего 10–15 тонн. Перехватить и переработать весь газ сможет только очень большая и сложная конструкция. Создать её можно только с использованием опыта многих разных отраслей химии. Поэтому сотрудничество РФ с Японией — скорее всего единственный для обеих стран способ добраться до громадного источника ценнейшего сырья.

Приправы для хайтеха

Рений — лишь один из множества примеров ценности металлов, употребляемых в сравнительно небольших количествах. Редкие (и прежде всего редкоземельные — химически столь сходные, что в таблице Менделеева им отведена отдельная строка, словно вписанная в клетку лантана) металлы придают многим конструкциям свойства, не достижимые другими путями.

Приведём только один пример. В айпаде и оборудовании для его производства используется по меньшей мере 17 редких металлов (Apple держит в секрете конструкторскую и технологическую документацию, так что число может быть и больше): в литий-ионной батарее планшета используется лантан, в боковых магнитах для крепления смарт-крышки — неодим, при полировке стеклянной крышки экрана применяется оксид церия и так далее.

Кстати, с церием многие сталкиваются повседневно. Газовые зажигалки с электроискровым поджигом всё ещё не до конца вытеснили классические — бензиновые и газовые с кремнем. Но цилиндрик, откуда зубчатое колесо высекает искру, давно уже не делают из кремня: его заменил сплав железа с церием, искрящий несравненно сильнее и эффективнее.

Зажигалочные кремни — одно из самых расточительных применений редких металлов. Из высокотехнологичных конструкций можно вновь выделить даже мельчайшие примеси, дабы использовать их заново. Цериевые же искры пропадают в воздухе бесследно. Правда, церий — распространённейший из лантаноидов, так что его не слишком жаль. А вот всё остальное днём с огнём не сыскать: эти металлы потому и редкие, что нигде не скапливаются.

Грязная работа

Чтобы извлечь редкие металлы из руд, где они встречаются только в качестве незначительных примесей, требуется сложная многоступенчатая переработка. Многие этапы её сопровождаются выбросами, опасными для окружающей среды.

Даже если работать не с исходной рудой, а с отходами процесса выделения более распространённых металлов (в этих отходах, естественно, концентрация редких металлов выше), всё равно нужно проделать ещё много манипуляций с соответствующими вредностями.

Китай, добиваясь роли «мастерской мира», охотно брался за всё, чего чурались страны побогаче. В частности, там создали громадные промышленные мощности по выделению редких металлов. Природу они, конечно, загадили основательно — зато постепенно руды и отходы, содержащие эти металлы, со всего мира стали свозить именно в Китай: там их выделение — как раз вследствие экономии на защите окружающей среды — обходилось дешевле.

В конце концов львиная доля предприятий, решающих эту же задачу в других странах, не выдержала конкуренции. Китай стал фактическим монополистом в отрасли: он обеспечивает по меньшей мере 95–97 % нынешнего мирового потребления первичных (а не выделенных из вторичного сырья) редких металлов.

Изом продаём только в булках

Экономисты учат: монополия порождает злоупотребления. Китайская редкометалльная монополия — не исключение.

Для начала Китай резко ограничил поставку редких металлов в Японию — в знак протеста против её претензий на несколько тихоокеанских островов. Сами острова мелкие, зато их шельф изобилует всякими вкусностями вроде нефти. Посадить конкурента на голодный паёк — серьёзный довод в споре.

Правда, Япония не слишком пострадала: в ней есть целых три фирмы, специализирующихся на извлечении редких металлов из отслуживших своё изделий и деталей (и они в свою очередь монополисты в своём деле: например, американские переработчики электронных приборов не умеют извлекать эти металлы, а вынуждены продавать свои полупродукты японцам).

Зато следующий ход Китая затронул практически весь мир. Китай теперь вовсе не продаёт редкие металлы в чистом виде — только в составе изделий. Хочешь сделать что-то высокотехнологичное (а нынешнее поколение высоких технологий немыслимо без редких металлов) — делай в Китае.

Раньше Китай привлекал иностранных инвесторов только дешёвой рабочей силой. Но эта приманка не вечна: по мере развития экономики растут и потребности работников. Сейчас найти в Китае рабочего, согласного менее чем на \$200 в месяц, уже довольно трудно. Сами китайские деловые люди постепенно переносят многие производства в Камбоджу, Вьетнам...

А вот монополия на дефицитное сырьё может длиться десятилетиями. Заводы по выделению редких металлов в большей части мира уже закрыты или перепрофилированы. Создать отрасль заново довольно трудно: за четверть века вынесения промышленности в страны с дешёвой рабочей силой запад отвык от грязных производств, и массовые протесты неизбежны.

Правда, США уже подали на Китай иск в ВТО: запрет противоречит правилам свободной торговли. Но Китай давно накопил опыт борьбы с подобными исками: он пользуется всем изобилием юридических зацепок, позволяющих затянуть рассмотрение на десятилетия. А там видно будет.

По слухам, отец реформ китайского социализма Дэн Сяопин сказал: у арабов есть нефть, у нас будут редкие металлы. Далеко

глядел мудрец!

От Курил до Якутии

Вулкан Кудрявый на Итурупе может обеспечить нам и нашим потенциальным японским партнёрам решение рениевой проблемы. Но другие редкие металлы там не выбрасываются. Зато месторождение близ якутского посёлка Томтор содержит едва ли не всю редкую часть таблицы Менделеева. Из одной тонны тамошней руды можно в принципе получить редкие металлы и попутные полезные продукты примерно на \$9000 (9/10 этой цены придётся на металлы).

Китай, естественно, всерьёз отнёсся к угрозе подрыва своей монополии. Как только было принято стратегическое решение разрабатывать томторскую руду, он предложил свои услуги в организации производства. По счастью, РФ не угодила в столь выгодную ловушку. В 2014-м году первый аукцион на право разработки томторского месторождения выиграло совместное предприятие российской государственной корпорации Ростех и российского же комплекса ИСТ, специализирующегося на прямых инвестициях в реальный сектор экономики.

Тем не менее даже эти два почтенных учреждения не располагают всем спектром технологий, способных использовать томторское сырьё. Более того, и вся нынешняя российская экономика может эффективно переработать не всё. Часть добытого неизбежно придётся продавать в сыром виде.

Взять недостающие технологии можно, например, в той же Японии. Но понятно, что сама она вряд ли захочет ими делиться: всё могущество этой крошечной группы островов опирается на умение легко копировать созданное другими, в то же время не позволяя другим копировать созданное ими.

Следовательно, придётся прибегнуть к китайской идее — разрешить экспорт продукции Итурупа и Томтора только в составе готовых изделий.

Конечно, и тут есть риск: например, в позднеперестроечные времена, когда разница официального и реального курса рубля делала выгодным вывоз чего попало по любой цене, некто экспортировал большую партию больших дворницких снегоуборочных лопат, изготовленных из толстого титанового листа — так он обошёл запрет

экспорта этого стратегического сырья. Но с тех пор наши контрольные органы научились выявлять подобные трюки (и даже выявлять в своих рядах тех, кто за соответствующее вознаграждение закрывает на них глаза). Так что скорее всего нам удастся принудить Японию размещать у нас свои производства если не последнего, то предпоследнего поколения. Особенно если не только её, но и, например, Европейский Союз привлечь к использованию российского запаса редких металлов.

Послесловие авторов

Как видно из всего вышеизложенного, Российская Федерация располагает немалыми природными и техническими возможностями, чтобы замкнуть через себя не только трансевразийские транспортные связи (что сейчас широко обсуждается в связи с проектами развития Северного морского пути, Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей), но и хозяйственные взаимодействия едва ли не со всей Евразией. Более того, мы можем добиться, чтобы наша страна стала незаменима в качестве источника не только сырья (что может в принципе сохраниться даже в случае распада или раздела государства), но и жизненно важных для всего мира производств (их сохранение почти невозможно в случае серьёзных потрясений, организованных извне), и повсеместно востребованных творческих идей (они могут появляться только в рамках русской цивилизации: попытка заменить её подражанием любой зарубежной культурной традиции приведёт к тому, что наш народ не сможет придумывать неожиданное для других, то есть источник идей будет утрачен).

Чем больше мы создадим нужного другим, но возможного только в наших условиях — тем сильнее мир будет заинтересован в продолжении нашего самостоятельного существования и совершенствовании наших внутренних условий. Как сказано в приведенной здесь статье «Активная безопасность», нужность для других — лучшее средство обеспечения собственного благополучия.

Конечно, обеспечение такой зависимости других от нас требует немалой дальновидности. К сожалению, её в мире всегда не хватает. Черчилль сказал: политический деятель думает о следующих выборах, государственный — о следующих поколениях. Частота выборов в большинстве стран, пока ещё именующих себя развитыми, способствует накоплению там политических деятелей в таком

количестве, что для государственных почти не остаётся места. По счастью, в Российской Федерации есть люди столь популярные, что в результатах выборов они всегда уверены, а потому могут себе позволить взгляд в отдалённое будущее — и, в частности, позаботиться о долгосрочной взаимовыгодности связей других государств с нами.

Надеемся, что приведенные в этой книге предложения действительно нужны другим. И постараемся в дальнейшем придумывать столь же полезные решения. А будут ли они востребованы нашими собственными политиками — зависит уже не столько от нас, сколько от них. И от всех наших читателей: общественное мнение, поддерживающее наши разработки — мощный стимул к их применению государственными деятелями.

Приложения

Каждое из предложений, приведенных в этой книге, работоспособно и само по себе. В то же время все они проистекают из нескольких общих концепций, позволяющих разработать и решения многих других сложных задач, стоящих перед нашим обществом. По ходу работы над книгой мы обсуждали её со многими коллегами (в частности, с автором предисловия Александром Сергеевичем Мишариным и профессором, руководителем многих наших текущих работ, Николаем Николаевичем Карнауховым). В результате обсуждения мы пришли к выводу о необходимости включения в книгу кратких обзоров некоторых концепций, использованных при разработке предложений.

Приложение 1

Надстройка меняет базис

Государство — неотъемлемый участник хозяйства

Практически все наши соотечественники, получившие образование в советское время, знакомы с марксистским делением всей структуры и деятельности общества на экономический базис и политическую надстройку над ним. Те, кто изучал это деление

серьёзнее, знают: надстройка существует не только политическая, но и культурная. Культурная в свою очередь делится на множество направлений — от образования и здравоохранения, непосредственно связанных с производственной сферой (ибо они производят главное средство производства — умного и работоспособного человека), до искусства, на первый взгляд вовсе не практичного, но способного в определённых обстоятельствах повлиять на все остальные (так, Эйнштейн говорил, что Достоевский дал ему для понимания природы куда больше, чем все учебники физика, а в эпохи общественных потрясений артисты и писатели становятся вождями народа). Но в любом случае из самого выбора терминов вроде бы очевидно: именно экономический базис определяет ключевые черты общества, и всё разнообразие возможных надстроек над ним может лишь незначительно повлиять на некоторые второстепенные черты повседневной жизни.

Ещё при жизни Маркса эта очевидность породила политическое течение, названное легальным марксизмом. В противовес позиции самого Маркса, считавшего неизбежными революционные сломы плавного хода развития (он называл революции повивальными бабками истории), легальные марксисты не видели надобности в насильственных действиях. В самом деле, если общество в основном определяется своим экономическим базисом, то достаточно дождаться нужного уровня развития этого базиса — и всё остальное подстроится под него само собою, без специальных усилий и тем более без потрясений.

Сам Маркс тоже питал сходную надежду. В частности, в 1862-м году, в ходе подготовки учредительного съезда Международного товарищества рабочих^[104], он отметил: пролетарии Британии могут выкупить страну у буржуа. Разумеется, не одним платежом, а в рассрочку: гарантировать каждому собственнику сохранение прежнего уровня дохода^[105], что уже само по себе достаточно ценно с учётом возможных банкротств и кризисов (а классические кризисы перепроизводства тогда случались в каждом десятилетии). Сами же пролетарии могли улучшить своё благосостояние благодаря улучшению эффективности хозяйствования вследствие управления всем производством как единым целым.

К сожалению, в те времена не были известны ни математическая структура задачи планирования, ни даже понятие вычислительной сложности. Только через век с лишним после предложения Маркса показано: число арифметических действий, необходимое для построения точного оптимального плана, пропорционально числу названий предметов (в том числе и мелких деталей вроде винтов с гайками), чьё производство планируется, в степени примерно три с половиной. В эпоху Маркса вся промышленная номенклатура составляла всего несколько десятков тысяч предметов, и план теоретически можно было вычислить вручную (на счётах и арифмометрах) в разумное время. Ныне производится примерно сотня миллионов названий (если исключить явные дубликаты вроде производства одного и того же аспирина под десятком фирменных марок просто потому, что название «аспирин» — торговая марка компании Bayer). Весь нынешний мировой компьютерный парк точно спланирует их производство за пару веков. Поэтому приходится пользоваться приближёнными способами расчёта плана. А из них (как показано тоже через век с лишним после создания Интернационала) наилучший по суммарной производительности труда на всех направлениях хозяйственной деятельности — тот, что известен под названием рыночной экономики^[106]. У него, правда, есть множество недостатков — но с ними пока приходится мириться ради этого неоспоримого достоинства.

Впрочем, мириться осталось недолго. Уже в начале 2020-х годов суммарная вычислительная мощность мирового компьютерного парка позволит в облачном режиме (на компьютерах, подключённых к Интернету, в промежутках между решениями пользовательских задач) вычислять полный точный оптимальный план всего мирового производства менее чем за сутки — чего более чем достаточно, чтобы управлять мировым хозяйством «в реальном времени», учитывая любые перемены (от изобретения до землетрясения) наилучшим возможным способом. При этом исчезнут потери, порождаемые нестыковками бесчисленных звеньев хозяйственного механизма, и суммарная производительность труда вырастет, по теоретическим оценкам, в 3–5 раз. Громадная и неоспоримая выгода! Так что же, предложение Маркса наконец осуществится и мир плавным мирным путём перейдёт ко всеобщему и полному социализму?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратим внимание: на противоположном — крайне антимарксистском — краю спектра экономических учений господствует та же вера в безоговорочное и однозначное главенство базиса над любыми надстройками. Глобалисты уверяют: раз весь мир использует одну и ту же хозяйственную систему (уже упомянутую рыночную экономику) — значит, и образ жизни должен быть один, и культура одна, и даже язык один (не зря англичане шутят: самый распространённый в мире язык — ломаный английский).

Даже местные особенности, продиктованные объективными обстоятельствами, надлежит устранять. Так, по всем тропическим странам распространён обычай сиесты — отдыха в самое жаркое время дня. Но руководители большинства транснациональных компаний требуют от своих сотрудников по всему миру соблюдения сложившегося в Северной Европе, откуда родом большинство традиций современного рыночного хозяйства, стандартного графика работы — с минимальным обеденным перерывом. По их мнению, даже немалые энергозатраты на кондиционирование (в основном — в кабинетах руководящего персонала) и заметное снижение производительности труда рядовых работников (на открытом воздухе или в некондиционируемых помещениях) не так страшны, как дурной пример расслабленности в разгар рабочего дня.

Полагаем, примера сиесты уже достаточно, чтобы увидеть: экономический базис определяет надстройку далеко не полностью. Правда, тут можно сказать: природные условия напрямую воздействуют на условия хозяйствования, а посему их надлежит рассматривать как часть базиса. Но немногим меньшее влияние на эти же условия оказывают, например, привычный рацион питания работников или стиль популярных народных танцев (от него зависит вся пластика движений, а она в свою очередь определяет, например, оптимальную расстановку ткацких станков, обслуживаемых одним человеком, или размещение лючков для обслуживания оборудования) — а это уже явная надстройка.

Ранний марксизм трактовал противоборство протестантов с католиками и раскол православия как борьбу нарождающейся буржуазии, чьи интересы отражали протестанты на западе Европы и старообрядцы на её востоке, с феодалами. Но в 1905-м году один из

основоположников социологии Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма» показал: протестантизм сам по себе определил значительную часть особенностей буржуазного общества, отфильтровал из раннерыночных отношений именно те, что определили многие отличия капитализма от всех предыдущих формаций. Религия — несомненная надстройка! — радикально повлияла на базис.

Образование и наука — столь же несомненные надстройки. Но чем выше средний уровень образования работников, чем чаще совершаются научные открытия, чем больше инженеров и изобретателей создают на основе этих открытий новые технологии и конструкции — тем быстрее развиваются и совершенствуются производительные силы, то есть часть экономического базиса. И соответственно тем быстрее созревают условия для изменения производственных отношений — другой части всё того же базиса. Поэтому, кстати, те, кто заинтересован в неизменности производственных отношений, зачастую вполне откровенно препятствуют образованию и науке.

Из всего этого можно сделать вывод: даже когда плановое хозяйство (и необходимое для его работы обобществление всех средств производства — социализм) станет выгоднее рыночного (и нужного ему распыления владения производством — капитализма) уже по всем показателям без исключения, значительная часть владельцев средств производства будет сопротивляться необходимой реорганизации общества — например, для того, чтобы сохранить своё реальное или предполагаемое превосходство над теми, кто располагает только собственной рабочей силой. В мае 2014-го вышел сборник статей одного из авторов этой книги — Вассермана — «Чем социализм лучше капитализма», рассматривающий как причины предстоящего перехода к социализму, так и многие проблемы, порождаемые самим этим переходом. Приложение к сборнику, составленное совместно с несколькими другими исследователями этой же темы, содержит перечень исследований, подлежащих завершению ещё в нынешнем десятилетии, дабы переход прошёл практически безболезненно. Одно из важнейших направлений — исследование всего спектра мотиваций к занятию бизнесом, дабы для каждой мотивации (а не только для банального стремления к личному благосостоянию, рассмотренного

Марксом) предложить адекватный заменитель бизнеса, более привлекательный именно для людей, руководствующихся ею. Надстройка — спектр складов характера и личностных причин деятельности — может радикально повлиять на базис — систему организации производства и распределения его результатов.

Сходные соображения породили в начале XX века большевизм — готовность провести социалистическую революцию в стране, где созрели ещё далеко не все условия для социализма. Легальные марксисты предлагали пассивно ожидать этого созревания. Социал-демократы — в том числе российские меньшевики — считали возможным влиять на условия хозяйствования только мирными методами вроде организации профессиональных союзов и давления через них на предпринимателей. Большевики же рассудили: располагая политической властью, можно использовать всю мощь государства, чтобы напрямую и целенаправленно — значит, с наибольшей возможной скоростью — формировать недостающие для социализма предпосылки.

При всей сложности отношения к большевизму в целом и российским результатам его деятельности в частности следует признать: идея сработала. В нашей стране действительно удалось построить социализм в максимально возможной в тот момент (с учётом ограниченности тогдашних технических возможностей планирования) степени. Заметное отставание Российской империи по многим ключевым показателям от других ведущих стран было преодолено за очень малый по историческим меркам срок, а на некоторых важных направлениях мы вырвались вперёд так значительно, что и через четверть века после отказа от целенаправленного развития этих направлений сохраняем превосходство. Причины же нашего возврата к рынку при всём их многообразии почти не связаны с тем, что движение к социализму началось ещё до того, как для него создались все необходимые условия без исключения.

Если надстройка может столь радикально воздействовать на базис — очевидно, не столь значительные влияния и подавно возможны.

Например, узнав по сведениям таможи об импорте, что в стране сложился дефицит какого-то нужного товара, государство не обязано дожидаться, пока невидимая рука рынка^[107] создаст собственное

производство этого товара, а вложить в него казённые средства и затем «отбить» их то ли последующим доходом от продажи готовой продукции, то ли приватизацией (по адекватной цене, а не махинациями вроде залоговых аукционов, когда перспективные предприятия продавались государством банкам за деньги, самим же государством помещённые в эти банки) уже налаженного производства.

Рыночный механизм, как показали многие весьма различные экономические теории, не в состоянии адекватно решить проблему экстерналий — выгод для тех, кто не платит за возможности, предоставляемые каким-либо объектом или процессом. Например, если вырастить зелёную лужайку перед своим домом, выделяемым ею кислородом будут дышать и соседи (в американских пригородах обычно все жители выращивают одинаковые газоны, дабы никто не мог пользоваться тем, к чему сам не причастен). Работодатель, оплачивающий курсы повышения квалификации своих работников, рискует, что после этих курсов они уйдут на другую работу, более соответствующую их новообретённым возможностям, и, в сущности, унесут с собою затраченные им средства. Плодами научных исследований и подавно пользуется весь мир, а не только те, кто за эти исследования заплатил. Собрать же плату за созданные новые возможности удаётся далеко не всегда. Платные автодороги и городские парки организовать несложно — но если мы сделаем платными научные библиотеки, всё равно вряд ли наберём деньги, адекватные расходам на исследования, чьи результаты отражены в журналах, не говоря уж о деньгах, полученных за новые идеи, порождённые чтением этих журналов. Поэтому единственный адекватный способ финансирования работ, порождающих значительные экстерналии — из общественного (и прежде всего государственного, ибо государство — инструмент решения задач, важных всему обществу) кармана.

Вдобавок чем крупнее необходимая производственная структура, тем сложнее собрать рыночным путём средства, нужные для её создания, тем важнее возможная роль государства. В частности, инфраструктура, охватывающая целые города и страны, создаёт громадные возможности развития всё новых производств, но её создание зачастую непосильно частному капиталу — даже путём

воспетого Марксом создания акционерных обществ. Более того, если он её всё же создаёт, то ради своего дохода требует такой оплаты её деятельности, что её использование может оказаться невыгодным: так, высокая плата за железнодорожные перевозки может вынудить перенести основную часть грузопотока на автотранспорт. Даже самые рьяные поборники невидимой руки рынка (за исключением разве что строжайших ортодоксов, вовсе запрещающих государству хозяйственную деятельность — так называемой австрийской школы) признают: инфраструктура — сфера деятельности государства, куда лишь в редких случаях и при особых условиях может заходить частный капитал.

Так, в России железные дороги первоначально строились в основном акционерными компаниями, по образцу Британии. Но довольно скоро стало ясно: разрозненные дороги, обслуживающие нужды небольших по российской мерке — хотя зачастую многократно превосходящих всю Британию — регионов, всё никак не сложатся в единую сеть, соответствующую потребностям всей страны. Пришлось переходить к казённому финансированию — даже если казне для этого приходилось брать займы. Например, крупнейшая в мире Транссибирская магистраль создана с использованием кредитов, полученных во Франции. Значительную часть этих денег пришлось вернуть не золотом, а пушечным мясом: финансовая зависимость России от Франции — далеко не единственная и даже не важнейшая, но всё же весьма значимая причина участия России в Первой Мировой войне. Тем не менее именно эта магистраль обеспечила (и по сей день — при всём развитии авиации, автотранспорта и даже Северного морского пути — обеспечивает) единство нашей страны и нашего хозяйства по меньшей мере от Москвы до Владивостока (а с учётом морских перевозок из того же Владивостока — до Камчатки и Чукотки).

Значение инфраструктуры для успешного развития хозяйства в целом столь велико, что одно из наших исследований на эту тему названо весьма радикально — «Инфраструктура или революция». Мы не раз к нему возвращались, и для этой книги оно в очередной раз доработано. Прежде чем перейти к нему, особо отметим: роль государства в развитии инфраструктуры — очевидный пример важности влияния надстройки на базис.

Приложение 2

Инфраструктура или революция

Как не вернуться к Марксу

Среди известнейших эпизодов «Повести временных лет» одно из почётных мест занимает рассказ о приглашении варяга Рюрика на новгородское княжение (с естественной претензией на киевское великое княжение — что, впрочем, удалось лишь после его смерти опекуну его сына Игоря — вещему Олегу). А в этом рассказе знаменитейшая фраза — «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет».

Правда, при детальном рассмотрении прелесть истории несколько блекнет. Летописная фраза касалась всего лишь порядка престолонаследия. Старейшина ильменских словен (по другим летописям — князь) Гостомысл умер, не оставив наследников мужского пола. И среди многочисленных претендентов на престол победил родственник (по сведениям разных летописей, то ли зять, то ли внук) покойного Рюрик, как снег на голову вернувшийся с Запада. Очевидно, помогла ему в этом его варяжская дружина, составленная из западных славян, свеев и норвежцев.

Впрочем, историческая память сильнее достоверности. С тех самых летописных временных лет укоренилась у нас всеобщая убеждённость в несметном богатстве России и полной неспособности самих россиян использовать эти богатства сколько-нибудь разумным образом.

Наверное, самое яркое в последние годы выражение этого общего мнения — позиция Андрея Илларионова. Бывший советник по экономике президента России — безудержный либерал, нещадно ругавший даже Гайдара за консерватизм и стремление хозяйствовать целенаправленно — свято верует в пагубность для современной отечественной экономики любых инвестиций. Поэтому, в частности, он ещё в бытность свою советником рекомендовал все нынешние доходы, проистекающие из непредвиденно благоприятной конъюнктуры мирового рынка сырья, употребить исключительно для

выплаты внешних долгов и создания резервов на будущее — не столь удачные — времена.

Конечно, идеи Илларионова, как и любая крайняя точка зрения, были рассчитаны не столько на немедленное и неукоснительное исполнение, сколько на внимательное и разностороннее обдумывание. Но в значительной степени они уже осуществлены: создан и доселе действует (в разных формах и под разными названиями) резервный фонд — гигантский пылесос для откачки денег из экономики. Правда, со всеми неожиданно свалившимися из скважины богатствами вряд ли кто-то расстанется добровольно — но всё же значительная их часть даже во время нынешней Второй Великой депрессии, когда на счету каждый грош, уходит из российского хозяйства в зарубежные кубышки.

Тем не менее жемчужное рациональное зерно в этой куче рассуждений обнаружить несложно. Все испробованные доселе способы обращения со сверхдоходами явно приносили нам больше проблем, чем решали.

Например, первые нефтедолларовые фонтаны, щедро оросившие СССР после арабского нефтяного эмбарго конца 1973-го, и впрямь обернулись импортным продовольствием и ширпотребом в магазинах многих наших крупных городов. Но немалая их часть воплощена в тысячи межконтинентальных ракет и десятки тысяч боеголовок. А последующий опыт показал: для надёжной обороны страны от внешней опасности хватило бы и десятой доли этого арсенала.

Не меньше нефтедолларов ушло на десятки тысяч танков. Тут, впрочем, военное обоснование было. Генштаб вычислил, сколько танков будет уничтожено ядерными ударами НАТО, и добился такого их изобилия, чтобы до атлантического побережья докатилась должная доля советской броневой лавины. Это оказало на западные горячие головы куда большее отрезвляющее воздействие, чем неотвратимость ядерного возмездия: гарантированное взаимное самоубийство может и не состояться именно вследствие взаимности, а вот оккупация Западной Европы была осуществима и технически, и психологически.

А вот какую пользу принесли нам и всему миру десятки миллиардов, ушедшие на вооружение экзотических режимов, обещавших взамен полюбить нас и заняться строительством

социализма — сказать сложно. Хотя бы потому, что оба эти обещания, как правило, оставались невыполненными.

Главным же последствием нефтедолларового изобилия оказалось окончательное свёртывание косыгинских реформ — второй (после ленинской Новой Экономической Политики) попытки сформировать эффективный рынок под строгим политическим контролем ради соблюдения социальной справедливости. Ещё лет через десять ту же идею воплотил в Китае Дэн Сяопин. А мы так и остались на месте, постепенно заменяя импортом естественную убыль продукции собственных — практически не обновлявшихся (в 1975–85-м годах львиная доля амортизационных отчислений промышленности перечислялась на финансирование оборонных производств) — предприятий. Когда очередное (по многим сведениям — искусственно спровоцированное, но на самом деле и естественных причин вполне хватало) колебание нефтяной конъюнктуры вышибло топливную подпорку из-под отечественной экономики, выяснилось, что иных устоев у страны давно уже нет. Лихорадочная попытка возвести временные крепления — так называемая перестройка — результатов не дала: Союз рухнул.

В уменьшенном масштабе то же самое повторилось и в эпоху гайдариномики. Скромное благополучие, поманившее нас в 1995–1997-м годах, покоилось на очередных всплесках нефтяных цен, распродаже остатков государственных предприятий да ещё на безудержном заимствовании. Распорядиться этими — не столь уж малыми — деньгами, вероятно, можно было и хуже, чем удалось тогдашнему правительству. Но, судя по размаху последствий августовского обвала, вряд ли намного хуже.

Память о столь тяжких последствиях каждого проблеска изобилия никак не добавляет оптимизма аналитикам, оценивающим нынешнюю российскую экономическую политику. Более того, те же аналитики дружно отмечают: многочисленные попытки направить полученные деньги на внутренний рынок дали явно неблагоприятные результаты. Так, поддержание курса рубля уменьшает конкурентоспособность отечественного производства. Увеличение социальных выплат чревато новыми вспышками инфляции — непрогнозируемыми, а поэтому не трансформируемыми в производственную деятельность. Наконец, собственные инвестиции государства в промышленность всегда и

езде отличались низкой эффективностью, а в условиях смешанного рынка теоретически способны прямо противодействовать усилиям частных предпринимателей — легко ли конкурировать с государством, имеющим право не беспокоиться о рентабельности своих затрат!

В то же время последовать илларионовским (да и вообще либертарианским, то есть требующим полной экономической свободы личности без оглядки на общество и на этом основании воспрещающим государству прямое участие в какой бы то ни было полезной деятельности) рецептам в полном объёме тоже вряд ли удастся. Причём совершенно независимо от того, насколько они разумны. В любой — даже самой благополучной — стране достаточно людей откровенно бедных (и зачастую — не по своей вине, а просто вследствие основных принципов рыночной экономики). Они, как показывает мировой опыт, не поймут, почему их в очередной раз отстраняют от дотаций.

Словом, тупик очевиден. Благоприятная конъюнктура нефтяного рынка очень приятна здесь и сейчас — но в долгосрочной перспективе вряд ли намного безопаснее ценовых обвалов, породивших кризисы конца 1980-х и 1998-го года. Ожидать же от правительства разумного распоряжения нынешними богатствами вряд ли приходится. По крайней мере от правительства, следующего модным ныне экономическим теориям. Причём не только официальным, но и исповедуемым всеми основными политическими течениями. Поскольку каждая из этих теорий уже разнообразно испытана на постсоветских просторах.

Как известно, безвыходным положением называется положение, выход из которого не устраивает ни одну из сторон. Наша экономика всё ещё остаётся прежде всего полем конфликта ортодоксальных рыночников со столь же ортодоксальными коммунистами. Первые убеждены, что рынок обязан управляться сам собою, без всякого целенаправленного воздействия. Вторые, напротив, свято веруют: государство обязано затыкать своим телом все амбразуры, не оставляя общественной самодеятельности ни малейшего шанса проявиться.

Как отмечал ещё Гёте, между двумя крайностями лежит не истина, а проблема. В данном случае можно сформулировать её так: государство обязано распорядиться избыточными доходами, не

ущемляя интересы ни социально слабых слоёв населения, ни активных и предприимчивых.

Впрочем, сходная проблема уже возникала перед многими государствами. Острее всего — в период Великой депрессии, начавшейся в 1929-м и полностью исчерпанной разве что во Вторую Мировую войну.

Правда, тогда государства, сражавшиеся с депрессией, не располагали избытком реальных доходов и добывали деньги откровенной инфляцией. Впрочем, в экономическом смысле этот источник мало отличается от налогообложения экспортной сверхприбыли. Инфляция, как известно, тоже налог. Причём затрагивающий прежде всего беднейших — поэтому, в отличие от обложения крупных доходов, не слишком подавляющий экономическую активность.

Как же распорядились правительства 1930-х годов доходами, добытыми теоретически сомнительным путём? На редкость однообразно. Даже столь противоположные политики, как демократ Рузвельт и диктатор Гитлер, вкладывали государственные средства в основном в автомагистрали и военные заказы.

Второй пункт объяснить несложно. Обострение экономических неурядиц породило свирепые политические противоречия между крупными странами и внутри каждой из них. Предвидеть, что эти противоречия рано или поздно перерастут в силовые столкновения, не могли разве что Чемберлен и Даладьё, даже в сентябре 1938-го свято верившие: мюнхенское умиротворение Гитлера породит вечный мир. Любой вменяемый политик обязан был — в соответствии с древней латинской поговоркой — желая мира, готовиться к войне.

Но зачем понадобились автомагистрали странам, пронизанным густейшей железнодорожной сетью? Даже США — по сравнению с Западной Европой изрядно обделённые стальными дорогами — в этом отношении существенно опережали, к примеру, нынешнюю Россию, тоже не испытывающую слишком уж острой нехватки транспортных возможностей. Тем более что кризисный спад производства резко снизил нагрузку на существовавшую транспортную сеть — следовательно, потребности в создании новой сети взяться было неоткуда.

А дело в том, что экономический кризис никогда не бывает связан только с абсолютным перепроизводством. Как показал выдающийся экономист Кондратьев в своей теории длинных конъюнктурных волн (в 1938-м его расстреляли, в сущности, за эту теорию, не во всём соответствовавшую марксистским канонам), самые тяжёлые кризисы порождаются исчерпанием возможностей существующей структуры производства. Соответственно для выхода из кризиса необходимо построение новой структуры.

Причём строить её необходимо на основе новой инфраструктуры.

Например, стагфляция (так назвали экономический застой, сохраняющийся даже при инфляционной накачке), спровоцированная всё тем же нефтяным эмбарго, прекратилась не только благодаря рейганомике — сочетанию жёсткой финансовой политики с лёгкой налоговой. Не меньшую роль сыграло появление в 1981-м персонального компьютера. Массовое внедрение новой вычислительной техники позволило заметно сократить среднее менеджерское звено и снизить омертвлённые складские запасы. Вдобавок оно ощутимо улучшило управляемость производства. Впервые стало возможно в считанные дни подстраивать крупные предприятия под новые требования рынка.

Ещё раньше — в 1930-х годах — перестройка инфраструктуры также принесла новое качество. В отличие от железных дорог, автомагистраль обеспечили доставку грузов «от двери до двери» без перевалок или ожидания попутных составов. Резко возросла гибкость экономики, возможность хозяйственного манёвра. Существенно сократились сроки всех последующих реорганизаций конкретных производств. Следовательно, ускорилось решение всех неизбежно вновь возникающих экономических задач. Это, правда, не уменьшило значения железных дорог: стабильные грузопотоки всё ещё выгоднее (и в обозримом будущем останется выгоднее) перевозить именно по рельсам. Но теперь железные дороги могут подстраиваться под уже сложившееся производство и брать на себя грузопоток именно по мере его стабилизации. Это сокращает затраты на их собственную реорганизацию — и тем самым они также выигрывают от развития автомагистралей.

Заметим: масштабы инфраструктурных преобразований всегда сопоставимы с масштабами всего государства. Поэтому их лишь в

редких случаях удаётся обеспечить исключительно частной инициативой, без государственной организационной и финансовой поддержки.

Разве что британская сеть железных дорог зарождалась на частные деньги, практически без казённых субсидий. Да в США, где государство лишь в XX веке — в результате Великой Депрессии — обрело заметную экономическую силу, железные дороги были сплошь частными (что, между прочим, обернулось немалым хаосом в отрасли: на многих направлениях дороги дублировались и зачастую от безудержной конкуренции одновременно приходили в упадок, а до некоторых важнейших регионов рельсы по сей день вовсе не дотянулись, что снижает рентабельность хозяйствования в них). А на европейском континенте частную железнодорожную инициативу чаще всего подпитывали крупные государственные гарантии, а то и прямые заказы. В России же первые дороги и вовсе были казёнными, а после нескольких десятилетий частного (при государственных гарантиях) железнодорожного строительства государству пришлось вернуться в эту сферу, дабы создать из разрозненных дорог единую сеть.

Кстати, именно благодаря масштабам инфраструктуры вложения в неё не порождают пагубной конкуренции государственных инвестиций с частными.

Конечно, современная экономика нуждается в новых инфраструктурах — прежде всего средствах связи. Но Россия заметно отстаёт от развитых стран и по части прежних инфраструктур — от железных дорог до канализации, от автомагистралей до водопроводов. Поэтому можно даже не особо задумываться над поиском сверхсовременных объектов капиталовложений. Государственным деньгам хватит простора и в классических сферах. Достаточно сравнить желаемый объём автодорожного фонда с фактическим да оценить степень износа железных дорог — и становится ясно: любые нефтяные сверхдоходы можно спокойно тратить внутри страны, причём с бесспорной пользой.

Более того, практически вся существующая отечественная инфраструктура строилась в эпоху плановой экономики, ориентированной на долгосрочное сверхмассовое производство ради покрытия уже бесспорно выявившихся дефицитов. Рынок же отдаёт предпочтение предприятиям не слишком большим, зато очень быстро

перестраиваемым на едва намечающиеся потребности, Поэтому для рынка возможности нашей инфраструктуры недостаточны не только количественно, но и качественно — в силу изменения самих принципов её формирования и деятельности. Следовательно, немалую её часть нужно вообще строить заново, с нуля. Более того, поскольку движущей силой рыночной экономики всегда была и будет конкуренция, придётся создавать некоторый избыток инфраструктурных мощностей — чтобы было кому конкурировать.

Увы, пока роль инфраструктурных реформ в предстоящем выходе из кризиса мало кто у нас понимает. Разве что Москва вкладывает изрядные бюджетные средства в новую внутригородскую сеть передачи информации да в реконструкцию столичного автодорожного лабиринта. Причём вкладывает не только из соображений высокой теории, но и под давлением прямой и очевидной необходимости. Условия в центре города вынуждают мэрию кардинально обновить даже такое сложно создаваемое транспортное средство, как подземная железная дорога (у нас более известная как *metropolitaine* — столичная). Неизбежна и реанимация Окружной Железной дороги, в чьей полосе отчуждения проходят немалые фрагменты Третьего автодорожного кольца (и ранее задуманного Четвёртого, ныне перепроектируемого в систему пересекающихся хорд — магистралей, соединяющих окраины города без захода в центр).

Москву за совершенствование инфраструктуры больше ругают, чем хвалят. Общим местом стало обвинение московских властей в том, что объекты бюджетных вложений выбираются исключительно ради удобства хищений (и даже замена мэра не отменила традицию таких обвинений — слишком уж просто это говорить). Действительно, капитальное строительство предоставляет немалые возможности для разномастного воровства и во всём мире входит в сферу интересов мафии. Но, как писал Андрей Некрасов в «Капитане Врунгеле», всякая селёдка — рыба, но не всякая рыба — селёдка.

Московское хозяйственное положение изрядно отличается от общероссийского. Даже в северной столице вряд ли удастся в точности воспроизвести экономические технологии, чья суть проста: «Любые деньги, которыми государство может распорядиться самостоятельно, должны вкладываться в развитие, совершенствование и переустройство инфраструктуры».

Кстати, сам этот термин можно понимать достаточно широко. В общем смысле к инфраструктуре относится всё, что удовлетворяет потребности общества в целом, а не каких-то отдельных его слоёв или отраслей. Например, вооружённые силы — тоже разновидность инфраструктуры: в любой стране вряд ли найдётся много людей, вовсе не опасующихся никаких угроз извне (хотя особо либеральные российские граждане порою повторяют рассуждения незаконного брата Карамазовых — Смердякова — о желательности победы умных иностранцев над глупыми русскими независимо от последствий).

Особо остро нуждается в дополнительных капиталовложениях жизненно важная часть российской инфраструктуры — правоохранительная система. Условия обычного пребывания в отечественных следственных изоляторах Западная Европа признала пыткой — и, к сожалению, вполне заслуженно: даже после значительных затрат на совершенствование нескольких особо известных заведений этого рода там всё ещё страшнее, чем во многих европейских трущобах. Сократить же сроки пребывания в изоляторах — следовательно, уменьшить их загрузку и тем самым сделать условия не пыточными — можно, лишь резко увеличив и число следователей и судей, и оплату каждого из них (без этого не привлечь действительно квалифицированных специалистов).

Забавно, что многолетние усилия всё той же Москвы по повышению оплаты правоохранителей рассматривались прессой чуть ли не как форма подкупа. Действительно, во избежание распада страны эту сферу может питать только общегосударственный бюджет. Но что делать, если он эту свою бесспорную обязанность не исполняет? Только в последние годы федеральные власти постепенно начали понимать: такое применение избыточных денег не только безопасно в макроэкономическом плане, но и необходимо политически.

Своеобразный вид инфраструктуры — сама земля. Эту её роль часто недооценивают. Но достаточно вспомнить: существование естественных монополий — железных дорог, трубопроводных и электропередающих сетей — порождено не только и не столько ограниченными возможностями капиталовложений в рельсы и насыпи, трубы и провода. Куда важнее ограниченные возможности выделения земли под эти грандиозные сооружения. Мысленно удвоим число

шлагбаумов на автодорогах или излучение от высоковольтных ЛЭП — и легко поймём, какой именно ресурс вынуждает монополизировать столь многое.

Это, конечно, не оправдывает шабаши крайних левых во многих странах при обсуждениях земельных кодекса. Но по крайней мере показывает: дело не только в пиаровских устремлениях партий, жаждущих общественной поддержки. Их оппоненты выпячивают — и справедливо высмеивают — именно эту, чисто пропагандистскую, сторону дела. Но молчат о более глубинных мотивах, на которых левые долго ещё будут строить немалую часть своей политики.

Левым чаще всего терять нечего. Потому что они давно потеряли главное — инициативу. Рыночные партии хорошо изучили все опоры их популярности — и перехватывают даже жёсткие, державнические, авторитарные лозунги (не говоря уж о лозунгах патерналистских). В частности, в Российской Федерации для ностальгирующих по советским временам был создан имидж бывшего советского величия ещё задолго до того, как развитие привело к объективной необходимости возрождения державы, способной влиять на весь ход мировых событий — но коммунисты, не сумевшие это величие удержать и поэтому вызывающие у многих аллергию, сами оказались от столь выгодного имиджа отодвинуты.

Но, например, в Российской Федерации думский бунт против неограниченной торговли землёй вышел за пределы чистой саморекламы. Ведь никуда не делась — и регулярно проявляется на переднем плане политики — реальная опора левых — те слои населения, которым реформы не принесли ничего, кроме потерь. Пусть дела в стране идут в целом к лучшему — но частных случаев, с которых напряжение всё ещё не снимается, более чем достаточно. Поведение коммунистов помогает этим людям понять: им тоже терять нечего. Решая свои тактические задачи, левые лидеры дали взрывоопасной массе наглядное пособие, способное при дальнейшем продавливании рецептов чистого рынка катализировать бунт. Он в России не только (как отметил Пушкин) бессмысленный и беспощадный — но, к сожалению, и закономерный.

Частная собственность на землю отражается на инфраструктуре неоднозначно. С одной стороны, появляется возможность резервировать дороги и энерготрассы, оплачивая неизбежные

неудобства не согласованиями противоречивых интересов, а просто дополнительными деньгами. С другой стороны, эти дополнительные расходы можно возмещать только соответствующим ростом тарифов. Следовательно, инфраструктура может заметно подорожать. А это, как известно, бьёт по всей экономике.

Между тем экономический блок правительства Российской Федерации, похоже, вовсе не ощущает этой угрозы. Это видно, в частности, по его бюджетной политике. Год от года — даже невзирая на нынешний нефтяной бум — сокращаются статьи, связанные с реальным производством (за исключением оборонной его части — её необходимость стала очевидна ещё в связи с началом Второй Великой депрессии, а окончательно доказана воздушным погромом Ливии, вполне послушной Западу, но ставшей неудобной для его сиюминутных планов). И прежде всего — статьи инфраструктурные. В частности, много лет нещадно секвестровалось дорожное строительство. Хотя именно сейчас, пока частная собственность ещё не раздула цену земли, у нас остаётся возможность довести российскую дорожную сеть хотя бы до минимально необходимого в современной экономике уровня. Когда Земельный кодекс начнёт действовать в полной мере, строить бесплатные дороги окажется практически невозможно (уже сейчас дублёры многих стратегически важных магистралей — например, трассы, связывающей два главных российских мегаполиса — строятся как платные, что изрядно бьёт по рентабельности хозяйства вокруг них).

Если государство не вернётся к опережающему развитию инфраструктуры экономики — оно тем самым выстроит инфраструктуру бунта.

Инфраструктурные компоненты, требующие государственной поддержки, можно перечислять долго. Более того, практически каждый из них уже оказывается предметом особой заботы в каком-то из множества разнообразных российских регионов. Так что федеральным властям — и политическим, и экономическим — есть с кого брать пример. Главное — понять: нынешним сверхдоходам можно и нужно найти на отечественных просторах применение, полезное и сию минуту, и в будущем.

Собственно, действительно полезные новшества всегда дают эффекты не только сиюминутные. Например, массовое строительство

железных дорог в Великобритании не только снизило издержки на перевозку угля — ради чего, собственно, местные шахтовладельцы и вкладывали изрядные по тому времени деньги в рискованные проекты Стефенсона. Именно это новое транспортное средство вывело крупнейшую капиталистическую страну из череды кризисов, начавшейся в 1820-х.

Англия к тому времени располагала разветвлённой сетью водных путей — по многочисленным рекам и искусственным каналам. Их пропускная способность вполне соответствовала объёмам производства. Но железные дороги резко ускорили перевозки. Громадные средства, дотоле омертвлённые в перевозимых грузах, направились на реорганизацию предприятий. И очередные кризисы, хотя и нараставшие по абсолютной величине, оказались существенно скромнее по отношению к общему размаху экономики.

Соответственно меньше оказались и социальные последствия новых кризисов. К началу 1840-х рабочее движение дошло уже до требования принять «Народную хартию» — радикально левую конституцию. Но после 1848-го чартизм пошёл на спад — заработать стало проще, чем бунтовать.

Словом, революция, предвычисленная Марксом и Энгельсом на основе всей предыдущей статистики, так и не состоялась. Расчёты классиков были точны — тот же Энгельс около четверти века руководил крупнейшей прядильной фабрикой, а посему располагал изрядными экономическими знаниями. Но инфраструктурная перестройка — замена речных путей рельсовыми — обесценила все сведения, накопленные революционерами ранее. Предвидеть же новые — ещё более радикальные — реорганизации было в ту пору и вовсе немислимо.

В России развитие железных дорог катастрофически запоздало. Может быть, как раз отсюда и рост революционных настроений, и политические взрывы начала XX века, и немалая доля последующих хозяйственных диспропорций, из-за которых мы и социализм так толком и не построили...

При наших просторах железные дороги всё ещё остаются ключевым звеном инфраструктуры. Автомобильные перевозки на такие расстояния — удовольствие слишком дорогое, и все преимущества рыночной вольности не могут вполне их окупить.

Нужной свободы перевозок придётся достигать иным путём — опережающим развитием станционного и сортировочного хозяйства, массовым внедрением малогабаритных контейнеров и прочими сочетаниями магистральной концентрации с локальной гибкостью. А то — опять же инвестиции в совершенствование инфраструктуры.

Ньютон сказал: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». Правда, эти гордые слова — всего лишь эпизод спора за научный приоритет с Робертом Гуком, довольно низкорослым. Но мы сейчас стоим на плечах гигантов уже бесспорных — вроде тех же Маркса и Энгельса. Соответственно и прогнозы наши точнее. Так что можно уже не сомневаться: без инфраструктурных перестроек новый кризис российской экономики неизбежен.

Хватит ли нам решительности, чтобы избежать судьбы, некогда ожидавшейся для Англии? Особенно если учесть превратности самого понимания: что вообще считать нашей страной и какое направление развития выбирать?

Приложение 3

Что считать Россией

Когда периметр спорит с площадью

Скорость роста территории России в XVI–XIX веках поразительна.

Война эпох

Правда, исторических рекордов мы не поставили. Британская империя разрослась — в пересчёте на градус широты владений — ещё быстрее. Да и тринадцать былых британских колоний на атлантическом побережье превратились в громадные Соединённые Государства Америки (как сказано в одной из популярнейших тамошних песен — от моря до моря) всего за век с небольшим.

Впрочем, американским колонистам было легче. Им противостояли в основном разрозненные племена индейцев, постоянно воюющие друг с другом куда свирепее, чем с поселенцами. Французские, испанские, русские владения на континенте удалось мирно выкупить. Северные английские территории — Канада — хотя

и послужили поводом для нескольких войн, но так и остались нетронутыми. Единственный побеждённый военный соперник — несравненно слабейшая (ибо отсталая организационно и экономически) Мексика.

Да и британцы сталкивались с организованным военным сопротивлением редко. Им пришлось долго бороться за господство только на море — сперва с Испанией, потом с Нидерландами. Но на суше значимые государства противостояли им разве что в Индии. Зато там их было так много, что сработал известный ещё с древнеримских времён рецепт *divide et impera* — разделяй и властвуй (и более того, каждое покорённое государство становилось очередным источником военной и экономической силы, используемой при покорении его соседей). В других же местах противник был ещё слабее американских индейцев.

А вот между Россией и её противниками крайне редко бывал разрыв в целую историческую эпоху. Не в последнюю очередь потому, что наша страна и сама развивалась сравнительно медленно. Например, Василий (Ермак) Тимофеевич Аленин — как по внутренней организации своего отряда, так и по экономическому базису, на который он опирался — немногим опережал Кучума. Польша — с нею мы долго спорили за Украину — в некоторых отношениях была даже совершеннее России. Да и Османская империя — у неё мы отвоевали Причерноморье и Кавказ — мало отставала от Российской. Разве что до Средней Азии мы добрались, уже развивая капитализм, а тамошние ханства всё ещё пребывали в феодальной эпохе. Соответственно и заняли мы её без особого труда.

Тем поразительнее результаты нашего исторического пути. Чтобы достичь скорости расширения, сопоставимой с заметно более развитыми странами, народ России должен был обладать несравненно большей пассионарностью — как её ни определяй, каким способом и в каких единицах её ни измеряй.

Единый порыв

Эта же пассионарность проявлялась и во других сторонах жизни народа.

Наибольшая скорость прироста — начало освоения Сибири — эпоха первого русского царя Ивана IV Васильевича. Его войны (от

взятия Казани до провала в Ливонии) и кровавые игры с опричниной — проявления на государственном уровне того же безудержного порыва, который вёл казаков через леса и болота.

Самые дальние владения — Аляска и север Калифорнии — появились в эпоху Екатерины II, заслуженно прозванной Великой. В поэтических строчках

От их пронырства и свирепости

Я в жизни нашей вижу риск —

Держу под выстрелами крепости

Деревню их Святой Франциск

несколько преувеличена напряжённость взаимоотношений русских и испанских колонистов, зато точно указаны границы их владений.

Правда, правнук Екатерины Александр II Николаевич расстался с заморскими землями (ибо опыт Крымской войны указал на затруднительность их обороны при новых противостояниях с Владычицей Морей — Британией) — зато получил от заокеанских покупателей политическую поддержку при завоевании Средней Азии: всё та же Британия, к чьим колониям на юге Азии Россия приблизилась, вовсе не радовалась новому соседу. Само же завоевание прошло сравнительно легко и быстро не в последнюю очередь благодаря громадному духовному — да и материальному — подъёму народа, вызволенного самим же Александром из крепостных пут и начавшего развитие свободной экономики.

Последнее территориальное приобретение империи — Тува — попало под российский протекторат в 1914-м, перед самой Первой Мировой. Россия ввязалась в эту войну не только по неуклюжести Николая II Александровича и его министров (и даже не только по общестратегическим соображениям, указывающим на опасность для России в случае установления в Западной Европе полной германской гегемонии, неизбежной в случае российского невмешательства в войну Германии с Францией). Куда важнее общенародное устремление,

выразившееся в редкостном порыве всеобщего энтузиазма. Тот же порыв, похоже, руководил и организаторами присоединения этого горного района.

Бог дал — бог взял

Увы, после Первой Мировой пошло шагреневое сжатие территории страны.

Первая его стадия оказалась обратимой: в ходе Гражданской войны значительную часть страны удалось вернуть. Перед Второй Мировой вернулось и вовсе почти всё — включая некоторые участки, два десятилетия пробывшие в составе независимых Польши и Финляндии.

Но следующий этап распада случился в сравнительно мирной обстановке. Причём пошёл куда скорее и обширнее, чем в пору военного лихолетья. Значительная часть земель, собранных усилиями многих поколений предков, разбазарена потомками буквально в одночасье.

Дело даже не в том, что Союз феерически быстро — формально за одну ночь в Вискулях, а фактически, считая от первых деклараций суверенитета, за пару лет — распался. Куда важнее, что российская власть удивительно быстро отказалась от многих способов сохранения реального влияния в отколовшихся странах. Поистине, что легко досталось — легко и уйдёт.

Едва ли не единственным способом удержать соседей в российской орбите остался экспорт энергоносителей по заниженным ценам. Но и тут результат сомнителен. Немалая часть наших поставок перепродаётся дальше за границу — уже по мировым ценам. Да и на внутреннем рынке Украины или Грузии бензин и газ всегда шли далеко не по российским тарифам. Реальную выгоду получали немногие бизнесмены. Народ не почувствовал российской щедрости. Политики, привыкнув к ней, зачастую откровенно шантажируют нас. А то и вовсе не обращают на неё внимания, полагая, что мы-то никуда не денемся, а они за откровенную враждебность к нам (как те же Украина и Грузия) получают от богатого Запада куда больше, чем мы можем им дать.

Правда, есть ещё один канал влияния — наши соотечественники.

Единая культура — единая судьба

Россия почти триста лет назад провозглашена империей. Многие по инерции считают: нынешняя Россия (а заодно и Советский Союз) сохраняет всё ту же имперскую — глубоко неоднородную — сущность.

Не будем отвлекаться на давний спор: хорошо или плохо имперское устройство государства в целом^[108]. Здесь гораздо важнее другое: Советский Союз уже за несколько десятилетий до распада не был империей в классическом смысле слова. В нём действительно сформировалась, по формуле партийных теоретиков, новая человеческая общность — советский народ. При всех несомненных этнических различиях все советские граждане были приобщены к единой культуре, имели единые представления о мире, да и работали в едином хозяйстве.

Значительная часть этого единства сохраняется и сейчас — через почти четверть века самостоятельного существования^[109]. Едины даже ошибки. Так, латвийская и эстонская политика по отношению и к России, и к собственным жителям российского происхождения — образцовый пример недальновидности и непримиримости, характерных для многих советских руководителей.

Понятно, массовое народное единство — надёжнейшая опора для построения совместных программ, проведения общей внешней политики, экономической реинтеграции. Но чтобы использовать столь мощный ресурс, необходимо заботиться об его сохранении: политически поддерживать права русского языка, предоставлять соотечественникам доступ ко всем проявлениям нашей культуры, поставлять в соседние страны прессу и учебники...

Реальная же политика России противоположна.

Опасаясь оттолкнуть амбициозных постсоветских лидеров, мы закрываем глаза на откровенное ущемление русскоязычных и русскокультурных. Так, власти Украины даже в годы, когда ею правили вроде бы пророссийские Кучма и Янукович, демонстративно отвергали саму мысль о легализации языка, родного для двух третей её граждан — но российские дипломаты ни разу не возразили официально против столь беспардонной дискриминации. А уж интересами русских граждан в Туркмении (да и самих туркмен) мы и вовсе откровенно пренебрегли ради лишних грошей прибыли Газпрома от транзита тамошнего газа.

Торговля русскими книгами за рубежом остаётся частным делом, не имеющим никакой государственной поддержки. Поставка учебников — и вовсе дело частной и региональной благотворительности. Недавние поправки к закону о библиотечном деле поставили вне закона самые современные — электронные — библиотеки, то есть полностью отрезали всё зарубежье (и вдобавок многие регионы самой России) от громадного массива отечественной литературы^[110].

В то же время приезд соотечественников в Россию до недавнего времени всячески ограничивался. Именно потому, что их всё же считают проводниками российского влияния. Но без нашей поддержки они рано или поздно оторвутся от родной культуры. Дискриминация под лозунгом «долой пятую колонну» несомненно сохранится: националистические предрассудки очень живучи. Но цели, ради которой стоило бы выдержать эту дискриминацию, уже не будет.

Впрочем, сейчас политика по отношению к соотечественникам меняется. На самых разных уровнях публично заявляют, что их возвращение в Россию следует поощрять. Мотивировка очевидна: в самой России население стремительно сокращается, и на многих важных направлениях уже просто не хватает ни крепких рабочих рук, ни светлых учёных голов.

Но простым поощрением иммиграции мы можем убрать лишь сиюминутные сложности. Ведь приезжие попадут под воздействие тех же условий, что мешают приросту числа наших сограждан. Значит, естественная убыль населения сохранится. А резерв зарубежных соотечественников довольно скоро исчерпается. Мы без толку растеряем важнейший ресурс поддержания общности с зарубежьем, влияния на него. Демографический же спад можно будет преодолеть только после радикальных изменений в самой России. Чем дольше мы будем маскировать проблемы усиленной иммиграцией, тем позже всерьёз займёмся этими изменениями — и тем больше придётся менять.

Реальные же возможности иммиграции невелики. Те русскоязычные граждане сопредельных стран, кого не удерживают дома какие-либо непреодолимые обстоятельства, в основном давно пребывают — или хотя бы регулярно бывают на заработках — в России. Хотя зачастую нелегально: наше иммиграционное

законодательство всё ещё построено вокруг идеи «тащить и не пущать».

Значительные резервы сохранились разве что в Казахстане да (что у нас куда менее известно) Узбекистане. Прежде всего потому, что тамошнее руководство лояльно относится и к России, и к своим гражданам. К чему же выгребать оттуда тех, кто служит связующим звеном между нашими странами?

Более того, в этих республиках значительная часть русскоязычных — специалисты, приехавшие когда-то для строительства современной науки, техники, здравоохранения, и их потомки, также исполняющие ключевые обязанности в жизненно важных сферах хозяйства своих стран. Лояльное отношение к ним в немалой степени порождено осознанием их необходимости на своих местах. Если мы всё же сумеем переманить их в Россию, возможен обвал целых отраслей. Это не только породит массовую ненависть к нам, но и вынудит Россию брать на себя значительную часть жизнеобеспечения республик.

Так что не надо возвращать России соотечественников. Надо Россию вернуть соотечественникам.

Русские становятся евреями

Устойчивость Израиля в немалой степени обеспечена активностью еврейского лобби за океаном. Есть и другие причины американской поддержки — но ведь и арабы могут немало предложить заокеанскому гиганту. Так что без деятельности американских евреев стабильность Израиля могла бы вовсе выпасть из списка целей политики Белого дома. Не удивительно, что Еврейское агентство (по возврату всех евреев мира на историческую родину) старательно бездействует в стране, где евреев до сих пор едва ли не больше, чем в Израиле.

Россия больше Израиля по площади примерно в восемьсот пятьдесят раз, по населению в двадцать с лишним. Тем не менее многие обстоятельства жизни наших стран парадоксально схожи.

Обстоятельства мировой истории привели к рассеянию евреев по всему миру. Народ лишился точки опоры — собственного государства. И вновь обрёл его почти через две тысячи лет — после скитаний, лишений, невероятных жертв и мытарств. Да и сейчас это государство под постоянной угрозой.

Нечто подобное — хотя в меньшей степени — случилось и с армянами. Правда, их не изгоняли с родины поголовно. Но и сегодня в пределах государства живёт меньше армян, чем рассеяно по всему миру. А геноцид армян в 1915-м даже послужил Гитлеру примером решения национальных вопросов.

Немалая часть русского народа также развеялась по свету. Прежде всего — в результате Гражданской войны: жестокость тогдашней взаимной охоты на «классово чуждых» немногим уступала турецкой резне. Но были потом ещё многие волны эмиграции. Причём все они затрагивали в основном людей активных, не желающих прятаться в общем ряду: коммерсантов, изобретателей, учёных, хороших работников. Мы теряли прежде всего как раз тех, чьи руки и головы жизненно необходимы стране, способны поднять её из любой разрухи.

Заметим: российское рассеяние — в отличие от еврейского или армянского — порождено в основном внутренними причинами, а не внешними обстоятельствами. Если, конечно, не считать внешним обстоятельством подорожание нефти. Оно для нас всегда — что в 1973-м, что в 2000-х — в первую очередь оборачивается параличом реформ, поощряет головотяпство (и только через несколько лет руководители страны начинают задумываться: можно ли распорядиться нежданно доходом разумнее проедания). Не удивительно, что умные и деятельные не находят себе места в обстановке массового разгильдяйства. И уезжают — благо при таких личных качествах могут найти себе дело повсюду. Русскоязычные общины и в Европе, и за океаном растут и процветают. А Россия теряет и богатство генофонда, и громадный опыт. Если так пойдёт дальше (и если будет забыт уже накопленный — хотя пока и довольно скромный — опыт полезного внутреннего использования внешних доходов), то внутри наших границ останется только форма. А содержание — русская культура, русский народ — окажется далеко за пределами страны.

Правда, форма пока держится. Мы — в отличие от средневековой Армении, но подобно современному Израилю — ещё можем защитить свои границы. Но — в отличие от Израиля — уже не всегда можем своими силами поддержать внутри этих границ если не благополучие, то хотя бы стабильность.

Периметр

Впрочем, формально на наши границы сегодня никто не посягает: даже откровенно враждебные правители Украины и Грузии формально посягали только на доставшуюся им при разделе СССР часть людей, считающих единую страну более близкой для себя, нежели её мелкий осколок. Но фактических угроз более чем достаточно: всевозможная контрабанда, включая импорт и транзит наркотиков; нелегальные мигранты, далеко не всегда полезные для нашего хозяйства; ползучая инфильтрация вроде той, которая недавно привела к отторжению Косовского края от Сербии...

Не удивительно, что затраты на охрану периметра не убывают. Более того, немалая его часть не досталась нам в наследство от бывшего Союза, а проходит по начертанным тогда линиям — не государственных граница, а всего лишь административных условностей. Сейчас их надо обустраивать заново, с нуля. Это несравненно дороже повседневных расходов на содержание.

Не отстаивать свою территорию государство может, разве что смирясь с неизбежной гибелью. Но и чрезмерные затраты на самооборону пагубны.

Диких обезьян ловят просто. В сосуд с узким горлышком — например, тыкву, выдолбленную через небольшое отверстие — кладут приманку. Обезьяна хватается её — но кулак, в отличие от выпрямленной ладони, в отверстие не проходит. Разжать руку не позволяет жадность. Обезьяна остаётся прикована к сосуду — и пришедший охотник легко хватается её голыми руками, не повреждая.

В подобной же ловушке оказалась не одна империя. Ибо покидать владения тоже рискованно: отступающего преследуют. Крах Римской империи начался не в тот момент, когда германское племя вандалов захватило и разгромило вечный город, а добрым веком ранее — когда могучие легионы ушли с завоёванных грозным императором Траяном земель Дакии (нынешняя Румыния).

Казалось бы, большой периметр отстаивать легче. Ведь площадь страны при прочих равных условиях растёт пропорционально квадрату её периметра. То есть на каждую единицу его длины приходится всё больше земель и ресурсов, способных поддерживать его прочность.

Увы, давление на периметр также пропорционально растёт. Именно потому, что растёт охваченная им площадь, лакомая для

соседей. Тот же Рим тем чаще отражал нашествия варваров, чем больше скапливалось в нём земли и золота.

Между тем, чтобы площадь эта действительно приносила плоды, достаточные для поддержания периметра, в неё надо сначала вкладывать усилия, пропорциональные самой площади — то есть опять же квадрату периметра. Пассионарность приносит государству сперва хлопоты — и лишь потом плоды.

Более того, чем выше развитие общества, чем сложнее технологии — тем дольше возделывается первый урожай. В римские времена завоёванная земля уже через пару лет приносила щедрый хлеб. Полезные ископаемые ищутся годами. А современный город, пронизанный эффективной инфраструктурой, насыщенный сложными производствами, предоставляющий своим жителям разнообразный комфорт и сервис, вырастает за десятилетия, а то и за века.

Итак, налицо противоречие между площадью и периметром страны. Правда, не антагонистическое. Но требующее для своего разрешения всего ассортимента диалектических и политических искусств.

Союз против унификации

Мощным средством примирения периметра с площадью издавна остаётся федерализация страны. Если каждый регион не только вправе, но и вынужден самостоятельно изыскивать немалую часть средств к существованию, можно не сомневаться: местная власть приложит к этому поиску все усилия. Вдобавок эта власть рассматривает местные условия с меньшего расстояния и поэтому видит в них больше возможностей, чем центральная.

Поддержка из центра при этом не исключается, а зачастую жизненно необходима. Хотя бы потому, что для освоения ресурсов зачастую нужны затраты, намного превосходящие местные возможности. Да и сам центр заинтересован в том, чтобы регионы нуждались в нём — иначе, того и гляди, начнут подумывать о полной самостоятельности, а то и политической независимости.

Балансировка интересов центра и регионов — задача сложная и неоднозначная. Отцы-основатели США — министр финансов первого федерального правительства Александр Хэмилтон (чей портрет запечатлён на купюре в \$10), отслуживший два срока президент

Джеймс Мэдисон (\$5000) и член Верховного суда Джон Джей — при формировании конституции государства, где впоследствии заняли эти посты, написали громадный цикл статей «Федералист». Там они обосновали оптимальное — для тамошних и тогдашних условий — распределение прав и обязанностей по разным уровням государственного управления. Сочинённый ими том доселе остаётся образцом методики поиска наилучшего устройства конкретных федераций.

Увы, устройство Российской Федерации пока далеко от идеала. При возникновении государства были чудовищно сильны центробежные тенденции. Россия могла развалиться вслед за Союзом. Предотвратить такой катастрофический ход событий удалось, только закрыв глаза на многие проявления безудержного сепаратизма, да ещё и подкармливая многие особо вольные регионы из сравнительно скромных ресурсов других регионов — доноров.

Увы, когда угроза распада миновала, привычный для нашей страны политический маятник не остановился в равновесном положении, а полетел в противоположную сторону — снова к унитарности. Ведь наши власти — и федеральные, и многие региональные — так боятся одной крайности, что сами рвутся в другую. Так в сталинские времена из страха перед внешними врагами и внутренними распрями, уже выказавшими свою мощь в Гражданской войне, готовы были выкосить сотни здоровых колосьев, чтобы задеть хоть один сорняк.

Фактически мы просто бежали от страха — недавнего страха перед распадом. А ведь чтобы предотвратить распад, административных мер мало. Как известно из науки стратегии, единство страны сохраняется до тех пор, пока связи её регионов растут быстрее, чем хозяйство каждого региона по отдельности. Но экономическая интеграция может опираться только на разделение труда — значит, на рост своеобразия партнёров. Нынче же у нас федеральная власть боится разнообразия как огня. Поэтому поддерживает лишь один канал внутренней взаимосвязи — общую трубу. Центр просто раздаёт регионам пачки нефтедолларов. А взамен требует не развития, а только унификации.

Понятно, в таких условиях регионы охраной периметра не озабочены. Соответственно и на его охрану деньги черпаются всё из

той же нефтяной трубы.

Но куда страшнее, что искусственно унифицируемые регионы не заинтересованы друг в друге. Отсюда и внутренняя депрессия, и рост противоречий — не просто межрегиональных, но и межнациональных. Всё это нынче куда страшнее для России, чем любое давление извне периметра.

Разлад вплоть до раскола

Не секрет: противоречия в политике далеко не всегда удаётся сгладить. В частности, потому, что практически всегда находятся желающие использовать их в своих интересах. И даже мимолётное противоречие может тогда обрасти чудовищно долгими последствиями.

Зачастую интересы, как и сами противоречия, сиюсекундны. Например, в 1991-м политики — в том числе и вожди — большинства республик СССР явно не задумывались, что случится на следующий день после развала страны.

Но порою противоречие ложится в русло чьих-нибудь долгосрочных планов. Скажем, печально знаменитый политический интриган Збигнев Бжезиньски в скандально известной «Великой шахматной доске» призвал внимательно исследовать все противоречия в России, подогреть и поддерживать их. Конечную цель поддержки он не скрыл: раздробить нашу страну на несколько государств поменьше, заведомо не способных конкурировать не то что с державой его нынешнего обитания, но даже с исторической родиной — Польшей.

Многие считают подобные антироссийские стратегии всего лишь выражением личных предрассудков, не верят в способность и желание государств — особенно демократий, где политические лидеры то и дело меняются — проводить в жизнь столь долгосрочные планы. Между тем история множества противостояний великих держав доказывает: внешняя политика чаще всего не зависит от внутренней — план, намеченный одной партией, часто доводят до конца её конкуренты. Скажем, холодная война началась при президенте от демократической партии Трумэне, а победителем в ней признан республиканец Рейган.

Мощным оружием западной победы оказалась всё та же нефть, хотя сейчас её пытаются сделать главным инструментом удержания российского единства. Американцы договорились с Саудовской Аравией — и цена нефти, с октября 1973-го удерживаемая на заоблачных высотах ограничением экспорта, рухнула. СССР несколько лет, при нескольких лидерах — от Андропова до Горбачёва — пытался перестроить экономику, посаженную с подачи Суслова на нефтедолларовую иглу. Но зависимость, накопленная за десятилетие, оказалась неизлечима. Внутрисоюзные противоречия, ранее скрытые общими экономическими интересами, вылезли на поверхность. И страна раскололась.

Возможно, если бы противоречия были признаны раньше, они не вызвали бы столь разрушительного эффекта. Ведь тогда можно было бы многие из них устранить. А для многих других указать хотя бы возможные выходы, чтобы народ, ожидая их, не пытался действовать слишком уж разрушительно.

Сейчас ясны если не сами противоречия, то хотя бы их источники. Один из самых очевидных — унификация. Некоторые из порождаемых ею проблем известны уже несколько веков. Некоторые появляются на наших глазах. Но все опасны для единства страны. Сейчас надо дать регионам достаточно свободы — прежде всего чтобы они не стали абсолютно свободны друг от друга.

Мы не можем ждать милостей от агрессивной природы некоторых международных политтехнологов. Убрать из-под этой природы главную опору — наши собственные внутренние противоречия — вот наша задача.

Федерация — двигатель прогресса

Даже если бы противоречий не было, искусственная унификация всё равно пагубна для страны. Ведь все успешные, быстро развивающиеся, государства фактически федеративны. Даже если формально выглядят унитарными.

Скажем, Франция гордится единством и единообразием. Несколько поколений министров просвещения могут, посмотрев на часы, точно сказать: что произносят в данный момент учителя по всей стране. Дети алжирских и вьетнамских иммигрантов ещё недавно дружным хором читали первую фразу учебника истории — «Наши

предки галлы были высокими, голубоглазыми и светловолосыми» — и не удивлялись, что зачислены в потомки галлов. Даже границы департаментов проведены (ещё Наполеоном) зачастую поперёк древних стыков исторических провинций, из которых и сложилось государство.

Но любой француз точно знает, в какой провинции живёт, каковы её история и обычаи. Знает, в каком регионе какие блюда хороши для любого француза, а какие нравятся только местным уроженцам. Владеет не только литературным языком, но и местным диалектом — и охотнее общается именно на нём: если выучить только французский, просто не поймёшь, например, разговоры южан — тамошняя речь ближе к итальянской или испанской.

А уж различия китайских диалектов и подавно вошли в поговорку. До сих пор китайцы пользуются иероглифической письменностью: одно и то же понятие в разных местах страны звучит — и записывается буквами — качественно различно, зато рисунок — иероглиф — от произношения не зависит. Многие диалектные различия известны далеко за пределами Китая: одно и то же растение у нас называют «чай», а в Англии — «ти», ибо Россия издавна закупала его на севере Китая, а в Англию его везли морем с юга страны. Нынешнее экономическое развитие великой державы ускоряется не только особым экономическим районом Сянган (так после воссоединения называется бывшая британская колония Гонконг: британцы слышали это слово от местных — южных — жителей, а теперь используется официальное — пекинское, то есть близкое к северному — произношение) или особыми экономическими зонами — такими, как Чжухай или Шэньчжэнь. Куда важнее, что через строгую унификацию под жёстким коммунистическим надзором пробиваются бесчисленные различия провинций.

Различия эти прежде всего дают опору для естественного разделения труда. Как издревле ведомо, труд тем производительнее, чем мельче и проще звенья, на которые он разбит, чем больше этих звеньев. Это верно не только в пределах одного предприятия. Обществу в целом выгодно распределять обязанности и между предприятиями, и между землями, где предприятия расположены.

Но не меньшую роль играет добровольная мобилизация ресурсов субъектов федерации. Если для достижения собственного

благополучия каждый из них должен рассчитывать прежде всего на себя, он приложит все силы для поиска любых возможностей заработка — в том числе и просто незаметных ни из центра государства, ни с уровня отдельного предприятия.

Уже несколько десятков лет основной и самой эффективной формой финансирования исследований и разработок признан венчурный — рискованный — бизнес. Творцы действуют самостоятельно, привлекая — по давно отработанным схемам — кредиты по мере продвижения поисков. Заходит дело в тупик — кредиты списывают. Если же кто-то достигает значимого результата, находку можно выгодно продать крупным фирмам. Так что затраты кредиторов, финансирующих сразу несколько исследований, окупаются с лихвой.

Поиски нового всегда рискованны. Поэтому в крупной корпорации слишком велик соблазн пассивничать, отсиживаться в стороне, ждать чужих успехов. Независимый же исследователь, вынужденный рассчитывать только на себя, выкладывается в полную силу.

Сходным образом и субъекты федерации стараются использовать во благо все возможности, предоставляемые их самостоятельностью. Если же они всецело находятся под контролем центра, вся их активность сводится к выпрашиванию ресурсов, а решение даже самых элементарных задач заходит в тупик.

Это наглядно показал опыт недавней реформы в Японии. Там долгое время регионы были жёстко подчинены центру. И совершенствовались только в расходовании получаемых от центра денег. Когда же центр дал им заметную самостоятельность, оказалось, что многие из них вовсе не способны искать собственные источники доходов, и качество работы местных органов резко упало.

У нас уровень свободы регионов менялся много раз.

Например, введенные Хрущёвым территориальные советы народного хозяйства были призваны всемерно мобилизовать местные ресурсы и координировать хозяйственные взаимосвязи соседних предприятий разных отраслей. Увы, многие решения совнархозов противоречили внутриотраслевой кооперации, и старая система управления в конце концов добилась отмены новой вместо поиска путей синтеза обоих вариантов взаимодействия.

Сейчас самостоятельность российских регионов в очередной раз сокращается. Но может ли нефтяная труба связать Россию надолго?

Единое российское государство впервые возникло вокруг Янтарного — из варяг в греки — пути. Его стабильность в немалой степени обеспечивалась пошлинами с купцов, использующих этот путь. Но когда превратности средиземноморской политики ослабили греческую торговлю, сепаратизм в одночасье оказался неудержим и развалил страну.

Неужто и нынешнее российское единство рухнет, когда нефть на мировом рынке в очередной раз подешевеет?

Варшава и Стокгольм

Сходным образом события развивались не только в раннем Средневековье.

Скажем, Польша несколько десятилетий пребывала в сателлитах Советского Союза. От ухода её удерживала не только угроза вмешательства партнёров по Варшавскому договору, но и немалая выгода — от поставок сырья из СССР по изрядно заниженным ценам и покупки тем же СССР польских промышленных товаров куда дороже мирового уровня.

Соответственно и слабость СССР, в немалой степени порождённая спадом сырьевого рынка в 1980-е годы, обернулась ещё и потерей союзников. Так, Польшу не удержало даже то, что договор о военном сотрудничестве подписан в её собственной столице, а польский лётчик Мирослав Гермашевский стал вторым — после чеха Владимира Ремека — космонавтом из страны, не располагающей собственными космическими кораблями.

Власти независимой России довольно долго надеялись хотя бы удержать Польшу от откровенной враждебности, подпитывая её нефтью и газом из трубопроводов, построенных ещё в советское время. Но как раз твёрдая уверенность в такой подкормке давала польским властям возможность — и желание! — глядеть на Россию свысока, покрикивать на Москву, издеваться над оказавшимися на польской территории российскими гражданами...

Недавнее решение проложить новые трубы по морю, в обход Польши, встречено в ней бурным возмущением. Лидеры страны просто не понимают: Россия обойдётся без Польши куда легче, чем

Польша от России. Теперь — когда «Северный поток» уже работает — Польше приходится покупать российское сырьё по мировым ценам да надеяться на то, что польские товары всё ещё популярнее на российском рынке, чем на мировом (а западные санкции против России, порождённые развалом Украины, продержатся не дольше, чем сама иллюзия сохранения украинской целостности).

Пора нам и самим перестать надеяться только на сырьевой экспорт. Мировой опыт показывает: и без него можно жить более чем благополучно.

Успехи Японии зачастую списываются на особенности местного менталитета. Но посмотрим на Швецию. У неё, как и у Японии, из собственных сырьевых ресурсов есть разве что природнолегированная железная руда. Менталитет же и климат северный — почти как в России. Но страна куда раньше Японии — не говоря уж о России — взяла курс на высокие технологии. Скажем, именно здесь впервые освоен выпуск спичек современного типа — а это и непростая химия, и тонкости сверхмассового производства. Вспомним и рекламный лозунг «Мир вертится на подшипниках SKF»: даже Гитлер не рискнул напасть на Швецию именно потому, что опасался повреждения Svenska Kullager Fabrik в боевых действиях — а без продукции Шведской Шарикоподшипниковой Фабрики остановилась бы вся немецкая боевая техника.

И сегодня Швеция — экспортёр высоких технологий. Подшипники всё той же SKF, электроника Ericsson, пушки Bofors, самолёты SAAB — в своём классе, пожалуй, лучшие в мире... Успешно торгует Швеция и нематериальным товаром — идеями. Мебель и бытовое оборудование ИКЕА изготавливается в десятках стран. Но цену и ценность продукции с этой торговой маркой придают изобретательность и фантазия шведских разработчиков — да ещё организаторский талант Ингвара Кампрада, создавшего радикально новую систему торговли.

Не удивительно, что Швеция может себе позволить образ жизни, вполне устраивающий её граждан: и полную независимость от других государств и межгосударственных союзов, и благополучие при любых конъюнктурах мирового рынка, и высочайший в мире уровень социального обеспечения, и многое другое, чему мы нынче можем разве что завидовать.

Может быть, хватит завидовать другим да пенять на собственную нераспорядительность? Не пора ли брать с благополучных соседей пример? Жить не милостями подземной природы, а делами собственных рук и голов? И ни от кого не зависеть — потому что только тогда все будут зависеть от нас!

Свой путь

Правда, многие отечественные мыслители сомневаются: следует ли нам вообще заботиться о благополучии в каком бы то ни было смысле, не говоря уж о процветании в западном стиле. Мол, главная наша сила — не в теле, а в духе: слишком позаботимся о мирском — рискуем упустить небесное.

Увы, дух без тела существует ещё реже и хуже, чем тело без духа. На небеса можно взлететь только с земли.

Православные зачастую упрекают христиан других конфессий за скамейки в храмах: как же можно сидеть перед богом? А те отвечают: лучше сидеть и думать про бога, чем стоять и думать про ноги. Мысль может возвыситься, только если не отвлекается низменными заботами.

У нас принято упрекать американцев в бездуховности. Между тем музеев и филармоний там куда больше, чем у нас, концерты классической музыки — что в мегаполисах, что в захолустье — неизменно собирают полные залы, да и добровольцы на любую благотворительную работу всегда найдутся. Причина очевидна: за океаном давно решены (пусть даже во многом за счёт всего остального мира) основные проблемы жизнеобеспечения, и все высвободившиеся силы общества направлены ввысь.

Так что не надо путать недостаток материального с избытком духовного. Иначе мы опять в погоне за формой рискуем упустить содержание.

Одну из волн нашей эмиграции ехидно прозвали колбасной. Мол, уезжали люди не от каких-нибудь идейных разногласий с сильными мира сего, а только в погоне за сотнями сортов колбасы да прочими приметами сытной жизни.

Авторы этой клички, похоже, не поняли: неспособность страны обеспечить своим гражданам сытную жизнь — свидетельство серьёзного неблагополучия. Если же официальной идеологией государства признан марксизм, утверждающий первичность

материального, то правители, не умеющие это материальное обеспечить, несомненно бессильны. От таких правителей и уехать не грешно.

Сейчас мы в России ссылаемся на другие теории. Но всё так же не способны стабильно и эффективно работать на благополучие страны. Разве что нефtedоллары частично раздаём. И то ежесекундно ждём пересыхания их потока.

Материальные блага — не самоцель. Но необходимое средство, без которого ничто духовное не устоит долго. Понятно, нельзя ублажать тело способами, унижающими дух. Мы должны найти способы развития экономики без разрушения культуры, исторического наследия. Путь к благу будет особым, русским — учитывающим это наследие. Но нельзя идти к саморазрушению — иначе форма, может, и останется, но российское содержание точно исчезнет.

notes

Примечания

1

В Риме было принято начинать обед с яиц и заканчивать яблоками.

2

Мы пользуемся установленным в 1970-е годы международным форматом написания даты: год-месяц-число.

3

Английское слово «wasp» означает «оса». Это породило множество американских политических шуток.

4

В самих США эта модель оказалась не очень успешна. Там по сей день существует множество национальных гетто в крупных городах. А попытка позитивной дискриминации многих меньшинств — то есть создания для них привилегированного режима в компенсацию былого

угнетения их предков — породила нежелание этих меньшинств интегрироваться, рискуя потерять привилегии.

5

В оригинале: «We have no eternal allies, and we have no perpetual enemies. Our interests are eternal and perpetual, and those interests it is our duty to follow».

6

Советская Большая кораблестроительная программа конца 1930-х годов явным образом «заточена» против флота Британии: германские корабли были явно слабее советских проектов. Да и авиаконструкторы тогда же получили задания на самолёты, способные атаковать большие корабли в открытом море, где встреча с немцами была маловероятна. Дело тут, конечно, не в агрессивных планах СССР, а в негласных пожеланиях американских политиков, определявших свои условия возможной помощи СССР. Эти условия, конечно, доселе не обнаружены — но видны как раз из многих действий СССР, подобных указанному здесь.

7

Верность слову полезна и в частной жизни. Например, русские купцы заключали устно сделки на такие суммы, что любой европейский коммерсант счёл бы необходимым оформление такого контракта не просто на бумаге, а при участии опытных юристов и с последующей нотариальной регистрацией. Но надёжность купеческого слова не только позволяла не тратить деньги на формальности. Она ещё и ускоряла деловой оборот, и возможные потери на одной сделке легко возмещались числом удачных соглашений. Правда, купец, не исполнивший свои обязательства по несущественной (с точки зрения делового сообщества) причине, исключался из сословия навсегда: с ним просто отказывались иметь дело.

8

То есть «убогий».

9

Принято считать, что первым так отозвался президент Рузвельт о никарагуанском диктаторе Сомосе. Однако документальных доказательств, естественно, нет: слова известны только в журналистском пересказе. Не мог же глава государства публично прибегнуть к крепким словам или допустить их стенографическую фиксацию!

10

Сунниты полагают единственным источником вероисповедной истины труды самого пророка Мухаммада, пересказы его изречений и надёжные свидетельства об его деятельности. Шииты полагают, что Али — двоюродный брат пророка — был столь же праведен и его убийство через 29 лет после смерти самого пророка вызвано не просто междоусобными распрями в государстве, созданном Мухаммадом и его сподвижниками, а ещё и чьим-то нечестивым желанием прервать путь совершенствования истины. На протяжении большей части истории ислама взаимоотношения этих двух ветвей примерно столь же дружелюбны, как у католиков и протестантов в эпоху европейских религиозных войн.

11

Этот народ, индоевропейский по языку и исламский по культуре, населяет земли, ныне разделённые между Ираком, Ираном, Сирией и Турцией. В ходе раздела Османской империи Британия и Франция первоначально намекали курдам на создание для них единого самостоятельного государства, но по многим причинам, тогда выглядевшим уважительными, изменили своё мнение. С тех пор курды не утратили надежды на независимость и конфликтуют с арабами, иранцами и турками.

12

Консервативные течения в исламе именуют себя салафитами — от «салаф», то есть «предки». У нас они известны как ваххабиты — по отчеству (в арабском, как и в русском, это обращение считается особо уважительным) видного богослова XVIII века Мухаммада ибн Абд

аль-Ваххаба аль-Мушаррафи ат-Тамими, обосновавшего необходимость возврата правоверных к обычаям времён пророка.

13

Ей дали имена сразу двух сестёр её отца, якобы погибших на Украине во время голода 1932–33-го годов, охватившего всю хлебородную Россию — от причерноморских степей до севера нынешнего Казахстана.

14

Внешней разведкой в США занимается по меньшей мере десяток ведомств. Центральное разведывательное управление потому и центральное, что не только ведёт самостоятельную работу, но и старается координировать все остальные.

15

Отцы-основатели полагали слово «министр», изначально означавшее «слуга», унижительным для членов правительства республики. Министерства назвали просто департаментами — отделами — правительства. В частности, за взаимоотношения с другими государствами отвечает department of state — отдел государства.

16

Анализ статистики голосования во втором туре выборов доказывает: баланс фальсификаций, проводимых в разной мере обеими сторонами, составил по меньшей мере миллион голосов в пользу Ющенко. Даже такая поддержка болельщиков среди властей и политиков на местах ему не помогла.

17

После батыева нашествия на нынешней территории Украины осталось, по самым оптимистичным оценкам, не более сотни тысяч человек. В дальнейшем она заселялась в основном выходцами с севера, где благодаря обширным лесам уцелело почти всё население (в Карпатских горах тоже уцелели почти все, но тамошние жители оказались очень скоро связаны с Литвой, а потом и Польшей, и лишь

очень малая их часть была заинтересована в переселении на земли, где почти не было уже сложившейся активной хозяйственной деятельности). Таким образом, даже если не учитывать домонгольское единство всей Руси и обширные миграционные потоки вдоль Янтарного пути («из варяг в греки»), нынешние жители Украины — близкая родня жителей европейской части РФ.

18

Многие понятия, не имеющие однозначно негативного смысла, ныне демонизированы пропагандой настолько, что их зачастую просто боятся обсуждать всерьёз. Одно обнаружение связи такого табуированного понятия с каким-то явлением считается достаточным для однозначного осуждения всего явления. В частности, в советское время поводом для запугивания было многое, связанное с личной и/или стихийной деятельностью. Сейчас — едва ли не всё, связанное с деятельностью коллективной и/или организованной.

19

Многие эксперты видят здесь влияние США. Те намерены сейчас возродить собственную ядерную энергетику, а мировая добыча урана заметно меньше суммы потребностей уже существующих АЭС и необходимой загрузки новых. Учитывая, сколько других шумных экологических кампаний оплачены крупнейшими американскими фирмами, это предположение правдоподобно.

20

Франция пару лет питалась в основном кукурузным хлебом: слово corn, в английском языке обозначающее любое злаковое зерно, в США однозначно ассоциируется с кукурузой, и заказ на большую партию зерна исполнили по своему разумению.

21

Взрыв на Чернобыльской АЭС вызван попыткой ускоренно запустить уже наполовину остановленный реактор: среди персонала станции не было ни одного человека, знакомого с физикой ядерных реакций, и дежурная смена бездумно попыталась исполнить просьбу

Укрэнерго — компенсировать задержку запуска одного из агрегатов соседней тепловой станции.

22

В 1930-е годы Британия и США поддержали германскую национальную социалистическую рабочую партию не только в качестве антикоммунистического эксперимента: Британия видела в Германии противовес Франции, США — противовес Британии. Тем не менее агенты влияния этих стран в Германии — например, начальник германской военной разведки адмирал Канарис, любивший Британию едва ли не больше, чем свою родину — сделали очень многое, чтобы столкнуть её с нашей страной.

23

В 1951-м, когда в Сан-Франциско оформлялся мирный договор с Японией, шла война в Корее. Советского представителя на переговоры не пригласили, и признание Японией решения союзников 1945-го года об утрате ею суверенитета над Курильскими островами, включая расположенную южнее северной оконечности Хоккайдо часть этой гряды, не сопровождалось указанием на обретение этого суверенитета именно СССР. С тех пор Япония ссылается на неясные формулировки договора 1951-го года и требует вернуть ей южную часть Курильской гряды.

24

Город Донецк основан в 1869-м году валлийским предпринимателем Джоном Джэймсом Хьюзом и до революции назывался в его честь — Юзовка.

25

Легенда о русском пьянстве сложилась из двух основных источников. Один из них — статистическая ошибка. У нас давно не разделяют бытовое потребление собственно спиртных напитков и спиртосодержащих непитьевых жидкостей вроде одеколонов и средств отмывания стёкол. Основанием для такого смешения послужила возможность питья всего этого (и особо нищие пьяницы такой возможностью пользуются) — но львиная доля таких жидкостей

расходуется всё же по назначению. Так что реальное спиртопитие у нас раза в два меньше указанного в отчётах. Вторая причина — наглядная разница в поведении, проистекающая из различия русской и западноевропейской культуры питья. На западе принято пить весь день понемногу, постоянно пребывая не вполне вменяемыми — но в такой мере, что со стороны эта невменяемость почти не заметна. У нас же пьют в основном после работы, для отдыха, и соответственно выпивают столько, что немногочисленные (по сравнению с западом) пьяные очень заметны на общем трезвом фоне.

26

2014. Этот документ впоследствии не раз переработан. Здесь приведен первый его вариант, дабы показать не только наши предвидения, но и наши заблуждения.

27

2014. На качестве офицерского корпуса куда сильнее, чем потеря нескольких тысяч человек в ходе Большого Террора, сказался рост вооружённых сил с лета 1937-го до лета 1941-го впятеро. Офицеры поднимались по служебной лестнице так быстро, что не успевали набрать опыт и впоследствии просто не чувствовали возможности тех частей и соединений, которым отдавали приказы.

28

2014. Драгомиров имел в виду митральезу — пулемёт с ручным приводом механизма. Стрелок, тратя силы на вращение ручки, не успевал достаточно быстро водить стволом из стороны в сторону, так что в одного противника действительно порою попадало по несколько пуль. Но когда появились пулемёты с приводом от энергии выстрела (и соответственно легче управляемые), ссылки на мнение заслуженного генерала заметно затормозили их внедрение в войска.

29

2014. Подобные гильзы были тогда у большинства больших военных держав. Закраина упрощает фиксацию гильзы в патроннике, что снижает требования к качеству стали ствола. Но уже к концу 1890-

х годов разработаны новые сорта ствольных сталей, и появилась возможность применять гильзы без закраины.

30

2014. По удобству ухода винтовки Токарева всё же лучше симоновских.

31

2014. Пушки Курчевского расходовали так много пороха, что при тогдашнем уровне развития отечественной оборонной промышленности не могли стать массовыми.

32

2014. Тухачевский тоже порою увлекался эффектными, но неэффективными разработками — вроде тех же пушек Курчевского.

33

2014. С тех пор стали известны подлинные сведения о наших потерях в войнах. Они оказались в разы меньше представлений, принятых в начале 1990-х.

34

2014. С сокращением срока службы до года дедовщина почти исчезла.

35

2014. Версальский договор требовал от Германии многолетнего контракта с каждым военнослужащим. Поэтому ротация кадров для массового обучения обеспечивалась досрочными уходами в отставку под благовидными предложениями.

36

2014. С тех пор выяснилось: призыв нужен не только для всеобщего военного обучения, но и для создания опоры неизбежно немногочисленным профессионалам.

37

2014. Имеется в виду прозвище тогдашнего министра обороны Павла Сергеевича Грачёва «Паша-Мерседес».

38

2014. В смерти Фрунзе был заинтересован разве что его предшественник на посту народного комиссара по военным и морским делам Троцкий. Но вряд ли он располагал возможностью организовать врачебный заговор.

39

2014. Это правило, сформулированное ещё задолго до данной статьи, остаётся верно и по сей день.

40

2014. Строго говоря, надеялись не на сохранение мира до конца срока действия договора в 1949-м (всем была очевидна неизбежность войны), но хотя бы на отсрочку до 1942-го, когда положение СССР должно было заметно улучшиться.

41

2014. Тогда это выражение употреблялось иронически.

42

2014. Через 5 лет после написания этой фразы нефть начала довольно быстро дорожать. Но в пересчёте на золото её цена с тех пор колебалась не более чем на четверть. Иллюзия сверхвысокого подорожания порождена резким обесцениванием доллара (и вслед за ним прочих валют: никто не хочет поставить своих экспортёров перед угрозой нерентабельности).

43

2014. Тогда скорость падения украинской экономики была столь велика, что воссоединение представлялось неизбежным. Увы, последующий опыт доказал: при должном уровне демагогии можно заставить народ терпеть во власти даже откровенных разгильдяев, не способных позаботиться хотя бы о наполнении собственного кармана. Силу же украинской пропаганды доказывает хотя бы то, что по сей

день — не говоря уж о тех временах — основная масса граждан Украины уверена: в Российской Федерации уровень жизни ниже, а свободы слова меньше.

44

2014. С тех пор появилось немало новых образцов вооружения — и в нашей стране, и за рубежом. Мы, к сожалению, почти полностью упустили развитие беспилотных летательных аппаратов и только сейчас всерьёз взялись за него. Лишь недавно возобновилось строительство нашего надводного флота. Но по характеристикам всех наземных видов оружия и боевой техники, а также пилотируемой авиации — не говоря уж о межконтинентальных ракетах — мы превосходим всё зарубежье куда сильнее, чем два десятилетия назад.

45

2014. Вторая чеченская кампания прошла куда лучше. Но и в первой мы проиграли не боевикам и разбойникам, избравшим Чечню своей операционной базой (вроде легендарного пиратского острова Тортуга), а отечественным — прежде всего московским — бизнесменам, использовавшим Чечню как канал обхода различных законных ограничений быстрого заработка, и политикам с журналистами, обслуживавшим этих бизнесменов. Впрочем, для использования опыта обеих чеченских кампаний — и в армии, и в политике — потребовались ещё многие годы.

46

2014. Дальнейший опыт показал: изобилие в нашей стране ресурсов, соблазнительных для внешнего мира, порождает в этом мире наших врагов независимо от разумности нашего собственного руководства.

47

2014. Строго говоря, производство в Швеции такое же капиталистическое, как в большей части нынешнего мира. Но там в наибольшей на сегодня мере осуществлён призыв Юрия Михайловича Лужкова: «работать по-капиталистически, распределять по-социалистически».

48

2014. К сожалению, уже довольно давно принуждают.

49

2014. Конечно, причины участия Британии в войне были куда серьёзнее. Но повод оказался очень удобным.

50

2014. Убийство Каддафи вызвано не нижеуказанным тезисом. Куда важнее оказалось его желание торговать нефтью не за доллары, тем самым вышибая одну из главных опор заокеанского метода правления миром.

51

2014. Исследователи способов сосуществования и конкуренции цивилизаций давно признали Россию отдельной цивилизацией. Более того, есть основания полагать, что по многим важным свойствам она куда лучше цивилизации европейской.

52

2014. Увы, всё оставшееся к тому моменту от Югославии — федерация Сербии с Черногорией — тоже давно расколото, а из Сербии вырвали Косово и сейчас понемногу выпиливают Воеводину.

53

2014. Вероятно, именно вследствие осознания всего перечисленного Организация Северо-атлантического Договора так и не пожелала включить в себя Российскую Федерацию — хотя включила уже 3 из 15 республик бывшего Союза и время от времени приценивается ещё к нескольким.

54

2014. Нечто подобное уже случилось с Европейским Союзом: принятые туда постсоветские государства отстаивают в основном не общесоюзные интересы и даже не свои собственные, а американские. НАТО — в отличие от ЕС — изначально включает США и действует с

постоянной оглядкой на их интересы, так что в этой организации внутриевропейские разногласия не столь заметны.

55

2014. Международный трибунал по бывшей Югославии вынес обвинительные приговоры в несколько раз большему числу сербов (точнее, православных сербов: католическую часть этого народа принято называть хорватами, а мусульманскую — босняками), чем всех вместе взятых остальных участников тамошней междоусобицы, хотя военных преступлений, зафиксированных видеозаписями и статистикой, сербы совершили поменьше прочих. В Сербии грустно шутят: в гаагском трибунале строго действует презумпция невиновности — ни один обвиняемый не считается виновным, пока не доказано, что он серб.

56

2014. Северо-Запад уже раскалывается, и заметная часть его ищет союза с Северо-Востоком.

57

2014. Справка для возможных в тот момент участников публичных споров по вопросу расширения НАТО. Увы, среди тогдашних российских политиков не оказалось желающих всерьёз спорить: возможно, боялись, что не сумеют связно объяснить позицию РФ даже с такой подсказкой.

58

2014. В те годы ЧФ финансировался в основном из бюджета Москвы по инициативе Юрия Михайловича Лужкова. Украина же и тогда всячески ограничивала его.

59

2014. Это уже случилось. Чтобы улучшить соотношение, США добились отмены швейцарской банковской тайны.

60

2014. Именно это решение мы в дальнейшем пытались предложить — с надлежащими поправками на новые географические и политические обстоятельства — при каждой новой волне расширения НАТО. Увы, пока ни один из российских политиков, ознакомленных с ним, не рискнул его огласить от своего имени.

61

2014. Иной раз эти объявления оказываются верными.

62

2014. Сейчас уже очевидно: догонять Запад, пользуясь западными же методами, неэффективно — куда полезнее искать обходные манёвры.

63

2014. Дальнейший ход истории показал: Хусейн и Каддафи вместе взятые натворили куда меньше бед, чем те, кто объявил их опасными.

64

2014. Мы возвращались к этой теме и позже. Но решили ограничиться данным текстом, чтобы показать: невзирая на все изменения исторической обстановки, сама концепция нейтрализации стран между РФ и НАТО всё ещё полезна.

65

2014. Имеется в виду один из множества протестов жителей Причерноморья, тогда ещё принадлежавшего Украине, против военных манёвров НАТО.

66

2014. Даже сейчас возвращение Крыма в РФ породило множество сложностей, чьё преодоление ещё далеко впереди.

67

2014. Версия не включена в книгу, ибо не имеет качественных отличий от первой.

68

2014. То есть после организованного под руководством США государственного переворота, выразившегося в отмене результата второго тура выборов, где победил не проамериканский Ющенко, а проукраинский Янукович.

69

2014. Государственный переворот 2014-го года на Украине и последующие события на обломках этой республики ударили прежде всего по ЕС.

70

2014. По официальной статистике голосования, в Галичине — регионе, с конца 1860-х годов превращённом в полигон отработки технологий превращения русских в антирусских (ныне он разделён на Ивано-Франковскую, Львовскую и Тернопольскую области Украины) — за Ющенко подано на полмиллиона больше голосов, чем могло хотя бы теоретически присутствовать там избирателей в день выборов.

71

2014. В 2008-м году легендарная социологическая служба Gallup установила: по родному языку, реально используемому в повседневной жизни, 5/6 (а не 2/3, как указывали ранее другие источники) граждан Украины — русские. Впрочем, события 2013–4-го годов показали: значительная часть русского большинства граждан Украины уже убеждена местной пропагандой, что обстановка в РФ куда хуже, чем на Украине, и их малой родине лучше держаться подальше от большой (а некоторые даже готовы убивать сторонников воссоединения).

72

2014. В 2010-м году: эта часть текста писалась на рубеже 2011–22-го.

73

2014. Юрий Михайлович Лужков — мэр Москвы с 1992-го года — в 2010-м отстранён от должности с официальной формулировкой

«утратил доверие президента». Последующие попытки возбуждения уголовных дел так и не выявили оснований для такой утраты. Один из авторов этой книги — Латыпов — был советником мэра с 1998-го, и мы оба охотно участвовали в проработках его технических идей: до прихода в политику Юрий Михайлович был крупным химиком-технологом.

74

2014. Пока Германия не начала новую ядерную программу, а только сворачивает старую. По мнению экспертов, это однонаправленное движение (как и решение закрыть все ядерные реакторы Японии) вызвано давлением США: там наметили возрождение собственной ядерной энергетики, и мировой добычи урана в ближайшие годы не хватит и на снабжение всех уже существующих реакторов, и на одновременное с этим заполнение новых американских.

75

Эти оценки опираются не на абсолютную цену быстро падающего доллара, а на соотношения цен различных производственных ресурсов. Поэтому необходимость удвоения цены урана остаётся очевидной при любых курсовых валютных играх.

76

2014. Подогревают её и США, старающиеся отсечь ЕС от источников энергии, не контролируемых из-за океана. Ядерная энергетика обросла столькими политическими мифами, что умелые пропагандисты могут её приостановить в любой момент (что и продемонстрировали после Фукусимы), а самые умелые сейчас пропагандисты — именно американские.

77

2014. Выборы в европейский парламент 2014.05.25 дали неожиданно большое число голосов партиям, выступающим за приоритет интересов своих государств над общеЕСовскими или даже на выход из ЕС. Это естественная реакция на требование

общеЕСовских структур вполне подчинить все страны союза единым правилам.

78

2014. Китай уже предоставил РФ кредиты на строительство нефте — и газопроводов на свою территорию.

79

Одним из активнейших публичных оппонентов проекта оказался тогдашний заместитель главного редактора ежемесячника «Коммунист» Егор Тимурович Гайдар. По его мнению, нельзя было тратиться на капиталовложения, пока не удовлетворены социальные нужды граждан. Впрочем, на всех последующих постах он проявлял столь же впечатляющую нечувствительность к стратегическим планам.

80

2014. Доллар пока вроде бы держится и порою даже поднимается относительно рубля. Но США вынуждены для этого прибегать ко всё менее разумным мерам — вплоть до разжигания по всему миру военных конфликтов, с которыми в случае их естественного разрастания даже сами США не справятся.

81

Многие политические противники РФ считают необходимым противодействие созданию любого нового газопровода, исходящего из нашей страны. По их мнению, эти системы привязывают наших потребителей к нашей политике сильнее, чем династические связи в феодальные времена.

82

Один из авторов — по институтскому образованию теплофизик — вставил здесь обширное объяснение причин, по которым охлаждение на один градус ниже окружающей температуры требует куда больше энергии, чем нагрев на градус выше неё. Второй автор — не только физик, но ещё и нейрофизиолог, и философ — убрал это объяснение и оставил только упоминание самого факта.

83

Контракт на поставки газа из РФ через Украину в ЕС, заключённый главой правительства Украины Януковичем в 2004-м году, предусматривал оплату транзита из расчёта \$1.6 за перекачку 1000 м³ газа на 100 км. В то же время сама Украина по этому же контракту покупала газ по \$50 за те же 1000 м³. В цене перекачки примерно 1/2–2/3 составляет газ, сгорающий в турбинах, приводящих насосы в действие. Таким образом перекачка на 100 км требует примерно 1/60–1/45 перекачиваемого газа. На его же поддержание в сжиженном виде в самых современных танкерах уходит, насколько слышаны авторы, примерно в 2 раза больше.

84

У нас этот титул принято переводить как «император». Но в современном мире нет других коронованных особ, ведущих своё происхождение непосредственно от богов (в данном случае — богини неба Аматэрасу). Так что тэнно выше императора.

85

Высадиться на Хоккайдо просто не успели: Япония капитулировала раньше. План создания социалистической Северной Японии остался в сейфах.

86

СССР мог заблокировать это решение. Но тогдашний представитель СССР в ООН — бывший Генеральный прокурор СССР — Андрей Януарьевич Вышинский разыграл на заседании Совета бурное возмущение и покинул зал. Он полагал, что неучастие в голосовании равноценно голосованию против. Сработала привычка к советским выборам, где неявка на избирательный участок считалась ЧП.

2014. Впоследствии мы узнали: СССР тогда вовсе не участвовал в заседаниях Совета Безопасности, добиваясь, чтобы Китай в нём представляло пекинское коммунистическое правительство, а не бежавшая на Тайвань прежняя власть. Вопрос о Корее поставили на голосование, не известив советского представителя.

87

Он вообще очень легко раздаривал завоевания предыдущей эпохи. Китай получил Порт-Артур и Дальний, изъятые у той же Японии. Финляндия вернулась в Петсамо и на Ханко: советские военные базы, завоёванные в 1940-м и вновь отвоёванные в 1944-м, утеряны навсегда. Крым не в счёт: он передавался внутри единой страны.

88

Легенда изрядно преувеличена. Время от времени отдавать всё же приходилось. И немало. Например, 5-го сентября (по старому стилю 23-го августа) 1905-го в Портсмуте Сергей Юльевич Витте подписал мирный договор, по которому Япония обретала не только российские колонии в Китае и практически ничейные Курилы, но и южную половину уже бесспорно российского Сахалина. Вряд ли будущий премьер-министр Российской империи надеялся, что через 40 лет остров отвоюют. Впрочем, для Витте было куда важнее не платить контрибуцию. Дело не только в ограниченных финансовых возможностях страны, где бушевала первая революция. По тогдашним традициям переход земель из рук в руки считался хотя и обидным, но зачастую неизбежным. Выплата же контрибуции могла быть воспринята как признание не только унижительной слабости, но в какой-то мере и вины за войну. Витте добился мира без контрибуции, за что и удостоился титула графа. Правда, за территориальные уступки ехидная молва уточнила: граф Полусахалинский.

89

Статус самого этого княжества тоже был достаточно любопытен. Либерально — в духе времени — настроенный император Александр I даровал новому приобретению конституцию. Вероятно, он надеялся опробовать в новых землях проект, который хотел в будущем распространить на все свои владения. В результате Финляндия оказалась фактически соединена с Россией только личной унией: глава Российской империи автоматически становился и главой Финляндии. В остальном же она пользовалась широчайшей автономией — вплоть до хождения собственных денег, хотя и по довольно стабильному курсу по отношению к рублю. С конца XIX века этой автономией охотно пользовались российские революционеры: арестовать их на

финской территории было возможно только с соблюдением множества формальностей, излишних в самой России.

90

Проблема языка в Финляндии достаточно сложна. За несколько веков в составе Швеции собственно финский язык сохранился разве что в глухих хуторах, а всё образованное сословие стало общаться по-шведски. В XIX веке просветители возрождали финский язык искусственно, придумывая слова для множества новых понятий, отсутствовавших в речи хуторян. С тех пор и доньше идут споры, считать ли шведоязычных граждан Финляндии шведами, прижившимися на новом месте, или финнами, полностью оторванными от родного языка.

91

Доля шведоязычных во всём населении постоянно сокращается: в 1880-м году она составила 14.3 %, в 1910-м — 11.6 %, в 1940-м — 9.6 %, а в 1970-м — 6.6 %. По последним в XX веке данным (1997.12.31) Центрального статистического бюро Финляндии, шведоязычных было 293 691, или 5.7 % всего населения страны (5 147 349 человек). Из 25 392 жителей Аландских островов 23 864 — шведоязычные, 1 205 — финноязычные. Впрочем, каждый вправе регистрироваться либо финно-, либо шведоязычным: органы власти не проверяют владения языком.

92

На протяжении изрядной части церковной истории духовные владыки располагали заодно и светской властью. Если папа римский мог не только претендовать на власть над всем христианским миром, но и владеть независимой Папской областью в центре Италии (сейчас от неё осталось только 0.44 км² на Ватиканском холме Рима), то и его подчинённые были полноправными князьями.

93

В середине XIX века британские купцы занялись одним из самых прибыльных на востоке видом торговли. Опиум был традиционным предметом потребления китайцев уже много веков. Выработалась

культура его потребления, при которой риск необратимой наркомании сводился к физиологически неизбежному минимуму. Британцы со своим привычным размахом изрядно нарушили восточное спокойствие. Рост торгового оборота сопровождался не только массовой фальсификацией (а примеси резко увеличивают опасность наркотика), но и громадным вывозом за пределы Поднебесной империи. Китайские власти запретили заморским варварам торговать ключевым товаром. И тогда британское правительство двинуло на древнюю империю всю свою мощь под знаменем защиты священной свободы торговли. Четыре войны завершились полным разгромом не только безнадежно устаревших вооружённых сил Китая, но и всей его государственной машины.

94

Это разные диалектные произношения одного и того же слова.

95

Главное сегодня ископаемое Аляски — нефть. Но тогда тамошние месторождения ещё не были открыты. А главное — не имели особой ценности. Война Судного дня, поднявшая цену нефти на пару порядков, произошла в октябре 1973-го.

96

2014. Был и ещё один очень важный мотив. Взаимоотношения России с Британией после Крымской войны так и оставались весьма напряжёнными. Уже в 1862-м очередное обострение вынудило Россию принять предупредительные меры — в дружественные гавани Нью-Йорк и Сан-Франциско прибыли эскадры русских фрегатов, готовые в случае войны пресекать британскую морскую торговлю (заодно они удержали Британию от попытки вмешаться во внутриамериканскую гражданскую войну на стороне юга, чьё сырьё — хлопок и табак — британцы хотели покупать по дешёвке, а не в виде готовых изделий северных заводов). Аляска же граничит с Канадой и в случае войны с Британией оказывалась лёгкой мишенью. Во время Крымской войны британское нападение на неё предотвратили, застраховавав всю Аляску в компаниях США: после этого британское вторжение на Аляску ударило бы по американскому карману. Эта страховая сумма — \$7.2

миллиона — стала и оценкой Аляски при её продаже США: Россия сочла нецелесообразным удержание территории, столь легко уязвимой и столь трудно защитимой.

97

Министерства США именуются департаментами — отделениями. В частности, министерство иностранных дел зовётся департаментом государств. Соответственно министры считаются всего лишь секретарями этих отделений.

98

Чуть ли не миллион долларов из общей суммы, выплаченной казначейством — министерством финансов — США, ушёл на подкуп различных государственных деятелей страны, способных затормозить покупку.

99

Россия доселе пользуется на Курилах и южной части Сахалина зданиями и инфраструктурой, унаследованными от японцев. Новое строительство за всю советскую эпоху далеко не везде сравнилось с японским по объёму. А уж по качеству отстаёт от японского катастрофически — хотя сама Япония в межвоенную эпоху считалась едва ли не главным в мире рассадником халтуры.

100

Сакраментальные 99 лет вряд ли окажутся приемлемы для российского общественного мнения. Даже пример Гонконга, вернувшегося через все эти годы под китайскую юрисдикцию, не перевесит простой мысли: «Никто из нас не доживёт». Но уже 49 лет — обычный срок аренды земли в Москве — скорее всего будут приняты обществом без особого сопротивления. Впрочем, предельно допустимый срок можно при необходимости определить и социологическими методами.

101

Гонконг и через четыре года после возвращения остаётся богачейшим — несравнимым с прочими — регионом Китая. Правда,

этому весьма способствует провозглашённый Дэн Сяопином лозунг «Одна страна — две системы».

102

2014. Естественно, сейчас это предложение уже устарело. Но не исключено, что затраты РФ, связанные с ним, были бы гораздо меньше нынешних.

103

2014. Это предсказание не сбылось. Нефть подешевела только в начале нынешней — Второй — Великой депрессии, но затем вновь подорожала. Наш последующий анализ выявил причину этого. Ввиду различия структур налогообложения одно и то же подорожание сырой нефти повышает цену на нефтепродукты в ЕС куда сильнее, чем в США. Поэтому дорогая нефть бьёт по США куда меньше, чем по их основному экономическому конкуренту.

104

Впоследствии эта организация названа Первым Интернационалом, ибо после её роспуска созданы в разное время ещё три, причём около десятилетия все три существовали параллельно.

105

Сейчас в подобных случаях принято добавлять «в стабильных ценах» или «с поправкой на инфляцию». Тогда это само собою разумелось: в XIX веке денежное обращение опиралось на драгоценные металлы.

106

Точнее, хрематистики — погони за прибылью вне зависимости от её источника. Этот термин ввёл ещё Аристотель. Он же ввёл и термин «экономика», но понимал его как разумное ведение хозяйства (ойкос — обиталище, номос — закон) с учётом (по возможности) всех сторон жизни и всех последствий каждого решения.

107

Это выражение Адама Смита изначально вовсе не требовало полного невмешательства государства в хозяйство. Оно лишь указывало, что рынок может сам подталкивать отдельных хозяйственников к решениям, выгодным всему обществу. Но такая возможность далеко не всегда осуществляется достаточно быстро, поскольку на рынке хватает и других возможностей заработка — в том числе и возможностей, способных принести другим заметный ущерб. Отсюда — множество печальных шуток на тему: невидимость руки очень удобна, когда рука шарит по чужим карманам.

108

Отметим главное: империи делятся на два типа — континентальные, сформированные из народов, веками живущих бок о бок и подыскивающих способы взаимовыгодного взаимодействия, и колониальные, образованные завоеваниями отдалённых земель и дальнейшим стремлением не столько выстроить из них единое хозяйство, сколько использовать богатства колоний на благо метрополий. Классический образец колониальной империи — Британия, континентальной — Россия. Большинство известных нам недостатков имперского устройства характерно для колониальных, большинство известных достоинств — для континентальных.

109

Процесс политического и экономического развала страны начался ещё в годы перестройки, задолго до того, как в Вискулях об этом развале объявили публично.

110

По счастью, в данном случае подтвердилось утверждение вице-губернатора нескольких (в разное время) губерний Российской империи Михаила Евграфовича Салтыкова, более известного как писатель Николай Щедрин: «Свирепость законов российских умягчается единственно необязательностью соблюдения оных». Несколько крупнейших российских электронных библиотек изъяты из-под действия закона и даже получили государственные субсидии на развитие, а ещё несколько зарегистрировались вне юрисдикции РФ.